

Алексей Евстафьев

ЛОВУШКА

Долго ли коротко ли...

Едва родился — и уже в ловушке?.. Нет, не обольщайтесь, ловушку надо заслужить.

Наша история начинается с праздника. Влечение к продуманному игровому торжеству пленило многих людей, увлекающихся ритуальными манипуляциями и апокрифическими кульбитами. А если вспомнить наши календари с праздничными датами, заботливо помеченными красным цветом?.. Мы так и живём: от праздника до праздника!..

Основной текст повести написан в 1993 году и отредактирован в 2015. Автор просит считать случайными и надуманными все возможные совпадения с событиями сегодняшних дней. Автор не ставит перед собой цель кого-либо и что-либо дискредитировать, дискриминировать, оболгать, ошельмовать и посрамить. Автор просто фантазёр.

Алексей Евстафьев

Ловушка

— Церемонию необходимо расписать по минутам. — нашептывает Игорь Дмитриевич насупленному Максиму Павловичу. — С точностью инструкции по расстрелу приговорённых к высшей мере, где поминутно выписан каждый шаг и перекур, Максим Павлович. Понадобится — будем и крестики на полу рисовать для пунктуальности.

— Это вы слишком завираетесь, Игорь Дмитриевич, про расстрел. — осторожно отшучивается Максим Павлович. — У нас всё-таки школа, дети.

— Именно! Дети! — повышает голос Игорь Дмитриевич. — Уж если нынешние дети озоруют без толики страха, Максим Павлович, то они способны прямо в разгар торжества явить если не всю революцию сознания, то хотя бы её несомненные эпатажные частицы!.. Они на это способны, Максим Павлович, а блуждающие догмы психоанализа отыщут на то тысячи оправдательных причин. Но мы-то с вами знаем, что детскую игривость нельзя пустить на самотёк, ибо она непременно выйдет за пределы начертанного круга, покинет помещение, уйдёт и назад не возвратится. Кто-то из ответственных лиц в данном случае может остаться с «носом». Упрёк в вашу сторону, Максим Павлович.

— Для меня в подобном «носе» заключается мало обидного. — спокойно отреагировал Максим Павлович, почёсывая свой выдающийся нос. — Лишь бы головы не терять.

— Именно! Головы!.. Я так и думал, что найду у вас поддержку, Максим Павлович!.. На вас всегда можно положиться. Приступим же с Богом, дорогой Максим Павлович!!

Праздник открывается ровно в полдень. Под бравурное сопровождение фортепьяно команды юношей и девушек чётко маршируют и проходят в спортивный зал. Прекрасно, мудро и фривольно-торжественно украшен в честь праздника школьный спортивный зал. С потолка ярморочно улыбаются пёстрые гирлянды и долговязые воздушные шары. На окнах извивается зеркально-струистая мишура. Столы и скамеечки щедро усыпаны первыми майскими — ещё дрожащими от нечаянности — бледными цветами. На стенах и стендах, почти впритык друг к дружке, развешены весёлые и яркие детские рисунки.

Завуч Софья Никитична украдкой подбадривает пианистку:

— Вера Гафуровна, играйте побыстрее!.. Раз-раз-раз!..

— А?

— Темпика надо прибавить, Вера Гафуровна! Не на похоронах!..

— Раз-раз-раз! — Вера Гафуровна заметно ускоряет темп, бледнокожий нотный лист слегка трясётся на пылком фортепьяно, пальцы ловко слетают с клавиш.

— Раз-раз-раз! — согласно кивает головой Софья Никитична.

— А?

— Играйте, играйте, Вера Гафуровна. Вот так и играйте.

— Так?

— Раз-раз-раз!..

— Раз-раз-раз!.. — заискивающе волнуется Вера Гафуровна.

Знаменосец первого марширующего отряда неловко подстраивается под фортепьянные такты, добавляет шагу резвости и убегает на несколько метров вперёд от правофланговых. Вера Гафуровна замечает это неприятное обстоятельство и возвращается к замедленному темпу марша.

— Вы с ума сошли, Вера Гафуровна?.. Играйте побыстрее!.. — чуть ли не кричит завуч

Софья Никитична. — У нас всё расписано по минуточкам!.. Ать-два, Вера Гафуровна, шпарьте смелей!..

Знаменосец услышал призыв Софьи Никитичны «шпарить смелей» и принимает его на свой счёт. Знаменосец — юноша во многом посредственный, но не случайный и послушный. «Чёрт с ним, с фортепьяно! — размышляет знаменосец. — Буду слушаться завуча.» Знаменосец решительно прибавляет шаг, всё дальше и дальше отдаляясь от марширующих товарищей, и — поскольку шествие движется по кругу — неожиданно догоняет колонну сзади. Острие древка знамени глумливо и даже нагло врезалось в стриженный затылок Васи Копытова. Мальчик грубовато взвизгнул, обернулся назад и потянулся кулаком к затылку знаменосца. В углу спортзала сразу образовалась маленькая потасовка. Марширующая колонна остановилась, дети фыркнули неупорядоченным смехом. Учителя едва сдержались от смешливого возмущения.

Завуч Софья Никитична разогнала драчунов и отделалась лёгким испугом. Правда, украдкой направила кукиш в сторону Веры Гафуровны. Несомненно, что юмористический эффект начала праздника был скоренько затушён. Игорь Дмитриевич щелчками пальцев, напоминающими вбиваемые гвозди, указал пианистке верный темп и творческое направление.

— Раз-раз-раз!.. — устало кивнула растрёпанной головой Вера Гафуровна, проигрывая коду.

А вот юноша-знаменосец и Вася Копытов с позором покинули помещение, чтоб не портить людям праздник. Знаменосец, мучимый стыдом и синяками, скрылся в безлюдной раздевалке, где, утешившись обособлением, попытался погладить себя по голове. Но как не пытался он нащупать затылок — ему ничего такого не удавалось!.. Ни затылка, ни ушей, никакой головы у знаменосца уже не было!.. Только смущённая шея торчала из туловища бесхозным пеньком. «Это почему же так иррационально-то? — кисло ватно заскулил знаменосец. — Если я ещё в состоянии мыслить (вот и критические потребности довольно-таки ярко упражняются в словопрениях), то — позвольте узнать — почему оно у меня получается без головы?..» Знаменосец растерянно оглядел раздевалку в поисках товарища, который мог бы ему посочувствовать. Вася Копытов оказался рядом, с озорной футбольной мастеровитостью попинывая голову знаменосца, не позволяя ей упасть на пол.

— Пасуй мне! — попросил знаменосец. — И встань на ворота!..

Скоро голова вылетела через разбитое окно раздевалки на улицу, мальчишки — через это же окно — рванули вслед за ней, и помчались навстречу жизни, полной приключений и волшебства.

А школьный праздник идёт своим чередом. Команды учащихся выстроились в две линейки и томятся в вынужденном смирении: молодые, подтянутые тела несдержанно пульсируют, требуя новых движений, игр, взбучек, авантюр и покорения неизведанного. У дверей спортзала толпятся нервным ворохом родители учеников. Мамаши и папаши любят на драгоценных отпрысков, покашливают, вводят в очерченное оформление праздника признак излишества, стаптывают обувь и мелочно судачат: «...Нина Георгиевна, а ваша-то доченька совсем невестой выросла, хоть прямо сейчас замуж отдавай.» — «Я им возьму! кобели ишь!» — «А разве она с Лёней Павловым не гуляет?.. Мне Светочка рассказывала, что она с Лёней дружит и гуляет допоздна.» — «Лёня — мальчик воспитанный, мальчик из приличной семьи, он нашу дуру замуж не возьмёт.» — «Родит так если...» — «А если родит, то за Стёпку замуж выдадим. У Стёпки папаша юрисконсульт в

банке работает! Рожа, как у поросёнка!..» — «...Гордись, Тамара, сыном своим, ибо есть чем гордиться! Строен, крепок, весел — скоро ему в армию, сорванцу! Поступит в танковые войска, где и батяня служил, будут там его дрючить и дрючить!.. А что ты, Тамара, думаешь? Есть такой долг перед Родиной, и его нужно исполнять. А в танковых войсках всех дрючат.» — «Серёжа, тише!» — «Всех дрючат, Тамара, принципиально всех, и батяня знаком с этими обстоятельствами не понаслышке!..» — «...Вот ведь Сенька-паршивец: пятно на рубашку посадил! на самое видное место!.. Вчера целый день стирала, гладила, а ему лишь бы в грязи извазюкаться. Ну, только воротись домой!!» — «...Всё бы ничего с моей Марусенькой, учителя говорят, и классная руководительница согласна: всё, говорит, с ней ничего, успокойтесь мамаша!.. Но вот с физкультурой!.. Уж я говорю Игорю Дмитриевичу: девочка болезненна, девочка хочет после школы на «иностранные языки» поступать, ей скаканья на уроках физкультуры ни к чему, поставьте хотя бы четвёрку!.. А Игорь Дмитриевич упёртый: как всем, говорит, скакать положено, так и она пускай скачет! и кросс, говорит, на лыжах пускай хоть в апреле сдаёт!.. Зла не хватает.» — «А вы коньячку ему не пробовали дать? Он любитель коньячку.» — «Лыжной палкой ему в жопу, а не коньячку!.. А он какой предпочитает?» — «Пятизвёздочный, какой же ещё.» — «Будем давать. А что делать?..»

Слово для выступления берёт завуч Софья Никитична. Взгляд её пристален, наружность хрестоматийна:

— Дети! Дорогие ребята! Школа — это наш любимый общий дом. Не только мы здесь хозяйева — учителя и прочие взрослые, но и вы — наши любимые детки. Все успехи педагогов — это ваши успехи; от тех же сочных корней знаний, которыми питаетесь вы, питались когда-то и мы, и даже ваши папы с мамами, и бабушки с дедушками... питалась когда-то и я...

Ученик Рогожин с яхонтовой ухмылкой бросил взор на лихой, тепло дышащий бюст Софьи Никитичны. «Тётка-то ещё в самом соку!» — покусал ногти ученик Рогожин.

— Дети! — продолжала докучать Софья Никитична. — Наши профессиональные навыки, наши бранные жизни... об бренности наших жизней можно сказать без всякого стеснения, ибо отошли прочь лживые советские пропагандистские штампы, и теперь можно обо всём говорить открыто... так вот, наши жизни целиком и безвозмездно отданы вам, счастливому и непростому миру подрастающего поколения!.. Ваши папы и мамы не очень-то способны к процессу воспитания, они заняты на работе и отчасти беспечны (некогда, им всё время некогда, вот папу Лёши Горшкова, который раз в школу вызываю, а его и сегодня нет... где твой папа, Лёша Горшков?.. вот ты подумай только, какой у тебя равнодушный папа...), и только мы подчинены профессиональному долгу и стремимся выстругать из всякого юного человечка большого гражданина большой страны. Спасибо вам, дети, за то, что вы нас любите, и нам тоже спасибо.

Марина Мотыкина с букетиком хризантем подбегает к Софье Никитичне и дарит цветы. Софья Никитична хмуρο всплакивает.

Слово предоставляется Игорю Дмитриевичу и Максиму Павловичу.

— Дети! — с трудом избегая слезливости, закудахтал Максим Павлович, опережая Игоря Дмитриевича. — Кто ты есть сейчас такой — ребёнок? что ты возомнил о себе? кому будет нужна страна, в которой, повзрослев, ты станешь хозяином?.. Преодолев себя — инфантильно-глупого — продемонстрируй силу воли, прояви инициативу, вырвись из бытовых обстоятельств и взойди на пьедестал! И не каким-нибудь безответно-почитаемым покойником в памяти народной, а молодым и счастливым человеком!.. Я бы не сказал вот

так прилюдно о том, где будет обретать свой пьедестал двоечник и прогульщик Саня Рожнов, и не скажу. Но он мои слова ещё попомнит. И подпирая пьяным телом грузный забор, он непременно скажет: а прав был Максим-то Павлович, и надо было мне в школе учиться на пятёрки!..

Саня Рожнов кисло улыбается и чешет слежавшуюся копну волос. Игорь Дмитриевич отдаёт приказ по залу:

— Команды... смирно!!

— Есть!

Присмирели.

— В борьбе за... будьте готовы!

— Всегда готовы!

Все участники и гости праздника торжественно исполняют временный гимн Российской Федерации. Слова на музыку Глинки умудрился написать сам Игорь Дмитриевич, и теперь с удовольствием напевал всё это дело заострённым баритоном, подкрашенным денатуратом из школьной мастерской.

— Угу-ля-ля, угу-ля-ля! — короткими несдерживаемыми лохмотьями подтягивает пианистка.

«Нет, чуточку побыстрее если... Нет, нормально всё... чего это я кипячусь, раз-два-три, раз-два-три!..» — привычно путается пианистка. «Опять она медленно играет, вопиюще медленно. — сердится Софья Никитична. — Какие-то похоронные щебетанья получаются, а не гимн. Ещё бы попов нагнать сюда кучу — привет родителям!»

— Вера Гафуровна, — шепчет пианистке Софья Никитична. — не играй так медленно, слышишь. Похороны в результате-то, а не гимн. У тебя муж не поп?

— Какой поп?.. (раз-два-три)

— Поп — толоконный лоб!.. Играй побыстрее!

— Иди-ка ты, Софья Никитична! — внезапно огрызается Вера Гафуровна и не меняет темпа. — Раз-два-три!.. конечно, у меня всё нормально, и муж не поп... куда уж тут чуточку побыстрее?.. «Со святыми упокой, со святыми упокой!..»

Гимн исполнен и на середину зала поочерёдно выбегают лучшие спортсмены школы в красных трусах и белых майках с эмблемами олимпийского движения, чтоб продемонстрировать своё атлетическое мастерство. Печальные пудовые гири с затяжной деликатностью перелетают из рук в руки; праздничные кувьрки и арлекинада пренебрегают тщеславными законами земного притяжения и находят совершенство в шутовстве левитации; игры с мячами хлопотливо-эротичных девушек занимают публику и отчасти делят её на два лагеря: на заинтересованный мужской и презрительно-негодующий женский. Умилительные до потешности первоклашки с обручами, обтянутыми серебряной фольгой, показывают замысловатые акробатические фигуры. Родители первоклашек задают гром аплодисментов.

— Дяденька, дяденька, а художественная самодеятельность на празднике будет? — требовательный юный голосок дёргает Игоря Дмитриевича за полу пиджака.

— А уже!.. — хвастается Игорь Дмитриевич.

Школьный драмкружок подготовил к празднику целый спектакль. Роль мальчика-Бармолея поручили исполнить мне, а роль девочки-лисиčky играет рыжеватая шатенка Танечка. Девочка-лисиčka и мальчик-Бармолей мечтают испортить весёлый праздник и противятся всяческому перевоспитанию. Но за ними внимательно наблюдают ученики-отличники и добрая волшебница Марья Гавриловна. Кабы Бармолей был чуточку

посообразительней и использовал для своих гнусных целей хотя бы рогатку, кабы лисичка поменьше зарилась на торты и пирожные, то набезобразничать им бы удалось на славу, всё к тому и шло. Сперва Бармолей посоветовал лисичке взять трещотку и трещать во всю ивановскую. Мол, от такой трескотни лишнего ума в учениках не прибавится, а дураков мы всегда будем рады в свою компанию затесать. Лисичка послушалась и затрещала, но тут прибежали ученики-отличники, трещотку отобрали и сказали, что в школе не должно быть никакого шума, разве что на переменках. «А сейчас не переменка разве?» — спросила лисичка. «А сейчас у нас праздник, который вы только портите!» — грубо оттолкнули лисичку школяры и трещотку поломали. А Гоша Липов сыграл на балалайке «светит месяц, светит ясный», и ему похлопали, потому что прилежным мальчикам всегда хлопают. Тогда Бармолей, посоветовавшись с пьяненьким сантехником дядей Мишей, предложил лисичке устроить в школе потоп. «А я не умею устраивать потопов.» — призналась лисичка. «И уменя особого не надо. — растолковал Бармолей. — Надо всех топить, тогда и будет потоп.» Дядя Миша ироничным хмыканьем подтвердил злую вездесущность Бармолея. «Ежели я в рот наберу много воды, а затем не выпью её, а выплесну наружу, то это будет потоп?» — спросила лисичка. «Будет.» — кивнул головой Бармолей. Девочка-лисичка набрала в рот воды, пока никто и глазом не успел моргнуть. Но тут вновь прибежали ученики-отличники с вёдрами и швабрами, затолкали лисичку в угол, защекотали — она выплеснула всю воду прямёхонько в вёдра, и потопы не получилось. Тогда Бармолей затеял вот что. «Притворись, лисичка, — говорит. — сиротой и сиди здесь на скамеечке, жалуйся на жизнь горемычную: мол, дружила ты с цыганкой, а цыганка тебя и сглазила. А когда прибегут ученики-отличники, чтоб тебе с бедой помочь, ты ручкой жеманно поверх бровей поводи и скажи: мол, помочь мне можно только одним. А они спросят: чем?.. А ты скажи: накушайтесь зелёными поганками, вот я развеселюсь, на это гляючи, и перестану быть горемыкой. А ученики-отличники тебе поверят и накушаются зелёных поганок. А когда помрут, то мы с тобой спросим у всех: испортили мы вам, ребята, праздник?.. И ребята скажут: конечно испортили, теперь мы тоже стали горемыками!..» Лисичка послушалась, села на скамеечку, скушала пирожное и заплакала, но тут пришла Марья Гавриловна и принялась журить Бармолея с лисичкой: «Зачем вы недобрый поступок с поганками затеяли? Нужно только добрые поступки совершать!» Спыхватились Бармолей и лисичка, понурились грушами компотными: очень персонально чувствуют, что прямо сейчас их перевоспитание начнётся, но...

— Стойте! — ворвался в зал на жгуче-белом коне витязь, суровыми глазами сверкая. — Остановитесь, братья и сёстры, ибо не празднику нам нынче честь отдавать! Война бураном снежным накатила: Абракадабр с войсками несметными ринулся на захват нашей земли!.. В крови погрянем — чует моё сердце.

— Дурак ты, братец. — рассердились на витязя Игорь Дмитриевич с Максимом Павловичем. — Испортил праздник стопроцентной пошлостью: инкогнито из Петербурга, немая сцена, занавес...

Ан нет!! Ловушка-то взведена!! Витязь не солгал.

ПОПАЛСЯ

Больше всего на свете я теперь боюсь этого Абракадабра. Воробьячий звон монеты, ударившейся об асфальт, хруст обёрточной бумаги из-под сливочного масла с застарелым запахом, взрывчато-раздавленный гнилой овощ подошвой сапога, внезапно запутанный механизм кремлёвских курантов — вот таким наваждением, вызывающим брезгливость, мерещится мне это имя, обволакивает, тяготит, обгрызает...

Десять лет — долгих десять лет — длится наша война с Абракадабром, и практически каждое утро я просыпаюсь с чувством панической атаки, которое впервые испытал ещё ребёнком, на школьном празднике. АБРАКАДАБР — дыра за дырой, сквозняки, сверл стоматолога, пчелиное жало, пивная отрыжка — немедленно хочется спрятаться от этого имени, скукожиться, скорчиться, врезаться телесной памятью в первый день рождения, в жутковатой и навсегда закреплённый в сознании момент перерезания пуповины, чтоб выплеснуться истерическим страхом (который, собственно, ещё и не постигаешь, как именно страх, ещё почти ничего и не знаешь об испуге, кроме тех ударов боли, от которых хочется жить ещё сильнее), накричаться и утихнуть, забыться, а очнуться, когда никто больше не подойдёт к тебе и не обидит.

Мне часто снится сон, который когда-то, в детские годы, казался просто кошмаром, а теперь воспринимается, как приговор сансары, безысходность. Мне снится, что в мою комнату заходит какой-то серый дядька огромного роста, хватает меня за руку и тащит на улицу! Я упираюсь, я не хочу идти с дядькой, потому что он мне непонятен и страшен. Кусаю его за пальцы, впиваюсь зубами в его цепкую руку — а ему не больно, он лишь гаденько улыбается. А я не могу быть доподлинно уверенным, что причинил ему боль, что дядька вообще состоит из человеческой плоти — у меня от укуса остаётся что-то совсем пресное на губах, что-то влажно-тряпичное! А дядька улыбается похотливо, алчно... улыбается и говорит прохожим на улице, чтоб им было понятно, отчего этот мальчик ревет и упирается: это сынок мой непослушный, я его заботливый отец! чтоб из пацанёнка безобразник не вырос, я его порть веду! шалит мальчик много!.. Но ведь он мне вовсе не отец, клянусь Богом, что он не может быть мне папой, поскольку страшен и омерзителен, и причиняет боль!.. И я кричу прохожим на улице: он мне не папа, не папа! не верьте ему! он меня из дома выкрал!.. А прохожие не верят, сердито качают головами, чуть ли не сами готовы меня выпороть... В детстве я всегда просыпался, вырывался из цепких лап этого кошмара с задавленным криком!.. Это был момент разрывающе-горькой внутренней обиды, личностного унижения от того, что ты знаешь, что этот мерзкий дядька не твой папа, и ты всем говоришь об этом, а они смеются и не верят. И тогда во мне нарастало чувство, подталкивающее к жажде возмездия, к желанию перетормозить всё человечество и освободиться от ответственности за вину, в которой ты не виноват... я не знаю, как это объяснить словами... мне просто хотелось, чтоб люди услышали мой крик, поняли отчего я кричу, и сами были наказаны за то, что не хотят мне помочь... А дядька-то этот был несомненно Абракадабром. Теперь я это понимаю. Несомненно.

Поскольку превращение из статистической единицы гражданского населения в статистического солдата сулило мне дополнительные жизненные страхи, то идея о дезертирстве появилась сразу, как только я получил повестку о призыве на военную службу. Впрочем, я тут же договорился с собой, что не буду называть это обстоятельство

дезертирством, а буду называть вынужденным скитальничеством!.. Но для начала решил законными методами получить справку о негодности к службе по состоянию здоровья. У моей подруги Танечки оказался в дальних родственниках главврач элитного учреждения по лечению и профилактике психиатрических заболеваний. Вскоре я получил направление в спецсанаторий на обследование. Главврач пообещал через месяц выдать долгожданную справку.

Несмотря на статус аристократичности, санаторий оказался местом уютным, ужимистым, скучным. Медперсонал отличался излишней подозрительностью и придирчивостью до мелочей. Кормили плохо. Из всех возможных щелей санитары подглядывали за пациентами, неустанно вели записи наблюдений, пичкали лекарствами, эффект от которых был совершенно непонятен.

Пациенты, в основном, были мало разговорчивы и бездеятельны. Лично меня очень привлекал третий этаж санатория, где находились палаты для излечивающихся ипохондриков. Среди них оказался с десяток бывших председателей парткомов, райкомов и горкомов. Довольно замкнуто, но добродушно проходили курс лечения несколько разведчиков-нелегалов, прибывших со службы из стран Варшавского Договора. Присутствовали иностранные граждане, главной целью которых являлось не профилактика психического здоровья, а укрытие от посторонних глаз. Я сумел немного подружиться с лидером одной из афганских группировок моджахедов, сдавшимся в плен и именующим себя Усамой бен Ладеном. Всего за пару недель пребывания в санатории он наловчился прекрасно изъясняться по-русски. Скоро стал захаживать в небольшую церквушку, расположенную неподалёку от санатория, в пригородном посёлке. По вечерам ловил рыбку в тамошнем пруду, любил карасиков.

Здесь же, на третьем этаже, я с недоумением встретил давнего своего знакомого — некоего Васю Копытова!.. Учились мы с ним в одной школе, правда он был старше меня на пару лет. Мир тесен, что неизменно и подтверждается людскими столкновениями и авиакатастрофами!..

— Вася, да ты ли это? — вопрошая с трепетом, я позволил себя обнять и по-приятельски безыскусно расцеловаться. — А мне докладывали, что ты давно бросил пить и курить, что на идеях вселенского масштаба больше не замыкаешься. Перестал всем рассказывать, как у мальчика-знаменосца голову украл.

— Пить я никогда не брошу, а ипохондрик я такой же, как и ты. — сказал Вася Копытов, утирая губы. — Тоже ведь на фронт забрать хотели, и я заново принялся про мальчика-знаменосца шарады выкладывать.

— Вот никак бы не подумал: обычного алкоголика и в элитную психушку отправили!!

— Деваться-то им некуда, поскольку по нынешним временам украденная голова знаменосца — практически дискредитация армии. Надо было упечь меня куда подальше, чтоб подозрительных слухов не распространял... в смущение не вводил... А мне здесь хорошо, тихо. Никто не беспокоит. А там, глядишь, и война закончится — можно снова в алкоголики податься. Мне повернуться на попятное направление — раз плюнуть.

— Вот тебе и штука: раз плюнуть! — не мог я сдержать иронии. — Да неужели ты в армии служить не захотел, ради воинской славы?.. Поверь, мне крайне неловко этакий оборот постигнуть — слишком он внезапен. Ещё, когда во дворе за клубом, помнишь, ты с нас, малышей, мелочь вытрясал, мне казалось: уж кто-то, а этот пацан не пропадёт нигде!.. А ныне встречаю тебя в палате ипохондриков, где мужественности всяко меньше, чем в

армейской казарме.

— Да мелочь из карманов и дурак натырит! — нахмурился Вася Копытов. — Гормональные всплески на фоне пербутатного периода... Вот ты мелочь из карманов всё забыть не можешь, экий злопамятный человек!

— Да я не по злопамятству себя кручу, не изволь сердиться. Я к тому, что две линии твоей судьбы не вяжутся в моём понимании: та линия на которой ты мужественно по району шляешься с чужой мелочью из карманов, и теперешняя линия с санаторием для душевнобольных. Завяжи их при мне, если желание есть, я хотя бы оценю эту завязь.

— И завяжу. — улыбнулся Вася Копытов, слегка настырно заглядывая мне в глаза: подведу я его или не подведу? не уложу ли завязь в конверт с доносом, чтоб иудиных серебрянников дожидаться от вездесущей КГБ?..

— Всё останется чётко между нами. — заверил я.

— Тут ведь что характерно... — успокоено и слегка насупившись, заговорил Вася Копытов. — Я имею свой особый взгляд на военные обстоятельства, потому и уклоняюсь от службы. У меня идеалы на этот счёт имеются. Массовое кровопролитие я одобряю не как цель, оправдывающую средство, а как предупредительный акт.

— А чего предупреждать-то ты хочешь, Василий? — невольно перешёл я на блаженный шёпот. — Каких невзгод сулишь миру?

— Да себя самого и сулю. — неожиданно звонко прихлопнул себя по пузу взбудораженный идеалист. — Ты вот про мужество моё вспомнил — мол, линия такая была, параллельная хулиганским побуждениям. Я этой линии придерживаюсь, конечно, но по возможности. Я даже починаю её на случайных перегибах. Но с умом.

— Где ум, а где отчаянность поступка? — возразил я.

— А ты вот присмотришься к современным способам ведения войны: всё через случай да нечаянный эпизод. На ковровые бомбардировки генералы надежды возлагают, на ядерные удары намекают. Изобретательному человеческому мужеству проявиться негде. Для подленькой хитрости места нет. А ведь главное в любой войне — я так считаю — это нагнать на людей побольше страху!!

— Не желаешь ли ты посеять в сознании людей бесконечный inferнальный ужас?

— Его. А как ты догадался?

— Да само как-то на ум пришло. Но поверь, друг, я мало чего смыслю в диктаторских замашках, потому и ироничен. Разве «ежовыми рукавицами» можно победить в глобальном смысле? Окончательно-то и бесповоротно?..

— А окончательная победа и не нужна — вот ведь главный номер моей идеологии. На человека можно геройскую медаль нацепить и прославлять на каждом углу, а всё равно следует держать в страхе. Чем больше страха — тем понятней послушание.

— А ежели бухгалтерия подведёт? — заговорщицки подмигиваю я.

— Какая бухгалтерия?

— Дебет с кредитом не сведётся. Человеческое послушание ведь не просто так тебе потребовалось, а для какой-то выгоды. Даже, пускай, государственного значения. Но ежели ты утращённого бедолагу в подчинении держишь, дабы он тебе вселенские масштабы из пальца высасывал, а он всего лишь в штаны наклал — то какая тебе от этого выгода?

— Хм... Ну, Филушка, и задаёшь ты задачки, нелегко к ним подобраться. — Вася Копытов неторопливо чешет затылок, шурится над предгрозовые небесные клоаки. — Не знаю, Филушка, чем тебя в этом смысле доволествовать, надеюсь лишь на свою интуицию.

Сам-то ты, если знаешь ответ про бухгалтерию, то подскажи.

— Нет, не знаю.

— Ну и не будем на ней заморачиваться. Как получится на род людской страху нагнать — так пусть и будет.

— Кстати спросить всё хотел: а что стало с тем парнем-знаменосцем?.. В историю с пропавшей головой я не верю. Но ведь парень куда-то подевался.

— Толик Шикльгрубер?.. Ты про него спрашиваешь?

— Как-как ты назвал его фамилию??

— Да Шикльгрубер. А как же ещё?..

— Очень фамилия двусмысленна. Вернее, даже не двусмысленна... Ну, ладно, что ты знаешь про Толика Шикльгрубера?

— Знаю, но немного. Окончил он биологический факультет, докторскую защитил. Определился по специальности в секретную лабораторию. Года четыре назад я от него письмо получил — чуть ли не единственное за всё время нашей дружбы.

— И что же он написал?

— Да мне показалось, что с пьяну написал. Пишет, что лежит в тамошней больничке, с отрезанными руками и ногами. Вроде как эксперимент какой-то проводил, и там всё покатилося к херам собачьим. Внезапным химическим взрывом всю лабораторию разнесло по округе и его чуть не убило. В самом низу красными буквами подписал слово «arage»!.. Не знаю, что за слово, верно по латыни.

— Как же он написал письмо, ежели без рук и ног остался? — озадачился я.

— Вот и я об этом подумал. Верно, пиписькой так ловко владеть научился.

— Ну, скажешь тоже... пиписькой...

С шуточками и прибаутками разошлись мы с Васей по своим палатам. А через пару дней обречённо-велегласый прапорщик Удушенко — антикоммунист, антисемит, поклонник реформ Столыпина и афористических указаний — прибыл в санаторий, красуясь завидной орденской планкой, упомянул одну мать на всех нас — разношёрстных раздолбаев и симулянтов — и принялся излечивать от всяческих умунепостижимых болезней. Одному выписал почасовой электрошокер, другому — ежеутреннюю и ежевечернюю порку шпицрутенами, третьего заставил выучить наизусть двухтомник философа Ильина. Многие из пациентов предпочли вылечиться очень быстро, и я в том числе. Затем прапорщик Удушенко загнал всех нас в вагоны спецпоезда и повёз в учебную часть, расположенную в соседней области, для выработки солдатской выправки и принесения воинской присяги.

— Единственная цель для окрылённой мужественности — это ни при каких обстоятельствах не опозориться. — с превеликим наслаждением провещал прапорщик Удушенко на перроне вокзала. — А единственная вещь в мире, которая лишена позора — это цинковый гроб с начинкой. Вот поскольку из меня текут не только мысли, но и интуитивные сигналы, то я сильно верю, что из вас, граждане солдаты, выйдет замечательная начинка. Взять хотя бы Филушку — рост чуть выше среднего, вес чуть ниже стандартного, ноги и руки в соответствующем количестве — его упаковывать будет приятно и радостно.

Наверняка мы разочаровали прапорщика Удушенко выпяченным молчанием и тихим ужасом в глазах. «Бежать! — агонизируя кусал я губы, подбитые прапорщиковыми свинцовыми гробами. — Чуть что, так сразу придётся дать дёру! Уж теперь мне только истинное скитальничество и остаётся!!»

В лёгкие утренние сумерки, часа в четыре, я укутался в своё драповое пальтишко,

выбрался в тамбур с сигаретой, движимый мутой на душе и в желудке. Сквозь заманчиво стреляющий по окнам вагона росистый блеск, я угадывал косматые прожорливые лапы осеннего русского леса, смешливо рассыпанный по ложбинам туман, размазанные по небу полосы рассвета — разительно смахивающие на лысовато-жёлтые фалды фрака... Ни на что не надеясь я дёрнул за ручку наружной двери и обомлел от внезапного счастливого открытия: дверь из вагона оказалась незапертой!! Воспользовавшись тем, что эшелон значительно сбавил ход, забираясь в горку, я не раздумывая поспешил к столь близкой свободе, резко отворил дверь и выпрыгнул из вагона!.. Я не упал на землю, не покатился мешком под откос — как это обычно показывают в приключенческом кино — а приземлился прямо на ноги, зачем-то (верно, по примеру всё того же кино) отряхнул колени и помчался в самую глубь леса... всё-таки слегка саданул головой об ветку, но ликующе, чисто по инерции, выругался и побежал дальше... мною овладевали тошноватая ошалелость, эйфория освобождения, гордость за себя... саданутая голова рожала одну фантастическую явность за другой, и некогда было (да и незачем, да и не позволил бы я себе сейчас этого) остановиться для передышки, разглядеть вокруг себя буреломы, сильно разнящиеся от надуманного мною уюта русского леса!.. валежники с какими-то оригинально-брюквенными замшелостями...чёрт их возьми совсем!.. что ещё мне оставалось делать, если не бежать дальше?..

Шум удаляющегося поезда сравнялся с шумом в ушах, и теперь подгонял меня всё глубже и глубже в лес.

СКИТАЛЬНИЧЕСТВО

Через несколько часов, я выбрел на лесную опушку, устало и беззащитно рухнул на пожухлую траву, попробовал сжаться комочком в тепле своего лёгкого пальто. Я понял, что заблудился.

«Спокойно, Филушка, спокойно. — притупляя усталость, я сжимаю липкие пальцы и разговариваю сам с собой. — Спокойно, Филушка, не психуй!.. Разве случилось что-то совсем невероятное, из ряда вон выходящее?.. Вряд ли мечталось тебе поскорей выбраться из лесу и наткнуться на позабытое село — таёжную бабью вольницу, куда можно войти этаким Иваном-царевичем... прошеествовать по главной улице, взора не притупляя, перепрыгнуть по-ухарски через цветущий палисадник да взойти в первый понравившийся дом, где встретит девица в сарафане расписном — коса до пояса, очи иссиня-чёрные...» Я мечтательно вздыхаю и глотаю комок в горле. Я очень сильно проголодался. А девица в моих фантазиях приглашает сесть за стол, разрешает вкусить от хлеба-соли и всем, чем Бог послал, а затем спрашивает чуть лукаво, однако благочестия полна: «Какого роду-племени ты будешь, добрый молодец?.. С каких краёв изволил прибыть?..» — «А растаковского роду-племени, красавица!» — игриво я отвечаю, пытаюсь девицу по заднице пришлёпнуть. А дальше идёт сплошная импровизация и приятные чувственные глумления, оправдывающие житейские неурядицы... Допустим, таким мне и представляется конец скитальничества?.. Допустим.

Но если всё по-иному представить?.. Только ты подметишь искорки взгляда затаившейся таёжной красавицы, а присмотришься: увы-увы, ведь это настоящая лесная нечисть, а вместо ног торчит русалочий хвост!! И тут же, за столом, кикиморы в шашки играют, себя поругивают и на прочих незаигранных кикимор кучеряво ябедничают!..

«...Эх, дурёха заваливающаяся!.. учили-учили тебя в школе поднатужиться и вытреугольнить квадрат, а ты бестолочью родилась, бестолочью и помрёшь: из квадратов кур понаделала, да этими курами в совхозе план перевыполнила на год вперёд... совхозу премиальных рублей выписали с хренову тучу, а тебе — эскимо на палочке в стеклянной баночке! фея ты с портфелем!..» — «Сама ты ведьма!» — «И на шашках мне всегда проигрываешь, уже миллион щелбанов проиграла — так я тебе один раз врежу тумак по лбу: опосля ляжешь и не встанешь!!» — «Это когда такое было, чтоб я вовремя не вставала? шука ты мордорожая!» — «Хныкала болотная!» — «Тявка порченая — ну-ка сдристнула отсель!!» А красавица-русалка им: «Угомонитесь, бабы!.. Пора и за ужин взяться! Какой-никакой, а гость к нам в дом пожаловал!..»

— Перекусить бы мне сейчас не помешало. — с тоскливым вздохом я припоминаю продуктовый сухпаёк, оставленный в поезде, в чемодане.

С собой у меня совершенно нет еды, ни кусочка, ни сухарика... есть спички, немного сигарет и денег... деньги я принципиально не пересчитываю, в лесу на деньги ничего не приобретёшь... В глупых фантазиях я снова представляюсь себе Иваном-царевичем, выказывающим суровость хозяина земли российской: мол, подайте мне сюда Ляпкина-Тяпкина!.. В том смысле, чтоб он чего-нибудь пожрать принёс!.. Но никакого Ляпкина-Тяпкина в лесу отродясь не водилось, зато зверья разного полным-полно.

И вот какой-нибудь напыщенно-съедобный лось выглянет из зарослей, да начнёт соблазнять на ужин:

— Иван-царевич, братец, не побрезгуй мной! Вот радости сколько у нас теперича в лесу

— мы и ждать отчаялись!.. Разреши предложить: куропатка на ужин, перепёлка вот, зайчатина с хреном!.. можем и за кинзой сбегать... заячий огузок с кинзой — весьма и весьма недурён!..

И сама зайчатина рядом:

— Филушка, Иван-царевич, ради всего святого, не побрезгуй мной! Кушай так, чтоб за ушами пицало!.. Как это там, у вас, поётся: как здорово//что все мы здесь//сегодня собрались... Я ведь тоже культуру «шестидесятничества» ценю, хотя сам по натуре «семидесятник».

— Или вот уточка молоденькая. — с добродушным лукавством предлагает лось. — Только тебя и дожидалась с конца августа, отказывалась на юга улетать.

— Да ну её к ляду — уточку! — сердится зайчатина. — Разве в уточке мясо? Ну ты же понимаешь, Филушка, что в птичьем мясе калории весьма необъективные, а тут я — заяц! Полноценно сытая и крепкая особь, чего и всем желаю!.. Где сковородка-то?..

«И с хреном!» — пережёвываю я во рту мечтательную пустоту.

— Где сковородка-то, я вас спрашиваю? — лопается терпение у зайца.

— Сковородка у барсучонка. — шипит из лопухов ужик. — Барсучонок, а барсучонок, отдавай сковородку.

— Сей момент! — спешит барсучонок со сковородкой. — Грибы жарил, еле поспел.

— Фу, эгоист, только о своих грибах думаешь!.. — бурчит лось. — А вот отдавай свою ногу на сало, мы зайца на барсучьем сале жарить будем: барсучье-то сало, говорят, ужас до чего хорошо!..

— Сей момент! Натё, пожалуйста, левую ногу, тут килограммов шесть будет!..

— Шесть с половиной. — добросовестно оценивает на взгляд лось. — Ивану-царевичу хватит, не медведь же!..

Звери с простодушной весёлостью восприняли шутку про меня и медведя, и стеснённо захихикали.

— А чур я буду кухарка! — вдруг хватает сковородку и вопит барсучиха.

— Нет, чур я, чур я! — заспорят звери и даже немного перессорятся. — Давайте считаться будем «ехалой-машиной»: кто выйдет на букву «с», тот и будет кухаркой.

На букву «с» вышла белочка. А барсучиха не согласна.

— Не правильно всё у вас считается в считалке! — забегает барсучиха со сковородкой вокруг опушки (попробуй-ка догони и отбери!). — Надо считать не ехала машина тёмным лесом//за каким-то интересом//интер-интер-интерес//выходи на букву «с», а по-другому считать надо, вот так: ехала машина да ехала себе потихоньку-полегоньку за каким-то, вообразите себе, интересом, село Толбухино проехала, Вятское обежала, в городе Любиме почту сбросила с задолженностью по пенсиям за май-месяц, такой получается в нашем государстве к народу инте-инте-интерес, ах пожалуйста будьте любезны, то да сё, так да растак, выходите на букву «с»!..

Звери примутся считать такую считалку и опять барсучихе не повезёт. Буква «с» выпадет на выдру.

— Ну ты, серо-буро-малиновая! — выдра встанет руки в боки. — Сковородку быстро отдала, а сама ушла отсюда, чтоб глаз не мозолить!..

Придётся смириться барсучихе с неудачей, отдаст она сковородку, а сама уйдёт домой в слезах и долго ещё помнить будет этот незадавшийся денёк. А тут примчится из-за гор Шишкин Крикун, запыхается.

— Мясом кормите Ивана-царевича? — спросит.

— Мясом. — лось внимательно обнюхает одноногого барсука с зайцем. — А чем ещё?

— Я бы посоветовал бычков в томатном соусе: у банки срок годности заканчивается, надо есть скорей!

— Му-у!.. — заелозят от нетерпения бычки в консервной банке, плавниками зашустрят.

— Тридцать пять копеек банка стоит. — сопит Шишкин Крикун. — Жалко выбрасывать.

— Дяденька Фил! — пропищит над моим ухом комарик. — А не желаешь меня на десерт скушать? Так, просто, от чистого сердца?.. Не обращай внимания, что я маленький и зудливый, если меня правильно приготовят, я становлюсь страшно вкууууусным!..

Прицелившись кулаком к комарику, я облизал губы и пришёл в себя, отогнав прочь глупые фантазии. Но кушать хотелось всё сильнее и сильнее. Больше всего на свете я теперь боялся умереть с голоду!..

КОГДА ХОЧЕТСЯ КУШАТЬ

— Ах, Филушка... — уселся на опушке, рядом со мной, Шишкин Крикун. — Мы с тобой всё прекрасно понимаем: голод — не тётка. А что же делать?.. Потерпи, братец.

— Да кто ты такой, чтоб мне указывать? — ворчливо приглядываюсь я к названному братцу.

— Может быть и никто, а может быть и кто-то. Я в жизни разное повидал и догадываюсь, почему ты вдруг вообразил себя Иваном-царевичем. Я вот тоже не всегда такой, каким вижусь на первый взгляд. По настоящему-то я совсем другой.

— Какой же? — устало, и даже без особого интереса, спрашиваю я.

— Ты припоминаешь историю изгнания Адама из рая?.. Нет, конечно, не в буквальном смысле припоминаешь, как будто сам явился свидетелем, а, возможно, и ручки свои шаловливые приложил... Я говорю про то, что сюжет изгнания всем знаком и основывается на таких страховочных формулярах, которым поверишь даже больше, чем священному писанию в прочтении уполномоченных лиц московского патриархата. Исходя из этого, я и спрашиваю у тебя: помнишь ли ты историю изгнания Адама из рая?..

— Там особо и припоминать нечего. Адам послушался Еву и вкусил от плода, который есть было запрещено. За это его и изгнали. Вместе с Евой.

— Ну да, ну да... казалось бы, действительно, в этой истории всё яснее ясно... но если рассматривать картину с момента решительного требования Евы от Адама, чтобы он вкусил плода от древа познания, то ситуация станет захватывать необыкновенной нервной составляющей... тут можно предположить, что Адам и сам был давно не прочь вкусить чего-нибудь эдакого, но скользкая застенчивость ему мешала, скреблась на сердце, и всё такое прочее... И вдруг Ева — женщина в относительном — или предположительном смысле — любимая и единственная на земле — протягивает на ладони яблочко и уверяет, что оно очень вкусно. Ты бы, дружок, как поступил?..

— Я? — очень неожиданно для меня обращение Шишкиного Крикуна, и я теряюсь в догадках. — Я бы никак не поступил. Плевать мне.

— Ну вот, тебе плевать — а ему было не плевать. — продолжает болтать Шишкин Крикун, потрясывая обвислыми щёками и извлекая из себя звуки, как будто обгладывающие что-то с хлюпающим чавканьем. — Теперь зацени мою картину дальше!.. Адам не осмеливается вкушать плод, он бледен, как полотно, и трясётся от страха, чувствуя, что всё это добром не кончится... он пытается накричать на жену, упрекая в страшном поступке... но затем поступает, как обычный подкаблучник: съедает это проклятое яблоко, а огрызок выбрасывает в реку, в надежде, что улика уплывёт по течению быстро и незаметно... ну, а Бог не заставляет себя долго ждать, приходит и принимается за скорый суд: да, дескать, ворьё пригрелось у меня на груди, но дальше мне с ними уживаться резону нет, прогоню их прочь!.. И пожалуйста в тот же день: изгнание Адама из рая со всем скарбом и домашними питомцами!.. Знакомый всем и поучительный сюжетец. Не правда ли?..

— Допустим. — говорю я. — А дальше что?

— А дальше то, что я хочу заявить со всей определённойностью, что я, между прочим, и есть Адам!! Адам, изгнанный из рая!..

— Брось врать, он помер давно.

— Зачем же настолько прямолинейно мыслить?.. Понятное дело, что если Адам и жил

когда-нибудь, то он безусловно однажды помер. Но если поверить, Филушка, в твоего Ивана-царевича, то мой Адам почему не годится, чтоб пристроить его рядышком?.. Ведь можно превратиться в Адама и в каком-нибудь духовном смысле, взлететь как-нибудь в его поэтический образ, ввинтиться вдохновенным штопором в горние высоты, чтоб остаться там душой навечно, одновременно как-нибудь пребывая всем телом на земле?.. Разве нельзя?

— Да ты просто дурачок. — устало ругаюсь я. — Называй себя кем хочешь, а я — слава Богу — месяц в психушке полежал, много разного повидал, и я знаю, что ты такое. Маниакально-депрессивная саморефлексия — вот что ты такое. Ты песчинка малая, а нашёл с кем себя сравнить — с Адамом!!

— Пускай песчинка!! — чуть ли не хохочет во весь голос Шишкин Крикун. — Не имеет значения, какая я песчинка или какой ты Иван-царевич!.. Да и Иван-царевич окормляется не тем, чем ему хочется, а тем, что выдают порционно из биологического котлована. Всякому достаётся то, что предначертано, и никто не сможет сказать, что ему не выпало того, что должно было перепасть, поскольку не знает никто, сколько и чего должно достаться именно ему, а сколько должно прийтись на долю его ближнего... Песчинкой ты можешь быть какой угодно, а кушать хочешь много и истинно по-царски.

— Слушай, заткнись. — прошу я. — Не надо про еду.

Гаденькая ситуация досталась мне от неподготовленного побега в скитальничество. Как не примеривайся, а гаденькая!.. Или помру от непонятной неизбежности, или с голодухи окочурюсь, или с ума сойду.

— Сильно проголодался? — вроде бы сочувственно спрашивает Шишкин Крикун. — Хочется кушать?..

— Хочется. — вздыхаю я.

— Ну, это всё ничего. А вот гляди, как бы тебя самого не съели.

— Меня?.. Да кто же?..

— Волки. Здесь их полно.

Чёрт возьми, а ведь действительно в лесу водятся волки!.. Как я об этом сразу не подумал?

Вечно голодные, угрюмые хищники вяло просыпаются с наступлением ночи, прилизывают истрёпанные хвосты, и, суеверно замаливая ревматизм, смачно кряхтят и опорожняются, соображая, куда бы отправится сегодня на охоту. И вдруг чуют по запаху, что где-то на опушке затаился человек!.. Усталый, трусливый, слабый... Возможно, очень вкусный.

— Да им принюхиваться особо не надо. — понизив голос, говорит Шишкин Крикун. — У наших волков свои доносчики по лесу рыскают, подглядывают, где что можно сожрать. Обычно этим зайцы занимаются. Вожак здешней волчьей стаи — умный собака — зайцев понапрасну не жрёт, а в страхе держит. Вот они перед ним и выслуживаются.

— Что ещё за вожак?..

— Крупный волчара. Редкостный экземпляр. Кулаков-Чудасов его фамилия.

— Вы, что же, волков по фамилии называете??

— Не всех. Большинство по кличкам. А самых главных — чисто из уважения — по фамилии. А что в этом такого?..

— Да это же просто бред. Такого не может быть.

— Ну, думай себе, Филушка, как хочешь. Бред — значит, бред. Однако, когда тебя волки сожрут, потом не ходи, не жалуйся. Умри с миром.

— Да не буду я никак умирать. — я нервно задёргался под пальто, чтоб ощутить прилив сил. — Наверное, дубиной какой-нибудь отмахаюсь.

— Брось, не обманывай себя. — грустно хмыкнул Шишкин Крикун. — И дубины здесь не найти, и посильней тебя люди сюда захаживали, да остались от них, как говорится, рожки да ножки.

— Врёшь ты. Всё врёшь.

— У нас раньше здесь и лесники служили, за порядком следили. Да всех волки пожрали.

— Всех?

— Всех до одного. И старшего инспектора лесхознадзора Печальникова, и лесника Клебанова — внука того самого знаменитого Клебанова, которым до сих пор гордятся в соседнем угольно-разведывательном бассейне — и даже депутата Абросимова из краевого законодательного собрания.

— Это всё чепуха и вздор. Я тебе не верю.

— Хорошо, мне не веришь, ты их самих послушай. Вот они, здесь рядышком.

Невероятным образом я вижу, как у ближайшей сосны расположились три серебристые человеческие тени. С усталым удовольствием и неторопливостью они разговаривают друг с другом, никого не примечая вокруг.

— Увы! — сказала мне Увы.

Я поёжился и прислушался к разговору.

— Конечно, у народа психика сильно хандрит, оттого, что войне с Абракадабром конца-края не видно, и всякие нервозности обострены до предела. — рассказывает лесник Клебанов. — Простой народ без нужды в наш лес и носа не сунет. Однако, есть некоторые несознательные граждане, которые думают так: ежели одного грибника сожрали, то уж другого ни за какие коврижки не сожрут!.. Смешно и очень даже странно это слушать. Как раз на следующий день, после того как волки слопали грибника Нечипуренко, я решил пристрелить тварей, а они меня подловили и зацапали. Всей стаей сожрали за милую душу, одни косточки остались.

— Где хоть это было?

— Да тут, неподалёку.

— А я иду так себе... ничего вроде погодка, моросит только немножко... — рассказывает старший инспектор лесхознадзора Печальников. — Иду и ни о чём таком не думаю, а тут: ни хрена себе! лежит грибник Нечипуренко сожранный!.. И, главное, помню я его ещё по институтскому общежитию, закадычный друг: нет, кричит бывало, насущной логики в императивах Канта! а есть, кричит, ни капельки не сомневаясь, истина в вине!.. А тут я на его тело в лесу наткнулся, на косточки-то обглоданные, а рядом вижу ещё кости лежат... сперва даже не понял ничего... вроде наш лесник Клебанов... «Станислав Эдуардович. — спрашиваю. — Вы ли это?..» И тут на меня сзади звериная машина навалилась, да зубами в горло вцепилась. Сразу насмерть.

— Очень даже горько слушать все эти воспоминания друзей. — сдержанно утирает слёзы депутат Абросимов. — Зря я в ваш лес сунулся, да чего уж теперь... Мне депутатский запрос сделали избиратели: типа до каких пор волки лютовать будут?.. Думают, мне заняться больше нечем, как только по буреломам ходить и чужие косточки пересчитывать... — смурнеет депутат Абросимов. — Но давеча пошёл в лес, надо за народ порадеть. Хожу и натыкаюсь на разные остатки человечьи: ба! да вот позвонок от Людки-

поварихи!.. ба? уж не сам ли генерал из соседней части химических войск?.. эстампные такие косточки, безусловно саркастической формы... Умеют, надо признать, волки генералов жрать. Прямо со всей недостатчей по ракетному топливу сжирают!!

— Это да... это они умеют... — лесник Клебанов потирает онемевшие ладони и мельком кивает в мою сторону. — А Ивана-царевича не они сожрали? Вчера вечером, кажись?..

— Вроде они. А вроде не они.

— А кто же ещё?.. Они.

— Жуткое дело!..

Приторным холодком пронимает ночной лес, терпеливо и натужно дышит. Слышны самые жалкие и затхлые писки, щебеты, ворчливо крадущиеся колдовские чары, стрёкот мгновенных воздушных налётов, сдавленное фыркание невидимых существ, поедающих друг друга!.. Чьи-то зорко-подозрительные шорохи, бархатное скопческое воркование, чьё-то униженное и вихляющее старушечье дыхание... кажется, что оно совсем рядом, за спиной, слилось в единое целое с тёмно-скрипучим воздухом... вдруг сам Чёрт Шпареный продвигается ко мне на цыпочках, неся на горбу ведьму Балду Ивановну, благосклонную к любой кровавой оргии!.. сиди, сиди, Филушка, и дожидайся... сейчас они тебя, сейчас...

— Чур, позволь мне Филушке черепушку вдребезги разнести! — просит Балда Ивановна. — Давно хотелось этому занятию научиться, да всё было недосуг.

— Ты мои принципы знаешь, даже не умоляй. — отнекивается Чёрт Шпареный. — Я всё привык делать своими руками.

— Ну, позволь хотя бы брюхо ему вспороть и кишки вымотать — я это дело страсть как обожаю.

— Вот кишки вымотать позволяю, ибо когда ты весела — мне на тебя любо-дорого глядеть.

— У-у, гад ты какой, на комплименты потянуло!

— Не гад! Подлиза!.. Дома мне кое-что за это будет?

— Будет-будет, подлиза!..

...сейчас, Филушка, они тебя, сейчас...

И вдруг я увидел, что глубоко в лесу светится робкий осклизлый огонёк, продираясь через густые хвойные ветки.

— Как же это так? — невольно вздрогнул я. — Откуда в лесу огонёк взялся?..

Загадочным, несомненно загадочным предстало передо мной явление огонька, но виделось оно вполне достоверным и лишённым чудливости миража.

— Такой маленький огонёк, словно бы смородиновая ягодка... Неужели, кто-то из людей зажжёт костёр?

Что же это может быть ещё?.. свихнувшийся в отшельничестве призрак с керосиновой лампой неспешно бродит, придерживаясь строго очерченного круга и дожидаясь вселенской полночи для долгожданного сошествия в могильную трясину... а может быть это всадник-гонимец, примчавшийся с далёкого лютого боя, пристроился на пенёчек и, покуривая огромную посапывающую папироску, пережидает ночь, чтоб утром вновь рвануться вскачь, неся предсмертные письма бойцов и требования командиров об отпущении грехов... или это юркие мшистые недотыкомки устроили свадьбу своему королю, нащипали огненной коры и порадовали молодожёнов хлябкой иллюминацией?.. Что же светится в лесу барахтающимся комочком?..

— Да сходи и посмотри. — подбодрил меня Шишкин Крикун.

Моё сердце тоскливо сжимается, волнение щемит горло, мне становится очень тяжело молчать, я едва сдерживаюсь от призывного крика... Я спускаюсь с холма, делаю шаг за шагом, осторожно пробираясь через поваленные деревья и сучья, всё ближе подбираясь к огоньку. Его шутливо раззадоривающий свет — словно золотисто-сургучная звезда — всё чётче проясняется и приманивает меня. Чувство страха понемногу, быть может, нехотя и надменно покидает мои тело, сердце и душу, и оставляет лишь последний патрон... или что ещё он может оставить после себя, страх-то...

И вот я с решительным удивлением вижу перед собой небольшую полянку и скромный лесной домик, приземисто и терпеливо сколоченный из толстых лакомо-смолистых брёвен. Оконце в домике ярко светится — это и есть тот самый огонёк, к которому я стремился.

Внезапно в лесу воцарилась вялая, учтивая тишина; куда-то сгнули устрашающие меня лесные шорохи и гулы. Домик, чуть прислонившись к зябкой темноте, выпускает из ворчливой трубы тоненький дымок и переговаривается со скучающей перламутровой луной:

— Без пальто вам холодно на небе, барышня?

— Ничего, привычно.

— Ночи-то больно стылые этой осенью. Я спрошу у хозяйки, вроде завалялась у нас где-то лишняя кацавейка, вот бы вам отдать её. Не старая совсем и почти неношенная, брезговать нечем.

— Спасибо, а то и правда на небе холодновато.

— Ну да! я и говорю: стыло!.. И работа у вас не из лёгких.

— Привыкла, чего уж там... за кацавейку-то спасибо... закиньте её хотя бы завтра, я обязательно прибуду при полном параде... Это к вам гость?

— Наверное, к нам. Всякие тут бывают, ходят.

— Хозяйка-то гостей не ждёт?

— Ждёт, почему не ждать. Кушаний наготовила, словно, на пиршество. Вон дымок-то

из трубы валит с привкусом аппетитным: аж слюнки текут!

— П-помолчите-ш-ш... — учтиво зашуршали ели. — Не испугайте-ш-ш человека-ш-ш...

Но вот что-то проскользнуло мимо меня искрящимся занавесом, вскружило слегка голову, прихлопнуло по лбу, и после этого шелест елей уже не напоминал слова, луна замороженно смолкла, Шишкин Крикун слился с насупленной корягой, и я негромко, но вполне требовательно постучал в дверь домика.

Но кто же там, за этой дверью?..

С опаской и потихоньку я постучал в дверь.

— Кого надо? — незамедлительно откликнулся за дверью глуховатый голос.

— Здравствуйте!.. Я сильно извиняюсь за беспокойство... — одновременно обрадованный и раздосадованный внезапностью голоса, я принялся подбирать слова, чтоб ненароком не обидеть хозяина дома. — Извините, что разбудил в такое позднее время... даже если не разбудил...

— Ну, хорошо, допустим. А надо-то вам кого?..

— Собственно говоря, я стучусь в дверь не оттого, чтоб мне кого-нибудь конкретно захотелось увидеть. — чистосердечно принялся я запутываться. — Мне желательно хоть кого-нибудь увидеть из тех, кто там, в домике, живёт... Вы меня понимаете?

— Почему это — там? — капризно поинтересовался голос.

— У вас — это там... собственно говоря, если смотреть с моей стороны, то всё, что находится за дверью домика — это у вас там... а всё, что перед дверью — это у меня, здесь!.. Или я не прав?

— Там — это значит у вас там, где вы, а у нас здесь — это тут, где я. И кроме меня здесь никого нет. А я у себя дома, у меня всё хорошо, даже прекрасно. Надеюсь ваше любопытство удовлетворено... До свиданья!..

— Извините, но мне хотелось бы немного погостить у вас... там... Эй, хозяин!..

Голос за дверью ничем себя не выдавал. «Надо постучать сильнее, понастойчивей. — подумалось мне. — Авось, до абсолютной гадости не достучусь, а на ночлег впустят!» И я снова застучал в дверь, гораздо сильнее и нахальней.

— Вы зачем тут и там громыхаете во всю ивановскую? — с нарочитой любезностью перебил меня голос за дверью. — Сейчас весь лес сбежится посмотреть: кто тут стучится по ночам во всю ивановскую?.. кого тут черти носят?..

— Конечно, время позднее, и мой визит вас должен насторожить, поскольку незваный гость хуже татарина. — забормотал я галантно, но вихляво и с характерной придурковатостью. — Но вникните, пожалуйста, в мою ситуацию, опять же объединяясь мысленно с количеством позднего времени: куда же мне податься теперь?.. Остаться в лесу очень может быть опасно. Не так ли?..

Голос за дверью не отозвался.

— Идти мне совершенно некуда, а, кроме вашей двери, в лесу и постучать негде.

— Да, может быть, вы — жулик, и ситуации ваши могут стать жульническими. — деловито произнёс голос. — Кто-то у вас там, что-то у вас здесь, куда-то вам захотелось — получается полная неразбериха. Для жуликов это самая понятная и выгодная ситуация.

— Поверьте, я не жулик.

— А кто тогда вы?

— Я, разумеется, сразу должен был представиться и отрекомендоваться, но вы немного сбили меня с толку... сейчас я соберусь с мыслями и представлюсь...

— Я думаю, что вы, во-первых, жулик, а во-вторых: громыхалка! стучалка! колотушка!..

И снова за дверью повисла тишина. Абсурд происходящего настолько растворил меня в себе, что я принялся нести откровенную чушь.

— Извините, прошу вас без всякой задней мысли. — удручённо проямлил я. — Мой

стук в дверь был несколько громче, чем допустимо, и возможно вы правы, подумав про меня, как про некоего громыхающего жулика. Но я много пережил за последние дни, а особенно за последние несколько часов, я очень устал и едва ли достаточно хладнокровно контролирую свои поступки, или нечто то, что превращает действия в последствия поступков... вспомогательный реализаторы весьма измождены блужданием по лесу и не могут отыскать для себя внушительной уверенности, а меня застал врасплох страх отчаяния, вот я маленько и сорвался на грубость, замолотил в вашу дверь... вы понимаете меня?.. эй, вы ещё там есть?..

Голос за дверью не отозвался.

— Эй!.. Потрудитесь открыть дверь, я устал и кушать хочу.

Нет, тишина. Я пробарабанил мелкой дробью, внимательней прислушиваясь к происходящему за дверью и пытаюсь распознать действия своего собеседника. «Может, это игра какая непонятная. — наощупь подумалось мне. — Может, и нет в доме никого, а я с дверью разговариваю, или с некой говорящей пустотой за дверью... или чёрт знает что такое со мной происходит...»

— И сильно вы проголодались? — неожиданно и прямо мне в ухо брякнул голос.

— Да, я бы поел. — покарабкался я по хрупким ощущениям пространства и времени, почти треща по швам. — Нет, если вы не желаете меня кормить, то и ладно, я не намерен настаивать на каких-либо причудах, я, пожалуй, уйду прямо сейчас... у меня — там — имеется чудесная опушка, этакий придаток космического абсолюта, я посижу на ней, дожидаясь рассвета... если, конечно, в ваших дебрях рассветы когда-нибудь наступают... Впрочем, мне деваться некуда, только и остаётся, что умереть с голоду... Я пошёл?

— Вы подозреваете, что я хочу вас голодом заморить?

— Послушайте, я вас ни в чём не подозреваю, но обстоятельства складываются не в мою пользу, а вы занимаете позицию очень странную, и всё это может закончиться печально... вы находитесь за дверью и я тоже нахожусь за дверью, но вы — тут, а я — там... вернее, я — как мне и положено — тут, перед дверью, а вы — тоже за дверью, но — там, где меня нет, и вам меня из-за закрытой двери не накормить... разве если окошко в двери прорубить, как в тюрьме... такая вот странная ассоциация у меня возникла... хотя, почему странная?.. поскольку, я нахожусь перед дверью на улице, отчасти на свободе, то вы сидите перед дверью у себя в домике, словно в тюрьме, и кому-то из нас (возможно, что и мне, я во всяком случае готов) следует прорубить окошко, дабы просунуть кусок еды и накормить вас... хотя, еды у меня нет и честнее будет вам накормить меня, поскольку, по тюремным правилам, ужин не отменяется, чтобы не случилось...

— Что за чепуху вы несёте?? Ненормальный какой-то.

— Нет, вовсе не ненормальный. — я для убедительности приложил руку к сердцу. — Я как раз по мере сил пытаюсь быть нормальным, просто вынужден переживать ненормальные ситуации... я устал, я совершил побег в скитальничество, я прикинул на себя роль Ивана-царевича и отчасти Адама, изгнанного из рая, и кажется, ни одна из ролей мне не подошла... я заблудился в лесу, а когда стемнело, то больше всего на свете испугался долгой, слепящей темноты, в которой меня могут поймать и съесть... я даже заплакал...

— Ну что вы... Плакать-то зачем?..

— Не знаю — зачем. Но вот заплакал. Это, даже как-то по-бетховенски иногда получается... пятую симфонию Бетховена помните?.. вот когда там начинают на скрипочке жилы тянуть: тирара-тирара... немыслимо исступлённо!.. и вдруг вы начинаете плакать... а

вокруг нет никого, кто смог бы помочь и утешить... одиночество... Вам знакомо одиночество?

— Ну... как сказать... — замялся голос за дверью.

— Вы одни в доме живёте или с кем-то?..

— Это совсем неважно... Но вы меня уговорили. Я приглашаю вас на ужин.

— Огромное спасибо!.. Вы ни о чем не пожалеете!.. Я прекраснейший человек!!

Дверь в домик резко распахнулась — я едва успел отскочить, чтоб не заполучить по лбу.

Отскочил и приготовился раскланяться перед хозяином, но увидел перед собой... не знаю, сможете ли вы мне поверить, я своим глазам поверил не сразу... я увидел перед собой не женщину и не мужчину (разве что в особом понимании разнополых прелестей), не странное говорящее животное или мифически воодушевлённый предмет, а — огромную, метра на полтора величиной, человеческую Ногу... Передо мной стояла взаправдашняя огромная Нога!!!

Представьте себе, как я невольно схватился за голову и взволнованно прошептал: да может ли такое быть? взаправдашняя ли это Нога??

— Ну, здравствуйте. — снисходительно заявила мне Нога. — Не торчите у порога, заходите в дом.

Вы себе хорошенько представили эту сцену?.. Соберитесь с мыслями.

Итак, передо мной стояла натуральная полутораметровая человеческая Нога!! Она не имела каких-либо глаз и ушей, напрочь отсутствовал рот, нос и всякие прочие дополнительные приростки. Обычная Нога — в максимальной своей физиологической и воодушевлённой реальности. Даже припахивала чем-то вкусным, вроде магазинного бараньего окорока.

— Что-то видок у вас слегка пристукнутый, любезный мой гость! — смешливо произнесла Нога, плавно покачиваясь. — Вас напугало что-то?

— Извините, прошу покорно, моё невольное изумление. — залепетал я выстиранной словесной серостью. — Я действительно немножко испугался, поскольку чрезвычайно странно видеть перед собой то, что видишь...

— Это меня, что ли, видеть странно?

— Да, но... — я задумался, как бы поприличней соврать о своей впечатлительности, чтоб не обидеть хозяйку. — Согласитесь, что в достаточной мере удивительно ваше бытие, столь ловко сотrudничающее с сознанием... вы такая большая... и такая разговорчивая!..

— Что правда — то правда. Я надеюсь, вы быстро привыкните ко мне, и не будете пугаться. Подумаешь — Нога!..

— Сколько раз я видел разных ног... Действительно, подумаешь... — неловко бормотал я.

— Вот вытирайте об половичок свои ноги и заходите в комнату. У меня не царские хоромы, но чувствовать себя можно достаточно уютно.

Я тщательно зашебаршил подошвами ботинок об ворсистый половичок.

— Вешайте пальто на гвоздик. — попросила Нога.

Я увидел мастерски искривлённый крепкий латунный гвоздь, на который и нацепил пальто.

— Очень рад с вами познакомиться... Пребываю в той стадии предвосхищения, когда само восхищение уже на носу.

— Ну да, ну да, на носу... — дружелюбно хихикнула Нога. — Я тоже рада с вами познакомиться. Как вас, кстати, звать по имени, да и по батюшке?

— Меня можно звать просто Филушкой, можно и без «батюшки» — это будет вполне гостеприимно. — я снова принялся вытирать подошвы об половичок и стеснялся сделать шаг в комнату. — Вас хотелось бы тоже звать без «батюшки», типа по-товарищески.

— Я только что собиралась предложить, чтоб вы обращались ко мне типа по-товарищески... Не люблю манерной вежливости. А зовут меня просто — Нога, без «батюшки»... Проходите же в комнату, оставьте этот дурацкий половичок в покое.

— Я, возможно, ещё недостаточно вытер ноги... вот теперь всё... как вам кажется?

— Я уверена, что вы замечательно вытерли ноги. Без стеснения заходите в дом.

— Хорошо... спасибо... сюда заходить?..

Внутри дома меня ожидало небольшое разочарование. Из комнатной обстановки ничего диковинного в глаза не бросалось, никакой вычурности или сказочного колорита я не заметил. Всё оказалось простым, бытовым и очень чистеньким, местами даже вылизанным. В маленькой узкой прихожей, у дверного проёма, висел обычный деревенский рукомоёйник с плаксивым обмылком, лимонящимся в собственной пене. Рядом висело

широкое полосатое полотенце, возможно предназначенными исключительно для рукастых гостей, типа меня. Стены комнаты, радостно обклеенные откровенно-сиреневыми обоями, создавали мягкий уют и эстетику, характерную для пристанища немолодого сельского интеллигента. Люстра, бесхитростно подделанная под хрусталь и оснащённая электрической лампочкой, светила с аккуратной яркостью. Пышная русская печь привлекала гладкой молочной белизной. В одном из углов я обнаружил пару вычищенных до блеска стареньких кирзовых сапог и ящик с песком — в обычных домах предназначенный для кошек, но в этом доме я никакой кошки не заметил. Приветливо шурились на меня книжные этажерки, пузатый буфет, холодильник, несколько полок для хранения посудочно-кухонной утвари и малочисленных, но резонных пустяков. Диван-кушетка шоколадного цвета заманивал умной дремотой. Крепкий дубовый стол вытянутым резанным овалом красовался посреди комнаты. В доме не было ничего магического или просто необыкновенного, что приятно настораживало бы и интриговало.

— Вы одни проживать изволите? — вкрадчиво спросил я у Ноги. — Семья, дети?..

— Это у меня-то дети?.. — фыркнула Нога. — Шутить изволите. Нет, я одна живу.

— И за печкой никто не прячется? Вдруг так?

— За печкой?? — Нога подскочила к печке, едва отталкиваясь от дощатого пола, и шутиливо попинала по ней. — Здесь никого нет и быть не может, поверьте на слово. Да я бы сама со страху с катушек слетела, кабы у меня за печкой кто-то жил. Верите ли, всех этих привидений и домовых я ужасно боюсь.

— Верю, несомненно верю! — я активно закивал головой. — Я просто так про печку спросил, потому что привык спрашивать о чём-нибудь, что первое в голову придёт. Ну, вроде такой шутиливой любезности.

— Спрашивайте о чём угодно, тем более, если вам не безразлично: прячется у меня кто-нибудь за печкой или не прячется?.. Мало ли зачем вам необходимо про это знать, я не допытываюсь.

— Нет, это не необходимость, это просто пустяки! — я постучал костяшками пальцев по печке. — Меня вполне устраивает ваше заверение, что за печкой никого нет. Да и не надо никого прятать за печку — что ж в этом может быть хорошего?.. Замучаешься пыль глотать.

— Да ну вас, с вашими печками. — буркнула Нога. — Живу я в домике одна, не замужем, деток отродясь не имела. Когда-то мы здесь жили вдвоём — Правая Нога и Левая Нога — но Левая Нога однажды захворала и не смогла выздороветь. Очень скоро усохла, зачахла и померла. Мы всем лесом похоронили её по-человечески, всё слава Богу. Через год памятник на могилку справили — этакая гранитная штукавина в полный рост. Возможно, завтра мы с вами и прогуляемся по нашему кладбищу — там много чего интересного лежит.

— Неужели целое кладбище? Здесь, в лесу?..

— Ну а где же народ хоронить, если не на кладбище?

— Народ... — задумчиво произнёс я.

— Вот с тех пор я живу одна, а когда ко мне приходят гости, то никто не додумывается прятаться за печку. Даже если гостей приходит так много, что тянет кого-нибудь прогнать или за печку спрятать, то делать этого не нужно. За столом можно всегда всех уместить. В тесноте, да не в обиде.

— Определённо, лучше сажать гостей за стол. Чтоб не обижались. А к вам часто приходят гости?

— Да почти всегда.

— И эти гости, простите, тоже всякие-разные Ноги?

— Что вы!! Я же говорила, что в живых осталась только одна Нога — это я, Правая. А приходят ко мне гости из лесу, которых я позову. Впрочем, некоторые и сами приходят. Без приглашения.

— Как я, например. — поспешил напомнить я. — Я ведь сам к вам пришёл, неожиданно.

— Да уж, действительно, такой вот гость, который сам по себе приходит, это несчастный гость... признаться, совсем неожиданный... Те, другие гости — которых я позову — они всегда ожидаемые, хотя тоже со своими сюрпризами. Допустим, ждёшь их вчера или три дня назад, а они не приходят, не звонят, но вдруг заявляются где-нибудь через неделю и с таким видом, как будто так мне и надо. Конечно, приучаешь себя дожидаться всякого гостя во всякое удобное ему время, если для него это настолько важно. Я не капризна, в этом смысле.

— Я восхищён вашим редкостным гостеприимством.

— Спасибо, что есть — то есть... Конечно, я могу рассердиться на кого-то или маленько осерчать. Не редки ситуации, когда ко мне приходит в гости какая-нибудь Образина и начинает корчить из себя цацу — это ей не так и то ей не этак!.. Конечно, хочется сказать: раз тебе здесь не так и не этак, значит, иди-гуляй, Вася, дальше, жуй траку да проси добавку!.. Или какая-нибудь рыба с набитым пузом придёт и говорит: «У меня, — говорит. — сегодня минутки лишней на отдых не осталось, я с ног сбилась, потому не могла прийти к вам в гости пораньше — тогда, когда вы меня ждали. Но если обещала зайти, то все дела бросила и зашла. Ну, рассказывайте, как вы тут поживаете?.. Всё ничего?.. Ну, тогда спасибо — до свиданья!..» Немного на хамство похоже, как вы думаете?..

— Вот не знаю... А пузатая она отчего? — с недоумением спросил я.

— Рыба-то?.. Угораздило по жизни, вот она и пузатая.

— Нет, что угораздило — это я понял. Но мне интересно узнать: у ней пузо во временном, так сказать, наличии, в связи с зарождением состояния пикантности, или пузо навсегда такое?.. снабжающее деликатесом?..

— Каким ещё деликатесом?? Нет, увольте, я таких тонкостей не знаю.

— Да что ж тут тонкого... от икорки не один нормальный человек не откажется...

— Ах вот оно что!! Вы про икру!! — поняла мою гастрономическую направленность Нога. — Я не сообразила сразу. Действительно, у рыбы икра должна быть, хотя бы в период нереста... надо бы порасспросить её в следующий раз про это дело... А вот интересно, Филушка, узнать про ваше гостеприимство. Полагаю, что не всегда вы плутаете по лесу голодным. Живёте где-нибудь и дома. Вот насколько вы своих гостей цените и доверяете?..

— Да доверяю ли?.. тонкая материя, и не хочется в этом признаться, а тонкая... — почему-то мне совсем не хотелось рассказывать о себе, выдавать что-то личное, но общение с Ногой невольно затягивало и дурачило. — Я привык за годы войны к аккуратному одиночеству, и не ропщу, и сам не набиваюсь в приятели, если этого, конечно, не требуется по каким-то низменным причинам, чтоб напиться водки нахалю, например...

— Водки никогда не помешает выпить. Если за компанию.

— Да, разумеется, за компанию... чтоб слегка нервишки подлечить, поболтать с приятелями о разном...

— Всё о политике, поди, толкуете?.. Всё властям не доверяете?..

— Почему не доверяем?.. Нет, иногда и доверяем. Да не только о политике разговоры ведём. Можно про футбол. О женщинах иногда можно наговорится вдоволь.

— О каких женщинах?..

— Да о разных... — кто-то, например, женат, а кто-то, как я, просто поддерживает с кем-то близкие отношения... — я задумчиво прикусываю губу и невольно улетаю мысленно к себе домой, на застолье, в компанию из сослуживцев, состоящую из мужчин грубоватых, непрошибаемых и повидавших на своём веку.

«...Молод ты ещё, Филушка, чтоб попрекать нас отсутствием деликатности по отношению к женщинам... Ты и повоевать пока не успел, и бабу ещё не потискал вдоволь... нет, тех, которых ты чпокаешь, я и бабами не назову... разве это бабы?.. посикухи малолетние!.. Танюха у тебя — девка красивая, я бы вдул — но до русской бабы ей далековато... вот послушай, что тебе старшие товарищи про всяких дамочек расскажут!..» — «Прихожу я с работы домой, целый день торчал на ногах без продыху, а на кухне суп не разогретый... говорю: Люда, блин! я с работы пришёл и целый день на ногах, могла бы суп разогреть для любимого супруга!.. а она мне: с-счас!.. ты понимаешь, Паша?.. именно в такой оппортунистической формулировке и говорит: с-счас!.. Паша, вот если ты мне друг, то должен понимать, чем это разъясняется в досужем исполнении: с-счас?.. быть может, это вотум недоверия — ты мне объясни, а я ей, стерве, безраздельно покорюсь и буду завсегда самостоятельно супы разогревать — мне ведь это в принципе не трудно!.. Паша?.. куда ты опять делся?.. дрыхнешь опять?.. ну, дрыхни, дрыхни...» — «А я в своей Натусеньке души не чаю, всё у нас мирком да ладком... если какой гость придёт в дом, так Натусенька всю еду из холодильника на стол вытащит, огурчиков нарежет и музыку погромче сделает, а сама в магазин сбегает: одну ещё брать, дескать, или две?.. спросит больше для формализма бабьего, ведь сама прекрасно понимает, что меньше двух брать нет смысла, чего зря бегать... а скоро и за третьей поспешит в круглосуточный ларёк, а с утраца всю посуду перемывает, полы подметёт... нет, я в своей Натусеньке души не чаю, всё у нас мирком да ладком!.. прибью суку, если только попробует рыпнуться!..» — «А я ей говорю: скажи спасибо своей матери, что я тебе не муж, и что мы с тобой просто так живём, по обоюдному интересу и душевному согласию!.. говорю: скажи спасибо, что твоей матери не велено на глаза попадаться моей матери — иначе бы им обоим худо пришлось!.. а она говорит мне — слушай-ка! — говорит вслух: кобель, говорит, ненасытный!.. весь оплешивел, а девкам проходу не даёшь!.. озорник этакий!.. а в подарок от тебя и сраного колечка не дождёшься!.. я, Виктор Степаныч, про плешь спорить не буду, конкретно скоропалительные ярлыки и сам ставить умею не хуже некоторых прочих — вы-то должны мои умения помнить, Виктор Степаныч — но вот её разговоров про колечко я что-то не пойму... в стране война идёт который год, в стране разруха и экономическая нестабильность... денег на всё про всё не хватает, какие уж тут подарки... понимаю, что мы сами во всём виноваты, сами выбрали себе это чудо в президенты, что ж теперь делать... все видят, какой он человек — святая душа на костылях... так разве это повод для дурной бабы с меня колечки требовать?.. а?.. Виктор Степаныч?..» — «Не, у меня с Маринкой всё ништяк, всё чики-пики. Я ей: Марина ла-ла-ла!.. А Марина уже голенькой прохаживается и жопой виляет, Марина песенки поёт!.. всё у нас чики-пики, пацаны, трах-тибидох!.. я ей так говорю: Марина, ты чо? ты не врубаешься?.. а Марина уже пьянееееецкая, ковёр заблевала... лежит, жопой виляет... я ей говорю: чего ты так нажралась, Марина? ещё по стопочке будешь?.. а она: ну-ка нафик, ты чо совсем штоли!.. а я за волосы её хватаю, деру во всю, а она орёт, а соседи сверху к нам спускаются, в дверь стучат: милицию, дескать, вызовем, прекратите свои безобразия немедленно!.. я им говорю: заткнитесь, падлы! ща по сопаткам настучу!.. а Марине говорю:

поняла тяжесть ситуации?.. она говорит: я поняла!.. и чики-пики, трах-тибидох, ла-ла-ла!.. такая у нас замечательная любовь с Маринкой, мужики!..» — «А моя, наоборот, меня постоянно бьёт. И стыдно сказать, да вы все хорошие друзья и коллеги, думаю, поймёте... бьёт сука, пользуется тем, что ответить не могу, что у меня рука на женщину не поднимается... прямо в глаз бьёт с размаха... я, когда с фингалом на работу прихожу, говорю, что с лестницы упал... хорошо, что вы мне верите, только посмеиваетесь, типа удивительно, что я часто падаю... так на самом деле я не падаю, а Леночка мне в глаз херачит!..» — «Не плачьте, уважаемый коллега, обойдётся как-нибудь!» — «Нет, теперь я горьким опытом научен и понимаю, откуда в ней это направление берётся: это у ней женская эпилепсия такая, интенсификация женского неудовлетворения... вы понимаете, что это такое — женская эпилепсия?.. это произвол в самовозвращении отнятой девственности, это попытка достичь оргазма при помощи унижения других людей... что-то просто жуткое... я не могу так дальше жить... вы меня понимаете, коллеги?.. я срочно нуждаюсь в корректуре... помогите мне!.. познакомьте меня с девушкой из логистического центра, она недавно к нам на работу поступила... как её?.. Настенька?.. вот с Настенькой меня и познакомьте, я ещё и в юности был до Настенек падок!..»

Я встряхнул головой, прогоняя назойливый разговорный сумбур.

— Любезная хозяйка!.. — попросил я. — Вы лучше про своих гостей расскажите. Право слово, я ожидаю от них потрясающих необыкновенностей. Чуть ли не эластичной человеческой гениальности. Рыбы пузатые, всякое такое — мне ведь вряд ли и снилось нечто подобное. Разговаривающие Ноги и в самых ярких мечтаниях не заявлялись.

— Чуть попозже вы сами увидите моих гостей. Некоторые обещали сегодня заглянуть.

— Жду. С нетерпением жду. Надеюсь, будет не скучно.

— Нам всегда не скучно по-своему, а как вам всё это понравится — посмотрим. Знаете, в наших краях как-то проще жизнь протекает, война нас почти не коснулась.

— Я понимаю, что не коснулась... Но вы ведь следите за новостями?.. Тот факт, что мы десять лет воюем с Абракадабром, накладывает свой отпечаток и на вашу лесную жизнь?

— Ещё бы не накладывать!! Мы стараемся и газеты читать, и радио слушать. Очень все переживаем за вас. Молимся за победу.

— Надо же... молитесь...

— Честное слово, молимся, как умеем... Да вы сами всех расспросите на эту тему, даже можете не стесняться... народ у нас откровенный... не люди, конечно, но мыслят достаточно толково...

— Я и не думал, что вы можете быть глупы... — для убедительности я продемонстрировал рукой нечто умопомрачительное. — Если только больше в абстрактной сфере изволите мыслить.

— Так ведь и человек сначала научился изъясняться всеми понятными звуками и словами, а затем стал превращать их в абстракции, абсурд. Не так ли?

— Очень даже так.

— А сейчас, мне думается, нам можно сесть за стол и немного подзакусить. Попить чаю. Я ведь помню, что вы голодны. Не будем никого ждать, а соберёмся попить чаю.

— Ах, чаю попить! — обрадовался я. — Конечно же, я от чая не откажусь, уважаемая Нога. Голод весьма назойливо даёт о себе знать. Но разве у вас можно запросто попить чаю?

— Непременно можно. — заверила Нога. — Можно и чаю попить и подзакусить.

— Неужели и подзакусить можно? — умилился я. — Очаровательно вы тут устроились,

как я посмотрю!..

— Так давайте же?..

— Давайте, давайте!..

ПРОШУ К СТОЛУ

Нога интригующе помолчала, пробуя оценить, насколько я готов увидеть ещё что-нибудь необыкновенное, и торжественно-пришаркивающим шёпотом сообщила:

— Я не обманывала вас, Филушка, когда заверяла, что живу в доме не одна. Но я всё-таки не совсем одна.

— А с кем? — я быстро осмотрелся по углам.

— Я владею некой сущностью, послушной только мне, но водящейся вне меня. Она всегда со мной рядом.

— Даже сейчас? — наострил я уши.

— Разумеется. Если всегда, то сейчас тем более.

— Подозреваю, что вы говорите про нечто магическое. Связанное со сферами умунепостижимого. Не так ли?..

— Думаю, вам будет понятней, если вы оцените это явление, как нечто магическое. Для меня же это просто НЕВИДИМЫЕ ПОМОЩНИКИ.

— То есть, это сущность — как бы одна, но её много?.. — я ещё раз пробежался глазами по углам комнаты. — Это, вообще, не вредно?..

— Это очень полезно. По крайней мере, для меня. Если я что-то не могу сделать сама — а я очень многое не способна сделать сама — мне помогают НЕВИДИМЫЕ ПОМОЩНИКИ!.. Это что-то исключительно личное, дарованное мне матушкой-природой.

— Благосклонность матушки-природы у меня всегда вызывала восхищение. — медленно проговорил я. — Час от часу не легче... у меня даже мурашки по коже... Они совершенно НЕВИДИМЫЕ ПОМОЩНИКИ или хотя бы мельтешение от них видно?

— Абсолютно ничего не видно! Если только чувствуется лёгкое дуновение.

— Да, я понимаю дуновение, очень хорошо понимаю... Но если ваши помощники совершенно невидимы, то по каким причинам это с ними приключилось?.. Изъян-то уж больно заметен: невидимость!!

— Не знаю, мне не приходило в голову расспрашивать у них об этом. — замялась Нога. — Я вообще с ними никогда ни о чём не разговариваю напрямую. Только приказы отдаю. Иногда и не вслух. Очень многое они сами прекрасно понимают. Эта сущность несомненно принадлежит мне на грани чего-то духовного.

— Значит, если вы им прикажете, чтоб они на стол накрыли и организовали чаепитие, то они незамедлительно всё исполнят?

— Вы сейчас сами увидите, Филушка, как они живо с этим справятся. — Нога негромко притопнула по полу. — Эй вы, НЕВИДИМЫЕ ПОМОЩНИКИ!.. Приказываю вам подать ужин с чаепитием!! Да поторопитесь.

— Эгей-гей!! — я заинтересованно напрягся и прищёлкнул пальцами.

Мгновенно тарелки с подносами, кружками и блюдами заелозили на своих полочках, зазвенели, загоношились — и птичьей стаей сорвались со насиженных мест, немножко покружились под потолком и с педантичной аккуратностью разместились на столе. А за ними вилки с ложками — задорные, звонко-серебристые — самолётчиками-истребителями вылетели из ящичков буфета и благоговейно на столе разложились, как в приличных домах полагается, где всяких приверед по светскому уставу без конца ублажают: вилка справа, ножик слева!.. Приятного аппетита!!

А чайник вдруг пузато покачнулся, обожаемую прискорбность взащей выгнал и чеканным военным шагом отправился в горнило печи, на подогрев. Строго на соседку-кастрюльку посмотрел, зыркнул потускневшей лакировкой: гражданского, дескать, положения девица на этот раз попалась, а значит ей за счастье будет с чайником-подполковником рядышком посидеть, лясы поточить... гран-мерси, мадам!.. Из кастрюльки очень скоро и жарко запахло варёной курицей.

А пара ловких ножей порезали хлебушек на кусочки, наслаждаясь до уморы работающей проворностью; подмигнули друг другу — знай, мол, наших! — и нарезанные кусочки на блюдо художественно разложили, заманчивую фигурность скомпоновали!.. Тут и маслёнка из холодильника вынырнула, на стол плюхнулась, вежливым сливочным холодком заочевряжилась.

Вскоре чайник поспел и разлил по кружкам соблазнительно душистый чай из трав. Курица выпрыгнула из кастрюли на тарелку, разделилась на маленькие кусочки и покрылась быстрым соблазнительным дымком.

— Пожалуйста, не стесняйтесь облизываться, ведь я тоже облизываюсь на свой лад. — заверила меня Нога. — Сама грешна, когда дело вкусного ужина касается. А пахнет очень вкусно, согласитесь?..

И будто бы натуральным образом облизнулась.

— Очень правильно, что мы испытываем доверие друг к другу. — поспешил я облизнуться. — Не стесняемся смешных нечаянностей, сидим и облизываемся.

— Ваши слова исключительно справедливы, Филушка. Если вкусная еда на столе томится, то почему бы нам не пооблизываться?.. От нас ведь не убудет?

— Да, для меня здесь нет вопроса: я счастлив, что могу сколько угодно облизываться и ни перед кем не оправдываться!..

Я ещё раз облизнулся, правда уже с какой-то нарочитой дуростью.

— Облизухи, облизухи! словно дети малые!! — выскочил из дыры в потолке шустрый Накося-Выкуси, крикнул обзывалку и быстренько смылся, чтоб мы в нём не успели разобраться.

— Да здравствуют облизания перед ужином! ура, дорогие товарищи! — захохотал я и облизнулся.

— Ура!! — захохотала в мою поддержку Нога. — Спасибо моим НЕВИДИМЫМ ПОМОЩНИКАМ!!

Слов нет до чего хорошо стало у меня на душе. И вот от этого простодушного облизывания, от милых детских шалостей, которыми попытался скучно опошлить ужин Накося-Выкуси, от всего застольного, домашнего и съедобного повеяло исключительной добротой и заботой. Дом обволокло кокетливым восторженно-туповатым счастьем. Сперва робко и как бы осматриваясь — не подстерегает ли враг внезапного подарка? уж конечно не хочется попасть врагу на зубок! — а затем этак чудно и независимо, будто одолжение нам делало, вышло счастье на прогулку по дому: руки в брюки, хвост торчком!.. Я незамедлительно сыграл на губах праздничный туш, чайник с достоинством изобразил генералитет, Нога заботливо демонстрировала лёгкое недоразумение геномодификации, а счастье уж совсем разошлось не на шутку, распоясалось, сверкнуло холёными бёдрами и повалило соблазнами на всякого, на кого глаз свой положит!.. утешалось полнотой мира и согласия!..

— Прошу к столу, приступим к ужину. — наконец сказала Нога. — С долгожданным

счастьем нужно обращаться обоюдно: и оно ест вас, и вы едите его!..

ПОГОВОРИЛИ

Я с любопытством посматривал на Ногу, ожидая увидеть, каким способом она начнёт поглощать пищу. Непонятно, что помогало Ноге извлекать из себя человеческую речь. Все слова и звуки она произносила чуть картаво, игрушечно, будто у неё внутри находился маленький жестяной рупор, похожий на те, в которые горланили на митингах всяческие инициативные граждане в довоенные времена. Ротовой полости, как я уже упоминал, у Ноги не было. Не примечалось ни единой физиологической щёлочки, ни мельчайшей технической дырки!..

— Обожаю потчевать гостей разным угощением! — с невинным удовольствием произнесла Нога, запрыгнув на небольшую табуретку. — Приятного аппетита, Филушка! Не стесняйтесь брать кусочки курицы полакомей. Такие, что пальчики оближешь.

— Приятного, приятного. — пробормотал я, усаживаясь на деликатно скрипнувший стул.

— И крылышком куриным не брезгуйте, оно вкусно.

— Никогда не думал крылышком брезговать. Всегда ем за милую душу.

— Я и сама с удовольствием примусь за кусочек-другой. У вас чай не слишком горячий?.. Лично я от горячего сладкого чая никогда не отказываюсь.

Я принялся жевать куриное крыло, стараясь мило улыбаться и приглядывать за Ногой. Не трудно было заметить, как чай из прозрачной громоздкой кружки Ноги принялся медленно, словно бы по глоточку, исчезать... не выливаться через край, не протекать через какую-нибудь трещинку, а именно исчезать, испаряться!.. При этом Нога совершала лёгкие безобидные пощёлкивания и урчание благодушной рептилии.

— Нет, — сдержанно успокоила меня Нога. — чай не исчезает в пространстве, а проникает в мои внутренности, где послушно питает организм. Ещё кусочек сахару подбросьте пожалуйста.

Я подбросил.

— Размешайте, если не трудно.

Я размешал.

— Хотя, НЕВИДИМЫЕ ПОМОЩНИКИ и сами всё могут подбросить и размешать, но вам доверяю немножко поухаживать за мной... Вам не трудно?

— Нет, что вы, я с удовольствием... особой галантностью не отличаюсь, но на разные пустяки горазд... — я быстренько обглодал куриное крылышко, подумывая, куда бы скинуть косточки. Передо мной сразу звякнула пустая чашка. Я отправил в неё кость, а чашка улетела в прихожую, вернувшись назад пустой.

— Вкусно? — спросила Нога. — Берите втрое крылышко, не стесняйтесь. Я тоже обожаю курицу. Я её прямо так ем, с костями. Привыкла.

— Очень хотелось бы знать какого анатомического характера ваш внутренний организм. — подивившись привычкам хозяйки, сказал я. — У вас имеется желудок и всё такое прочее?..

— Да, надо думать, что именно желудок с печенью и селезёнкой у меня имеются. Если иногда из моего тела доносятся звуки сытости — так чему бы это и бурчать, если не нормально организованному желудку?

— Надо полагать, что кишки у вас растянуты по всему телу?

— Было бы неприлично одиноко желудку, если б не было рядом кишок.

— Интересно! Вы чрезвычайный природный феномен!..

Кусочки курицы, облюбованные Ногой, тщательно, с еле слышным скрежетом, поедались и обглаживались до самой кости, забавно вертясь на блюде, будто подчиняясь силе невидимых рук и рта. А затем кость испарялась с лёгким хрустящим хлопком и небрежным ойканьем Ноги.

— Вот таким макаром я и потребляю пищу, очень даже отмечая прелесть всех вкусовых качеств. — завершила меня Нога. — Если не трудно, вон тот кусочек бёдрышка помажьте горчицей.

Я заботливо помазал.

— Хм. — Нога по-видимому излишне торопливо проглотила кусок с горчицей и с трудом сдерживалась от спазматического всхлипа. — Крепкую горчицу купили в продмаге! хорошо жжёт! с-сука!..

Нога восседала на табурете вполне естественно и непринуждённо. Курица была на редкость вкусно приготовлена, а чай отдавал ароматом радостных лесных трав и целебной мягкостью родниковой воды.

— Милые вы мои, до чего же всё вокруг привлекательно и необыкновенно! — бормотал я, с бескорыстным умилением обращаясь к НЕВИДИМЫМ ПОМОЩНИКАМ, но не забыв запихнуть в рот кусок курицы, предварительно помазав его горчицей, чтоб насладиться лёгким горчичным инфарктом. — Утешили вы меня под конец дня, да так, что и слов нет — дай вам Бог всем крепкого здоровья!.. Мир дому вашему!..

За чаепитием, усмирив голодные кульбиты, моя беседа с Ногой задалась уютно-расхлябанно, плутовато, но очень сердечно. Я зачем-то подталкивал Ногу к разговору о делах житейских.

— С вашими НЕВИДИМЫМИ ПОМОЩНИКАМИ можно и горя не знать. Даже завиди. Но неужели вам иногда не скучно становится одной жить, без спутника жизни?

— В каком смысле?? — удивилась Нога.

— В том смысле, что одними гостями сыт не будешь... я имею в виду насыщение иных существенных потребностей... характерных для живого организма... — я охотно покраснел.

— Зачем это? — не понимала меня Нога.

— У нас, у людей, знаете ли, женщины любят выходить замуж. Тем более, в наше непростое время, когда мужчин на всех не хватает.

— Простите, какой же может стать у меня вдруг муж?

— Ну... НОГ какой-нибудь подходящий. — ещё охотней покраснел я.

— Что за НОГ?? — вздрогнула Нога.

— Звучит диковато, согласен... Но все досужие слова — и «ноги», и другие слова, и «руки», кстати сказать — делятся на мужской род, женский род и средний. По этому правилу, вы, Нога, получаете женского рода (и, право, вы целиком этого заслуживаете, за добро надо платить добром), а вот ваша половая противоположность должна конкретизироваться мужским родом. Отсюда и моя фраза про супруга, именуемого НОГ, пусть она и вызывает усмешку... Хотя, согласитесь: при состыковке женского рода и мужского, можно и вовсе отойти от каких-либо правил языка, поскольку «зайки», «лапушки», «усипусеньки» и прочая словесная милота не поддаётся грамматике.

— Да вы очумели! — доброжелательно расхохоталась Нога. — Как же я состыкуюсь??

— Ну... д-да... — я прикрыл поглупевшие глаза и шустро отхлебнул из чашки. — С

вашей конструкцией ситуация усложняется... хотя существуют какие-то способы почкования... но это, разумеется, бред... А ведь хорошо, когда разнообразие полов понятно и одинаково: есть мужской род... женский род... Никакой самоидентичности.

— Одна беда с вашими состыковками... Расскажите-ка лучше о себе, Филушка, что-нибудь очень личное, по возможности. Вы женаты?

— Да. Отчасти.

— Это как понять?

— Это можно так понять, что я люблю семейный уют в неких его идеальных свойствах... но я человек ищущий, скиталец...

Я слегка нервно зачесал обоими указательными пальцами свой нос, а Нога, кажется, пристально взглянула на меня.

— Вы сбежали из дома? Ушли от жены?

— Я ещё не был женат, хотя поддерживаю хорошие отношения с одной милой девушкой... её зовут Татьяна... но я не сбежал из дома, а покинул город по другим причинам... они напрямую связаны с войной...

— Значит, вы дезертир?

— Как же вы категорично наехали! — я заелозил на стуле. — Почему же, по-вашему, я получаюсь именно дезертиром?.. Это грубо.

— Да вроде совсем не грубо. — смутилась Нога. — Дезертир и дезертир.

— Да просто вы совершенно несведущи в некоторых вопросах, а эпитетами разбрасываетесь... в вашей глухомани почти ничего не известно про Абракадабра, про культ подавления личности, тем более про прапорщика Удушенко... живёте тут, как сычи, а туда же — с обвинительной патетикой... пускай я — дезертир... но ведь надо понять, отчего я им стал...

— Филушка, я вовсе не хотела вас обидеть, а, напротив, понимая все эпохальные неприятности и возможные конфликты, связанные с прапорщиком Удушенко, постигаю и принимаю ваши антигосударственные поступки. Дезертируйте себе на здоровье, у нас не запрещено.

— Так-то оно так, но я бы предпочёл именоваться скитальцем, поскольку не люблю неуместного эпатажа. Когда вы произносите, не очень сообразуясь с действительностью слово «дезертир», то может показаться, что я некий идейный подлец и оппозиционер!.. Тогда как я всего-навсего безобидный скиталец!.. То есть, обо мне — среди жителей вашего леса — пойдут разговоры, будто бы я не сам по себе сформировавшаяся идиома, вроде Адама, изгнанного из рая, а нечто приспособленное к незаслуженной славе подлеца и врага Отечества. А я не очень-то хочу чужих чудесных идеалов, мне дайте моих. Но дайте столько, сколько захочу.

— Хотеть-то не вредно.

— Я знаю. Да мне много и не надо

— Ох, Филушка, будьте осторожней с чудесами. — с добродушной лукавостью посоветовала Нога. — Прямо сегодня вас ждут необыкновенные встречи и знакомства, и чудесного в них будет с лихвой. Только я остерегаю вас от излишнего пристрастия к чудесам, не надо пытаться их осмысливать. Ведь иное мнительное чудо может испугаться и потерять свою привлекательную интригу. А если осмысленных чудес наберётся слишком много, то ваш ум — от избытка рассекреченных секретов — внезапно лопнет.

— Да?? — я торопливо пощупал голову, убеждаясь в её целостности. — Не сомневаюсь,

что вы правы, но и я по-своему прав, ведь ум может лопнуть даже в том случае, если я — после встречи с чудом — останусь в непрошибаемых дураках. Не очень-то отдохнёшь от прочего человеческого вздора, когда в голове беззастенчиво свербит: дурак! дурак! обманули дурачка на четыре кулачка!..

— Во всём есть своя высшая правда, а она всегда успеет подсказать, что вы не дурак.

— А кто я?

— Вы же сами сказали, кто вы. Скиталец.

— Значит, вы уверены в том, что я могу быть уверенным в том, что нахожусь в данный момент в процессе скитальничества? — я внимательно проверил взглядом окружающие меня миры. — А может быть, всё гораздо проще и одновременно занятней? Может быть, я сплю и мне снится сон?.. Допустим, мозг обхитрил череду страданий и физическую усталость, мозг применил все свои обманчивые возможности, и я на самом деле лежу сейчас на лесной опушке, дрыхну под пеньком, дожидаясь, когда меня сожрут волки... А вот это всё сон!!

Я с тихой радостью постучал кулаком себе по голове, а затем по столу. Звуки мало отличались друг от друга.

— Вот мои глаза! — я широко раскрыл глаза.

— Вот рот! — я приоткрыл рот.

— Конечности двигаются и суетятся! — я демонстративно зашевелил пальцами рук и заболтал ногами.

— Чего же я ещё хочу, пребывая в столь невероятно чудесном сне? — спросил я у самого себя, лишь игриво обращая внимание на хозяйку дома. — Что откроет меня и вытолкнет из сна, если я могу подозревать, что нахожусь не во сне?..

— Понятия не имею. — буркнула Нога. — Но заверяю, что ваши глаза, рот и конечности открыты любому взору. Это даже не обсуждается. И я сейчас не сплю, в этом тоже не сомневайтесь. Я вообще мало сплю.

— Да, но я не различаю степень ясности своих глаз, находящихся допустим в глубоком сне, от тех глаз, которые допустим наслаждались ясностью до сна. — я крепко закрыл глаза. — Что же я сейчас в себе ощущаю якобы во сне, отличное от того, что было якобы до сна? Что я вижу в себе, стремясь впасть в состояние мелкотравчатой безыдейной разумности, в атмосферу такой питекантроповой вялости?.. Вам интересно узнать, что я сейчас вижу? С закрытыми глазами?

— Ну, не знаю... — замялась Нога. — Наверное, интересно.

— Тогда слушайте... я вижу несколько кроваво-красных пятен, маслянисто растворяющихся, как будто они упали в воду, напоминающую густо залитое чёрными чернилами полотно с узорчатыми трещинками... ещё оно напоминает дымное ночное небо с молниеносно мелькающими просветами... но это не танцующие вспышки умирающих звёзд или комет... это, скорее всего, проблески того ярко-светлого полотна, которое скрывается за чёрным полотном, и к которому очень хочется устремиться, напрячь своё зрение до боли в висках, чтобы двинуться вперёд, рвануться к свету, но всё же остаться на своём привычном месте... но вот появился медленно приближающийся жёлтый луч, изорванный и обтрёпанный по краям, словно древний, ацтекских времён, космический корабль, вернувшийся через карму бесконечных путешествий домой... он нехотя вылепливается в строгое бледно-зелёное светило, и через секунду сочно раскалывается на плавно-дрожащие клочки пламени, которые разлетаются в разные стороны под воздействием напряжённо-

сдавленного взрыва, и таким образом покидают поле моего наблюдения... снова я проникаю сокровенное полотно черноты... подловатая бесполезность борьбы с ним понуждает к непокорству, к какому-нибудь диковатому и кровавому решению, но — как я не устремляюсь, как не убиваю в себе что-то паскудно-цепкое — не могу сдвинуться с места... а вот из самой глубины этой гипнотизирующей черноты, из самых её точечных чисел и молекул, кропотливо вырождаются ломкие, быстро вращающиеся круги, обречённо градирующие в фантастические и жутковато-сакральные фигуры... и я с нечаянной злостью, с резким душевным отпором узнаю в этих фигурах ангелов и бесов, попеременно кочующих по сотворённому во мне космосу, и я всей душой противоборствую с ними — и с ангелами и с бесами — и они понимают мои возможные внутренние силы, огрызаются, ищут друг в друге могущественного и обожествлённого единства... наконец, оно ими найдено, ангелы и бесы сливаются в единое целое, в одно всеобъемлющее хамовато лыбящаяся лицо... вернее, не лицо — для лица этот комок массы слишком ужасен и нестерпим... это не лицо, а личина!.. я пытаюсь узнать её, высмотреть в ней понятные и незагримированные жестокой яркостью черты, но она резко суровеет, искажается в остром и тугом беззубом оскале, заполняющим собой весь, увиденный мною, мир, и она со свистом огненного голода обрушивается на меня!.. и вот тут я наконец-то могу сорваться с места, и я мчусь от огненного оскала, от сатанински-тугого смеха... а вот сейчас я открою глаза и как будто бы проснусь!!

И я открыл глаза.

— Столько неожиданного можно увидеть, даже, когда не спишь. — оправдываясь, проямлил я. — Нужно лишь закрыть глаза, а затем вовремя их открыть. Неужели мне тоже доступны некие НЕВИДИМЫЕ ПОМОЩНИКИ, только слегка иного назначения, чем у ва Нога?..

— Я не знаю ответов на ваши вопросы, вернее, на те символы, которые вы сейчас разглядели, закрыв глаза. — призадумалась Нога. — С моими-то отшлифованными мыслями довольно просто жить. Я не люблю жаловаться и страдать за саму себя, я не требую от жизненной участи лишнего, а, значит, я тривиальна и не завистлива. Мне трудно самой для себя нафантазировать чего-нибудь сверхъестественного, поскольку вся моя жизнь окружена мастерски выполненными фантазиями. Вообразить что-либо яркое и симптоматично взрывоопасное у меня вряд ли получится... ну, разве что, извините, спьяну!.. разве что!..

«Спьяну? — вдруг призывно запершило у меня горле. — А недурно было бы сейчас выпить, очень кстати мне бы пришлась сейчас выпивка! напиток в стельку и броситься спать!.. так спать, чтоб не было страшно за то, что пропустишь начало собственной казни!..»

Какой ещё казни?..

— Памп-памп-пара! — пропела Нога и чашки наполнились обжигающе-золотистым чаем. — Подуйте, подуйте на чай! быстрее остынет!..

Я подул, прихлебнул с явной благожелательностью... И тут в дверь решительно застучали!

— Да это мои гости пришли! — обрадовалась Нога, призывая и меня к внезапному веселью. — Почти не запаздывают, что очень мило с их стороны!.. Сейчас, Филушка, вам станет очень интересно!! вас ждут незабываемые встречи!!

— До гости ли это? Что-то меня настораживает в этом требовательном стуке в дверь.

— Непременно, гости... кто же ещё?? — недоумевала Нога.

— Очень странное поведение для гостей. — трусливо насторожился я. — Мне слышится, что за дверью будто переругиваются. Лишь отъявленным наглецам свойственно по ночам ходить, куда не просят, и ругаться.

— Ну, мало ли кому что свойственно... начнёшь ругаться, если в дом стучишь, когда в гости позвали, а тебе не отворяют! — и Нога забавными скачками поспешила к входной двери. — Будь любезна, дверца, отворись!.. Добро пожаловать, гости дорогие, угощение на столе...

И испуганно осеклась. В дом бесцеремонно завалился крупный ошетилившийся волк, пропуская за собой два десятка сородичей косматой и весьма потрёпанной выделки. Волки с насмешливым брюзжанием разошлись по комнате и заняли боевые позиции у двери и окна. Последним проковылял в дом щуплый заяц с всклокоченной шёрсткой, цвета неисправимо душноватой желтизны, и ошалело вытаращенными глазами.

— Мамочки! — ахнул я. — Именно эту напасть я и предвидел на протяжении всего вечера! Вот те самые волки, которые мечтают меня сожрать!.. Вот и этот чёртов заяц, который навёл их на мой след. А главаря зовут — Кулаков-Чудасов!! Я всех знаю.

Трусливая слабость растеклась по моему телу, пытаюсь отыскать спасительного пристанища. Точнее сказать: душевной отверженности, когда чувство стыда стыдится своих физиологических проявлений, и с готовностью уступает место подленькому, рассчитанному на милость победителя, непротивлению... именно — подленькому, а не тому высшему космическому понятию непротивления, которому учат нас новозаветные персонажи, и которого нам не посчастливится извлечь для личного употребления, поскольку его быстро заест сумятица, сложенная из нелепой гордыни, обуянства и обманчивого честолюбия...

— А ведь точно Кулаков-Чудасов!! — узнала Нога вожака волчьей стаи. — Запустила козла в огород.

— Здравствуйте, голубки, как поживаете? — расплылся в прожорливой улыбке Кулаков-Чудасов и протянул мне лапу, якобы для рукопожатия, но тут же — не успел я и ухватиться за неё с каким-то болезненным отрешением — одёрнул назад. — Поймал леща?..

— Ай? — бесполезно задрогал я в воздухе пустой ладошкой.

— Не ловится лещ-то, по нынешним временам, скользок сукин сын? — захихикал Кулаков-Чудасов.

Стая одобрительно заржала. Я промолчал.

— Здравствуй, Филушка!.. ведь тебя Филушкой зовут?.. ну, не можешь лещей ловить, так хоть головой кивни, что рад меня видеть, что давно мечтал познакомиться! — попросил Кулаков-Чудасов, слегка повиливая пыльным хвостом.

Стая столь же одобрительно загыгыкала. Честное слово, я дошёл до такой трусливой пакостности, что был готов кивнуть головой и загыгыкать вместе с волками, но голова оказалась сильней всего остального во мне, голова решительно не кивалась.

— Не обманул нас заяц Обшмыга. — весело взглянул волк на зайца, пожелавшего гордо приосаниться, но выглядевшего очень нелепо и изношено. — Говорит, самого настоящего человека в лесу увидел. Проследил, как он в домик Ноги постучался. Спрашивает у меня: можно ли в наше непростое время человека жрать?.. А отчего же, говорю, нельзя?.. Они и сами себя пожирают тысячами, а нам — лесным хищникам — такое и по статусу положено.

— Рад старррраться! — клокотливо прорычал заяц Обшмыга.

— Прекрати паясничать, Кулаков-Чудасов! — строго выговорила Нога. — Говори, что тебе нужно и убирайся вон, поскольку я не намерена терпеть тебя в своём доме.

— Неужели прочь гонишь? — с почти натуральной обидой поморгал глазёнками Кулаков-Чудасов, обращаясь больше не к Ноге, а к волкам, которые с удовольствием созерцали спектакль вожака. — Но мы же с тобой старые друзья, Нога, и сколько душевных разговоров провели!.. Сколько раз ты мне в жилетку плакалась, на судьбу сетовала!.. Отчего же вдруг я в не милость пал?..

— Не ври, никогда мы не были друзьями!

— Не были друзьями??

— Подобное и вообразить невозможно, а ты сейчас плохо и скучно дурачишься, рассказывая глупости.

— Мы не были друзьями?? — опечалился Кулаков-Чудасов. — И как у тебя язык поворачивается отвергать известные по всему лесу факты?.. Ты ещё заяви при народе, соври всем прямо в глаза, что я твой заядлый враг и однажды накинулся на тебя, чтоб сожрать?.. Было такое?

— Нет, такого не было. — вынужденно призналась Нога.

— Хорошо, что ты хоть очевидные вещи признаёшь. Всегда с тобой надо при свидетелях разговаривать, чтоб ты правду признавала... А догадываешься ли ты, сколько раз, за время твоего обитания в нашем лесу, я мог тебя съесть?.. А сестрицу твою я разве не мог сожрать раз сто?.. Где у нас счетовод, пусть он скажет!

Волк Выгребала, удившись внезапному призыву вожака, выступил вперёд. Он бы похож на пожилого и уработавшегося субъекта, с унылом трепетом относящегося к делу всей своей жизни.

— Исключительно исходя из фактов реальности, — запинаящимся голосом забубнил Выгребала. — я записывал все злодеяния, совершённые Кулаковым-Чудасовым на моих глазах... кое-что даже запротоколировал поминутно... погодите, я припомню все записи за прошедший год, чтоб быть максимально точным... вот, полюбуйтесь... в ночь с тридцать первое на первое, пребывая в состоянии глубокого сна, непроизвольно и аффектировано раздавил комара!.. злодеяние запротоколировано... Но про покушение на жизнь Ноги у меня сведений нет.

— Ну вот. — Кулаков-Чудасов похвалил Выгребалу. — Спасибо за факты, а то тут некоторые корчат из себя амбразуры вселенского добра и справедливости... типа они одни такие гуманисты, что хрен поймёшь... Ты, дедушка, ещё желаешь чего-нибудь сказать?

— Я, если можно, продолжу. — хозяйственно пригладил затылок Выгребала. — Исследовав труп убиенного комара, я постарался быть предельно дотошным и аккуратным в оценке событий и напярк всю зоркость наблюдательности. Я внимательно осмотрел помещение, где свершилось нечаянное преступление, и вдруг поразился настолько, что до сих пор не нахожу слов!.. я, когда увидел, то волновался, словно мальчишка!.. ОН взял и зацвёл!!

— Погоди, дедушка, что-то ты мелешь чепуху... кто зацвёл? — опешил Кулаков-Чудасов.

— Фигус!.. Да вы вспомните-ка, что я в докладной записке сообщал, и вам сразу станет всё понятно.

— Ну, допустим, вспомнил... но зачем мне знать про фигус?.. ты, дедушка, почему

заговорил о фикусе, когда наши притязания сейчас направлены в другую сторону?..

— Как же вы можете быть спокойными, если цветение фикуса сродни чуду? — в глубоком блаженстве продохнул волк Выгребала. — В наших краях гении чаще рождаются, чем фикусы цветут — я не сомневаюсь, что этот случай надо отпраздновать.

— Тебе-то, счетоводу, какое дело до фикуса?..

— Да, Господь с вами... Я самый натуральный цветовод.

— Да я-то просил сейчас счетовода с заявлением выступить, а не цветовода. Ты-то зачем с фикусом своим выступил?

— А-а!.. Стариков всё ругаете, а у самих память хуже некуда. Цветовода вы позвали, а не счетовода, вот тут и народ подтвердить может мою правоту. А я кто?.. Я цветовод и есть, я и вышел с установленным фактом!

— Молодец какой, нужен ты мне больно с фикусом!.. счетовода я потребовал, старый ты старикашка! сче-то-во-да!!

— А я говорю: цветовода!.. я-то, будьте спокойны, натуральный цветовод, и счетоводом никогда не был, ещё чего не хватало!.. А фикус-то у кого расцвёл на глазах? разве у счетовода?.. нет, дудки, фикус расцвёл у меня на глазах, а я — цветовод!.. Кто угодно может подтвердить.

— Счетовода мне надо! тишкина ты жизнь!..

— Но я-то цветовод! фикус-то удостоверяет!..

— Охреть можно! — попытался возобладать над собой Кулаков-Чудасов. — Кардинально можно охреть!..

— Владимир Владимирович! — осторожно окликнул жоака волк Гукнула. — У меня желудок с голоду ноет, прекращай ерундой заниматься. Надо поскорей жрать эту парочку.

Некоторые волки поддержали нетерпеливость Гукнулы, а Кулаков-Чудасов вальяжно прошёлся по комнате, собираясь с мыслями и забавляясь тем, как Гукнула глотает голодные слюни.

— Немножко потерпи, дружок. Разве наша хищническая вера не учит терпению и выдержки?.. Разве мы какие-нибудь озверевшие маньяки, готовые поддаться искушению в любую минуту, без всяких основательных причин?.. Нет, только выдержка и самообладание помогают нам захватить добычу в момент истины. А, в противном случае, отправляйся в зоопарк. Там еда поставляется по расписанию и в разумных количествах.

— Ой, умора! Вчера объявление видел: в зоопарк требуется Трезорка на работу, чтоб на цепь посадить... — послышался идиотский смешок зайца Обшмыги. — А тут им целый волк достанется!! вот умора — так умора!!

— Ты чего здесь ерунду городишь, от горшка два вершка? — сердито покосился Кулаков-Чудасов на Обшмыгу. — Взял и сбил меня с мысли своей болтовнёй. Вот о чём я толковал?

— Ты, Владимир Владимирович, говорил, что наша вера завсегда преподнесёт нам то, что нам нужно. Надо только потерпеть. — подал голос волк Выгребала. — Я хоть и старый, но всё отлично слышу и понимаю, и на память не жалуясь. Так что имейте это в виду, прежде чем называть меня счетоводом, а не цветоводом.

— Хорошо, мы конкретно это в виду и поймеем. — сердито буркнул Кулаков-Чудасов. — Мы сейчас по быстренькому управимся с одной проблемой, и примемся иметь в виду твои выкрутасы и фикусы. Кошка скребёт на свой хребёт!..

Стая сдержанно захихикала. Заяц Обшмыга прижал уши и отошёл в угол.

— Зачем вы ворвались в мой дом? — раздражённо притопнула по полу Нога.

— Э, подруженька, ты сегодня однообразна и занудна... «чего вам надо», «зачем ворвались»... Я же с тебя не алиментов требую, а услужливости хоть какой-то, элементарных знаков внимания, оказываемых при гостеприимстве... Или ты меня боишься? Скажи правду: боишься?.. Филушка-то боится, это по нему сразу видно!!

Я заметно побледнел, в голове растерянно запрыгали радужные, припахивающие гарью, круги и сигналы осциллограммы. Я боялся даже пошевелинуться.

— Хамло ты невоспитанное. — сказала волку Нога. — Обычный лесной хам.

— Этим замечанием ты меня не удивила и не раздосадовала, так что погоди, не перебивай. — Кулаков-Чудасов игриво отмахнулся от Ноги и обратился напрямую ко мне: — Скажи мне правду, Филушка: ты нас боишься?.. Я требую, чтоб ты не врал, ведь по тебе и так всё видно. Надо просто признать свой страх. Возможно, от этого тебе станет легче.

Радужные круги закрипели мельничными жерновами и вязко, с хрипотцой, остановились. Светящиеся выгнутые линии застыли на месте, не издавая ни звука, лишь отмечая какими-то хитрыми запятыми удары сердца. Я почтительно и с одутловатой вежливостью произнёс несколько туманных возражений, насчёт своего страха, но произнёс их как-то не убедительно и беззвучно. Поскольку рот упорно не желал открываться, а губы пошло подёргивались.

— Молчит, словно воды в рот набрал. — сказал Кулаков-Чудасов. — Как его заставить заговорить — ума не приложу.

— За ухо бы цапнуть. — угрюмо предложил волк Гукнула.

— Но ведь он набрал воды в рот, а не в ухо, и за ухо его цапать смысла нет... Или есть смысл цапнуть тебя за ухо, Филушка?.. А?..

— Н-нет. — продирая через опасную остроту гортани, я выдавил из себя слово.

— Ты мне говоришь: нет?.. Это очень важно, что ты начинаешь со мной разговаривать, и очень занятно, что это слово «нет». Повтори, пожалуйста, а то кому-нибудь может показаться, что он ослышался... Ты боишься нас, Филушка?

— Н-нет. — я издал всё те же утробно плачущий звук.

— Не боишься? Это похвально, хотя и неразумно! — посетовал Кулаков-Чудасов. — Но если ты нас не боишься, Филушка, то почему дрожишь, словно цуцик?.. Неужели это не я тебя напугал, а кто-то другой?..

— Н-нет.

— Ну, не знаю... Мне думается, что с той самой минуты, когда ты леща упустил — вспомни-ка леща! — с тех пор ты меня и боишься, не верю я твоему заикающемуся «нет»!.. гнед вороной!!

Заяц Обшмыга прыснул мелким смешочком и тихонько пробарабанил лапами по животу, что немного привело меня в чувство.

— П-послушайте, может вам деньги нужны? — по возможности вкрадчиво сказал я. — У меня есть немного. Охотно поделюсь с вами, только вы оставьте нас в покое. Забирайте деньги и уходите.

— Ох, люди-люди... — с экзистенциональной грустью взглянул на меня Кулаков-Чудасов. — Всякое дело к деньгам сводите, слишком любите вы деньги.

— А отчего же их не любить? — промямлил я.

— Давно надо понять, что человек, сильно любящий деньги, так же сильно любит и смерть — вот ведь в чём закавыка!.. Не всегда он догадывается об этом, не всегда готов

примириться со своими чувствами. Лишь иногда, прогуливаясь по кладбищу, он может поймать себя на удовлетворении и удовольствии, с которым разглядывает надгробия богатых людей, помпезные памятники и часовенки. Он примиряет их к себе, к своим близким, даже к своим врагам. Он скрупулёзно воображает свои похороны с той самой минуты, когда его упаковывают в гроб и везут на отпевание. Ему может показаться, что он просто дурачится, представляя себе всё это. Но на самом деле он творит себя в акте любви к смерти. Его возбуждает запах мертвечины... он умеет набивать смерти цену... А разве ты богат, Филушка?

— Совсем не богат.

— Тогда и не приставай ко мне со своими деньгами. Я подарю тебе смерть бесплатно.

Волчья стая одобрительно завывала.

— Чего тебе надо в моём доме, Кулаков-Чудасов? — набираясь злости, отчётливо заговорила Нога. — Я догадываюсь, что целью твоего визита является КАРАЧУН, ты для этого и прихватил с собой стаю — там, где не справиться одному бандиту, есть шанс у сотни отморозков. Но безрассудное нахальство — скажу я тебе — обычно наказуемо, и наказание наступает тогда, когда меньше всего его ожидаешь.

— Я рад, что ты употребила это святое для нас понятие — КАРАЧУН!! — продолжал вальяжно вышагивать по комнате Кулаков-Чудасов. — Но ведь ни я, ни кто иной, из числа пришедших со мной, ещё и словечком не обмолвился достаточно ясно про цель визита в твой дом, хотя, конечно, это может быть и КАРАЧУН. А может быть и не КАРАЧУН — ибо у всякого своя участь на земле, и предугадать её невозможно. Может быть, цель нашего визита — это разговор о поэзии, в частности, о поэзии вечного покоя.

— У-у!! — радостно заурчали волки, зудливо почёсывая шкуры.

— Ладненько, пусть в этом доме нас не ждали, пусть никогда не звали в гости и никогда бы сроду не позвали... но мы всё-таки пришли!.. мы всё-таки здесь!.. — Кулаков-Чудасов досадливо вздохнул. — А с нами и зняться не хотят, нас с порога обвиняют в КАРАЧУНЕ, и требуют, чтобы мы поскорее убирались вон! Нас не желают кормить вкусным ужином — да хотя бы и куриными потрохами (много ли нам надо, шантрапе дворовой?) — нас из принципа не желают кормить и поить, поскольку мы здесь никому не нравимся, а куриными потрохами здесь готовы накормить лишь тех, кто им жопы будет целовать... Полюбуйтесь, друзья мои: на столе ещё покоятся остатки аппетитнейшей курицы!.. Но нам не позволят их доесть, нам не дадут вкусить даже кусочка хлебца... им жалко для нас чашки паршивого чаю или стакана компота из домашних сухофруктов!.. — сумрачно паясничал Кулаков-Чудасов. — Да просто бы кипятку налили в стаканы — и на том, как говорится, спасибо, мы бы и за это по гроб жизни благодарны бы были!.. но не желают... ибо бесконечно нас презирают!!

— Го-го-го! — заржали волки в поддержку благодарности по гроб жизни. — Фикусом бы одарили за стакан кипятку! Нешто нам жалко?..

— Братцы! — ловко поменял интонацию с ёрнически-задиристой на упрямую и жёсткую Кулаков-Чудасов. — Нас не желают поить чаем!.. Нас наверняка не уложат в мягкие тёплые постели, не споют уютной колыбельной песни — милые подпухшие напевы которой иногда так понятны и востребованы. Нет, нас открыто гонят из дома прочь, брезгуя и раздражаясь: фу, дескать, от вас дурно пахнет! убирайтесь в свои вонючие норы!..

Стая гневно заворчала.

— Убирайтесь в свои грязные паршивые хижины! — распалился Кулаков-Чудасов. —

Дышите прахом и тленом, и не забывайте о своей скотской участи!.. Сдохните голодными и холодными!!

Стая слишком серьёзно восприняла услышанное.

— Владимир Владимирович, да неужели от нас дурно пахнет? — брюзгливо залопотали волки. — Мы же типа санитаров леса, а это уже подразумевает гигиену.

— Да я вчера полдня в бане мылся! всё, как в инструкции написали банщики, так я и мылся! — проголосил куцехвостый волчишка.

— Совести у кой-кого здесь нету, вот что я вам сообщу. — поддержал приятеля покрасневшийся волк Чистоплюй. — В жизни-то им всё легко даётся, будто за красивые глазки, вот и потеряли совесть, сидят тут и чай распивают!..

— Три рубля билет в баню стоит, а я не пожадничал, урвал из семейного бюджета... — быстренько выпалил заяц Обшмыга. — А теперь оказывается, от меня дурно пахнет!.. вонючкой обозвали!..

— Братцы дорогие, доколе нам терпеть унижения и поношения от всяческой — простите за откровенность — вшивенькой интеллигенции? — прорычал Кулаков-Чудасов, воздел лапы к небу и, словно не сдержав душевного надлома, уронил их, так и не дождавшись небесной милости. — Братцы дорогие, здесь нами решительно пренебрегают!! Тщета и лицемерие царит в этом доме!! Отсюда нас решительно гонят прочь!!

— До чего же омерзительные существа живут на свете, Владимир Владимирович... упразднить бы их... разукомплектовать!!

— Надо же, что в мире творится, братцы... — покачал головой Гукнула. — Я и про возможность такого невозможного отношения к себе предположить не мог... коварство-то, ох коварство!!

— Как начнут о правах человека разглагольствовать, так сразу только о себе, о любименьких, вспомнят, а до других им дела нет!.. — бросил волк Шершавый.

— Да мы сами сейчас пренебрежём всеми этими пренебрежителями! Ты только укажи нам на них, Владимир Владимирович, мажь врага наотмашь!..

— Вот кто нами пренебрегает. — Кулаков-Чудасов тыкнул пальцем в меня, а затем в Ногу. — Вот от кого нам приходится претерпевать поношения.

— Тогда я посылаю к чёрту все свои прошлые деликатности!! — завопил волк Шершавый. — Если нами столь безжалостно пренебрегают, то я отказываюсь брать ответственность за свои поступки в состоянии аффекта! Я настаиваю на незамедлительном претворении КАРАЧУНА!..

Кулаков-Чудасов едва удержал Шершавого, скорбно проповедуя:

— Молчи, друг, молчи... и вы, братцы, пока помолчите, скулы-то не сводите в тяготах заклятия... Мы не из тех бездушных злодеев, которые ищут себе повод поглумиться, ради мести, или творят зло исключительно ради самого зла. Мы достоверно классифицируемся охотниками и — кстати говоря — санитарями леса, как недавно об этом было очень точно упомянуто. А уж КАРАЧУН в свете подобной санитарии и вовсе выставляется чем-то основательно-обязательным!.. Тот факт, что мы до сих пор никого не сожрали в этом доме, делает нам честь. Ни в коей мере не заслуженную, если б мы были заурядными бандитами. Но мы исходим из неких принципов, мы всего-то хотим, чтоб нас любили, и тогда мы тоже начнём всех любить.

Кулаков-Чудасов встал на задние лапы, вплотную приблизил свою пасть к моему уху и произнёс:

— Полюбите нас так, чтоб и мы полюбили.

Я невольно чертыхнулся ухмылкой. Едва заметной кривой ухмылкой, которой и сам был совершенно не рад.

— Этот парень однозначно вас не полюбит. — ляпнул заяц Обшмыга. — Презирает, сукин сын.

— Да?? — с особым пристрастием уставился на меня Кулаков-Чудасов.

— Отчего же... — я попытался примирительно улыбнуться. — Я всех люблю...

— Всех ли? — засомневался волк.

— В-всех... непременно...

— И Шершавого, и Обшмыгу, и всех-всех-всех??

— К-конечно же всех Обшмыг любить невозможно, да и не нужно... н-но я наверняка люблю всех... н-наверное...

— Редкостное состояние души! — обрадовался Кулаков-Чудасов. — Вот меня ты точно любишь, Филушка, ты ничего не путаешь?

— К-конечно... н-непременно...

— Ты слишком торопишься с ответом, а не следует торопиться отвечать на столь принципиальный вопрос. Ты сейчас должен быть максимально искренен, потому что сейчас это слишком важно для тебя... Итак, ты меня любишь, признаёшься в непеременимости этой любви, но... но может быть ты меня любишь как-нибудь аллегорически, с художественным возобладанием желаемого над действительностью?.. это вполне естественно для творческого человека — тут нечего стесняться... Итак?

— К-конечно... не аллегорически... — безвкусно виноватая улыбочка выползла на моём лице и застыла намеренно придурковато. — Владимир Владимирович, я вас действительно люблю.

— Сейчас расцелуются! — расхохотался заяц Обшмыга.

— Цыц! — рассердился Кулаков-Чудасов. — Я сейчас тебя расцелую, пенёк ушастый, и это будет для тебя прощальный поцелуй.

Обшмыга юркнул поближе к двери.

— К-конечно, мы не будем целоваться. — пушисто зарделся я. — Удивительные глупости с этими поцелуями зачастую случаются... но вот, если пригласить вас к столу, то я не против, например, и думаю, что хозяйка не откажется пригласить вас к столу, по здравому-то разумению... а, Нога?.. мы тут славно почаёвничали вдвоём, а теперь можем почаёвничать все вместе, сахару-то для чая на всех хватит... хотя, лично я предпочитаю без сахара, но иногда можно и с сахаром, с конфеткой тоже можно иногда для разнообразия, в созидании скромного удовольствия... ведь кто как предпочитает чай пить — кто с конфеткой, кто без конфетки, кому вишнёвого варенья подавай... а, Нога?.. найдётся ли у вас баночка варенья?.. честное слово, пора гостей и за стол пригласить, угощать чем Бог послал...

— Вы это вот пили? — Кулаков-Чудасов необыкновенно ловко ухватил мою кружку, отпил глоток из неё, заботливо пробултыхал им в пасти и выплюнул обратно. — Нет, этой дряни хоть бочку выпей — не опьянеешь!

Волки с удовольствием рассмеялись.

— А вы напрасно смеётесь, братцы. — заявил Кулаков-Чудасов. — Здешний чай отчасти недурён. Чутьочку пресноват — если говорить об объективности ради — но я поддерживаю мысль Филушки о том, что «у всякого свой вкус и свои предпочтения, у кого-

то в одном месте слипается, а у кого-то, напротив, одно место разверзается и изобильно хлещет»!.. Ты ведь именно это нам выговорил в укор, Филушка? Именно такими противоестественными пакостями ты вздумал нас попенять?.. Ну, что ты там ещё бормочешь, бедолага?..

— Я, если п-признаться, не очень умею угождать. — сбивчиво и полушёпотом замямлил я. — И не очень умею говорить красивыми словами о красивых вещах, тем более, что на всех не угодишь, а мне кажется, что и нет необходимости угождать кому-то отдельно, в конкретной удалённости от коллектива, к тому же вовсе не стоит лезть к кому попало с поцелуем, не разобравшись должным образом в своих предпочтениях...

— Я не понял про поцелуи.

— Я в смысле ценности любви, как явления мирового масштаба, а не частных предпочтений.

— Эх, братцы! кто чего предпочитает — а я люблю подурачиться! — Кулаков-Чудасов повилял хвостом и, под истеричный хохот волков, поразительно метко помочился в мою кружку с чаем. Затем взял и перевернул кружку, чтоб вся эта мерзость потекла ко мне на колени.

Волчьей истерике, казалось, не было предела.

Тот, кто не боится самого себя, тот вряд ли боится и кого иного. Но это правило, кажется, не про меня. Внизу живота у меня призывно заныло, а в висках застучало, словно быстрыми ударами молоточка по ксилофону.

— Фу-у!! — завывали в приступе смеха волки. — Шалишь, дядя Вова!.. На такие-то предпочтения и все мы горазды! Нам не привыкать ссаться где ни попадя!..

— Проклятые хулиганы! — зловеще прорычала Нога. — Теперь берегитесь!! Вам-таки достанется на орехи!!

— Орехи!! — схватился за животик заяц Обшмыга. — Ой, какая чушь!!

— Почему вы не желаете правильно постигнуть суть событий? — я дрожал и мучился, поскольку сознание заполонила беспощадная гнетущая трусость. — Только что мы говорили о любви, и я сказал, что люблю вас, люблю сразу всю стаю, но вы, возможно, не расслышали меня или недопоняли, отчего возникла ситуация лёгкого недоразумения... здесь такой шум стоит, такой заразительный хохот, что и немудрено не расслышать, а я, к сожалению, негромко произнёс своё признание, в этом смысле я конечно смалодушничал... что ж, это моя вина, я не собираюсь снимать с себя ответственности за то, что я негромко произнёс, а вы не расслышали, и я отчасти каюсь за свою вину, прошу у вас всех прощения, и готов повторить это признание в любви ещё раз...

— Врёшь!! — отрезал Кулаков-Чудасов.

— П-почему обязательно мне врать? Разве я не могу испытывать нормальных человеческих чувств, и разве невозможно их испытывать ко мне?..

— Врёшь!!

— Но я могу даже поклясться, что не вру!.. у меня есть свои принципы и святыни, и я — если хотите — могу поклясться ими... главное, чтоб все остались живы и здоровы...

— Врёшь!! — Кулаков-Чудасов произвёл выпад когтистой лапы к моему горлу и щёлкнул зубами: — Ам!!!

Волк точно рассчитал удар: лапа застыла в ничтожном расстоянии от горла. И это было для меня совсем непереносимо, это лишило меня всяческого права на существование, на тщеславие, на великое звание человека, который, по сути дела, перестал быть царём природы, а оказался всего лишь мешком с костями и требухой. Я бессильно обмяк и повалился на пол, к ногам волка.

— Что, Владимир Владимирович, комедия закончилась? — спросил облизнувшийся Шершавый.

— Да, Шершавый, комедия закончилась, впрочем, не для всех она и была комедией. Приготовься, Филушка, сейчас мы тебя будем жрать!.. Сам разденешься перед смертью или тебе помочь?

Я безмолвно дрожал и сжимался в комок.

— Филушка — мой гость, а в моём доме никто не будет съеден без моего веления! — отчеканила Нога. — Жрите кого угодно и где угодно, но не в моём доме!.. Я ясно изъясняюсь?

— Как ты намереваешься нам помешать, Нога? — ухмыльнулся Кулаков-Чудасов. — Прости, голубушка, но это невозможно, и если ты объективно рассмотришь наши потенциалы, то быстро сообразишь, кто теперь здесь хозяин. Кстати, учти (если при

сравнении потенциалов, ты улетишь в фантастические дебри и не вернёшься), что, если мы не насытимся Филушкой, то сожрём и тебя. А мы, скорей всего, им не насытимся.

— Или вы сейчас же убираетесь вон из моего дома... — пригрозила волкам Нога. — Или я вас всех уничтожу, и плевать мне на ваши доморощенные потенциалы!!

Стая волков суетливо развеселилась.

— Фу-ты ну-ты — ноги гнуты!

— Кочерга-то ишь чего вздумала: плевать на потенциалы!

— Тётенька, зачем вы нас пугаете? Как же вы не сообразите, что вы совсем-совсем не страшная? — с горьким сожалением обратился к Ноге самый маленький и чванливый волчишка Пёсик. — Нам-то на ваши угрозы — хоть бы хны. Нас очень много, и мы зубасты.

— Ох ты чудь лесная!! — с сожалением процедил волк Гукнула.

— Интересно наблюдать, — сообщил Кулаков-Чудасов. — как эти господа, находящиеся на краю гибели, продолжают грозить нам и оскорблять. В их мозгах настолько крепко засела дивная мысль о собственном превосходстве, что нам делается принципиально необходимым их сожрать. Тем самым, в свою пользу, разрешая конфликтную ситуацию и преподнося должный урок потомкам... у нас просто нет другого выбора... Филушка, вот ты, как своеобразно интеллигентный человек, ты чем объяснишь дурацкую форму поведения Ноги?

— Что значит — дурацкую? — прошипела Нога.

— А то и значит, милочка, что ты — форменная дурёха, и иначе я не могу тебя оценить после услышанных здесь нелепостей.

— Я не ослышалась: ты назвал меня дурёхой??

— Извини, но это так. — воскликнул Кулаков-Чудасов. — И ещё раз извини, но этот факт будет волновать тебя недолго, поскольку на том свете — если он, конечно, существует — нет ни умников, ни дураков, а есть всеобщее равенство и вера в то, что «отольются кошке мышьины слёзки».

— Ты не имеешь никакого права называть меня дурёхой!

— Хорошо, Нога, я не желаю дальше спорить на эту тему, пускай всякий останется при своём мнении. Моему желудку, знаешь ли, безразлично кого переваривать — дур или не дур — фортеля насыщенности и процент калорий образуются со всех почти одинаково... Хотя, я не перестану утверждать, что ты была невероятной дурёхой!

— Но я не дурёха!!

— Расскажи это на том свете своей бабушке.

— Я не дурёха!!

Волки добросовестно хохотали. А я жалобно присмотрелся к Ноге, желая как-нибудь образумить её и предостеречь от окончательного обострения конфликта, как вдруг понял, что сейчас начнётся нечто неожиданное. Что Нога призовет своих НЕВИДИМЫХ ПОМОЩНИКОВ, дабы они спасли наши жизни и перевели стрелки отъявленного КАРАЧУНА на тех, кто недопустимо лихо решил им распоряжаться.

— А вот покажем этим мразям, кто тут прав и силён!! — отчётливо чеканя слова обратилась Нога сначала к НЕВИДИМЫМ ПОМОЩНИКАМ, а затем позвала кого-то конкретно: — Максим Ильич, пора овец стричь!!

— Какой ещё Максим Ильич?? — хихикнул заяц Обшмыга.

— Любовника под диваном прячешь? — хмыкнул Кулаков-Чудасов.

И тут небольшой станковый пулемёт — истинный Максим Ильич — разрушая в

кладовке кучи хозяйственного скарба, вырвался на середину комнаты и артистично, чумазо улыбаясь, щёлкнул затвором. Руководимый силой волшебства, которого столь много оказалось в доме Ноги, он повёл прицелом по съёжившимся от страха волкам и сделал два-три ёмких пробных выстрела. Звук пуль, чеканно царапающих стену, ему явно пришёлся по нраву. Пулемётная лента была забита до отказа.

— Огонь...Пли!! — скомандовала Нога.

Короткие пулемётные очереди тут же поспешили вырваться из застоявшегося механизма, суховато повизгивая и одержимо впиваясь в жилистые тела волков. Подстреленные, извивающиеся от боли, звери падали на пол, проклиная неразумного вожака и взывая о какой-то непонятной помощи, наличие которой в доме Ноги осуществить было уже никак невозможно. Кто-то, падая на колени, умолял о прощении, вопил о понятии благородства победителей, но Максим Ильич, цепко влюблённый в свой отлаженный труд, не прислушивался к воплям убиваемых, не проникался потусторонним утробным лепетом, а с ловкой методичностью продолжал расстрел. Механизм его работал плавно, отлаженно и чуть почавкивая, словно винты мясорубки.

Не приведись вам случай наблюдать, как елозит по маленькой комнатке окровавленный сгусток воющего зверья!.. пусть никогда не донесётся до вашего уха эта мятущаяся, раскромсанная мелодия возмездия!.. свирепый животный ляг!.. клокотанье деструктивной кулинарии!.. полное подчинение остатков мучительной жизни удушающему внутреннему вакууму, вклеенному в остановившийся кадр смертельного взрыва!.. Доски, из которых был сколочен пол комнаты, захлёбывались от крови. Осколки оконных стёкол и посуды летали по дому не хуже остромордых пуль, добывая раненных и окончательно изуевичая мёртвых.

Я и Нога нашли прибежище за поваленным столом, защищающим нас от пуль не хуже бронежилета. Слишком шустрых волков, которые пытались залезть к нам, в поисках защиты, мы безжалостно отпихивали. К тому же, я вооружился чайником и пару раз крепко заехал по уныло-бледным расцарапанным рожам. Помятый, запачканный кровью чайник потирал ушибленные бока, но удовольствие от участия в сражении поглощало его сильнее, нежели мысль о неминуемой теперь отправке на помойку. Очень быстро стрельба пулемёта завершилась, и из врагов оставались в живых лишь прыткий заяц Обшмыга и главарь стаи Кулаков-Чудасов. Несмотря на то, что волк заполучил несколько обжигающих ранений, он не потерял упорства. Всякое в жизни доводилось ему испытывать, получал он удары и от охотничьих капканов, и от берданок с дымным порохом. Максим Ильич на несколько мгновений притих, словно очерчивая полукруг неизбежности, а затем спешно перезарядился, при поддержке НЕВИДИМЫХ ПОМОЩНИКОВ, и ударил длинной брызжущей очередью в зайца.

Подстреленный Обшмыга прыгнул к окну, выкрикивая естественную в его случае хныкающую «мать-перемать», перекувырнулся в воздухе и истерзано-мёртвым комком упал на грудь Кулакова-Чудасова, что и защитило волка от настырных пуль.

— Какая же ты живучая сволочь! — не на шутку рассердился Максим Ильич, выпуская целую обойму в зайца, которым, словно щитом прикрывался Кулаков-Чудасов.

— Филушка! — вдруг молитвенно воскликнул волк. — Если не я, так Абракадабр тебя достанет и живым на куски разорвёт!.. Спроси-ка у своего дружка — у Толика Шикльгрубера — как его на части разорвало!.. Уж лучше было бы, чтоб я тебя по-быстренькому съел! прикажи прекратить пальбу! отпусти меня с миром!..

— Да кой ляд тут ещё Филушка будет распоряжаться? — щёлкнул возвратной пружиной

Максим Ильич. — Хрень вы нам тут несёте, дорогой Владимир Владимирович, совсем от страха с ума спятили!.. А ведь вас предупреждали, что не надо людям жизнь поганить?.. Что сами умрёте, как собака?.. Предупреждали!!

Воспользовавшись бранчивой заминкой пулемёта, Кулаков-Чудасов швырнул труп Обшмыги угасающей параболой в пулемётное дуло, а сам резко выпрыгнул в окно. Но в нескольких метрах от дома смерть настигла-таки волка. Полусотня пуль с болезненным рвением изрешетила его тело, а Максим Ильич, облегчённо вздохнув, с чувством прекрасно выполненного долга, убрался к себе, в кладовку.

— Да разве было такое, чтоб я сволочам спуску не давал? — проворчал он напоследок. — Если меня разозлить хорошенько, я тут полстраны перестреляю... Вот помнится с прапорщиком Удушенко мы в одном полку служили — славное было времечко!..

И устало затих, припоминая былые годы.

— Ко многому я привычна, но сейчас мне немножко не по себе. — с трудом произнесла Нога, оценивая обстановку. — А у вас всё в порядке, Филушка?

— Да... — что-то такое сбормотнул я. — Ухо почему-то чешется?..

— Позвольте взглянуть, не зацепило ли вас случайно пулей... Да нет, всё в порядке.

— Да... в порядке... в совершенном порядке... вот выпить бы чего-нибудь не помешало...

— Чего-нибудь покрепче?

— Да... совершенно покрепче... Неужели это всё случилось на моих глазах?.. Неужели они все сдохли?..

— Кажется, все мертвы. Добивать не будем — сами помрут.

— Да... сами... Неужели такое могло случиться по правде?..

Неужели я всё ещё жив??

ПЛЮНУТЬ И ПОЗАБЫТЬ

— Надеюсь, все неприятности на сегодня закончились или прикажите ещё чего-нибудь ожидать? — я вылез из своего укрытия, угрюмо разглядывая погром после боя. — Никто не захочет прийти в гости с намерением нас сожрать?

— Нет, все, у кого имелись такие намерения, безоговорочно мертвы. — заверила Нога. — Я и сама удивляюсь, что такое накатило на Кулакова-Чудасова. Вроде никогда своих не трогал. Может, полнолуние виновато?.. Как вы думаете, Филушка?..

— Позвольте, я пока ни о чём таком думать не буду... как-то мне не по себе...

— Понимаю, всё прекрасно понимаю... сейчас мы очистим дом от скверны, наведём опрятность и вновь за стол усядемся... теперь мы сами, кого захотим — того и сожрём... — бодро отшутилась Нога.

— У меня аппетит вроде пропал, глядя на это всё. — я осторожно дотронулся пальцем до ближайшего трупа. — Не шевелится гад.

— А вы пните по нему хорошенько, и если он дёрнется напоследок — значит механическая физиология реагирует!..

— Если только для самоутверждения пнуть. — я действительно носком ботинка пихнул волчий труп и сразу отошёл в сторону. — Нет, не шевелится... Как это странно получилось в ваших краях: целая стая говорящих волков!.. И не сказать, что туповаты.

— Если только некоторые туповаты. — заметила Нога. — На картину, в целом, это не повлияло.

— А этот ваш Кулаков-Чудасов упомянул про Толика Шикльгрубера — я понять не могу, откуда он про него знает?? Это кажется невозможным.

— А кто такой Толик Шикльгрубера?

— Мой бывший одноклассник. Учились ещё до войны. Затем он в науку подался, вроде многого добился. Мне недавно рассказывали, что он погиб, во время опыта в секретной лаборатории. Вроде бы его разорвало на части. Практически насмерть. Он умер в больнице. И невозможно, чтоб какой-то волк из глухомани знал, что происходит в наших секретных лабораториях.

— Да, может, просто ляпнул сдуру, оно и совпало. — ничуть не удивилась Нога. — Каких только совпадений не бывает в жизни.

— Ну да... наверное, да...

— И ещё вот что хочу вам сказать, Филушка, вы слишком бледны, а — честнее сказать — немного и зелены, какой-то огурцовой зеленью отдаёт ваш цвет лица... не пригодятся ли вам капли для успокоения нервов?

— Капли?.. а, наверное, и пригодятся, я не могу знать доподлинно потребности своего организма после пережитого... — ласково замямлил я. — Спасибо за заботу, Нога, и конечно мне не надо капель, вот водочки бы...

— И правильно, что отказываетесь от капель. Мне сразу показалось, что они халтурного производства, видно, мне их жулики в аптеке подсунули, а чего на самом деле надо — того не подсунули... Ох, как надоел мне этот бардак!.. Порядок-то в доме будет наведён, НЕВИДИМЫЕ ПОМОЩНИКИ?.. Или мне самой прикажите за метлу браться?.. Ну-ка: аты-баты, аты-баты!..

Чистота и порядок воцарились в доме за считанные минуты, со скоростью, которая

сродни весёлым мультяшным вакханалиям. Шустрые НЕВИДИМЫЕ ПОМОЩНИКИ лови подцепляли трупы волков на железные крюки и утаскивали из дома прочь. Нога заверила меня, что в лесных дебрях имеется крематорий, который превратит трупы в груды пепла, без всякого вреда окружающей среде. Оказывается, местный самородок-крематор и анестезиолог Погожий Хлороформ на паях с братцем Дышите-не-Дышите как раз давеча открыли красивый, приветливый крематорий, куда заманивали клиентов дешёвизной услуг с комфортом пребывания: ритуальный зал, буфет, кабинет психотерапевта, сауна и солярий.

Пулевые щели в доме Ноги, покоцанная мебель, побитые безделушки, разбитые окна и расколотая посуда — всё очень быстро склеивалось НЕВИДИМЫМИ ПОМОЩНИКАМ. починалось, залатывалось, срасталось. Перфораторы заготавливали десятки дырочек для заботливых шурупов, эпоксидная эмаль неуёмно носилась от одной трещины к другой, светодиодные интерьерные светильники заменяли собой устаревшие электролампочки, раздухарившиеся краскопульты и аэрографы придавали домику новые нарядные цвета с изумительными ромашками вразброс по потолку. Мусор вывозился на тачках до ближайшей свалки. Трудолюбиво взлохмаченные веники, швабры и тряпки безудержно летали по домику, отмывая пол от кроваво-липкой грязи, а чистые, поблёскивающие лёгкими лужицами, половые доски благодарно поскрипывали, доверчиво перешёптываясь друг с дружкой: страсти-то экие пережили! не дай Господи кому такое пережить!.. В доме запахло свежестью мороженого — простенького, без лишних добавок, вроде пломбира в вафельном стаканчике.

— Столько крови пролито! столько вынужденной жестокости, которой можно было бы и избежать! — благополучно утешался я. — Надо признаться, Нога, что если бы не ваш пулемёт Максим Ильич, то дождались бы нас загробные тенета во всём своём печальном моционе... столько крови пролилось, столько крови!.. Впрочем, так всегда и бывает, когда одни безрассудно нападают, а другие вынуждены умело защищаться.

— Не мы первые начали, с нас и спроса нет. — заверила Нога. — Давайте, Филушка, постараемся забыть это крайне неприятное происшествие. Давайте опять приступим к чаепитию. Чая у меня предостаточно, заваривай хоть до самого утра.

— Это мило с вашей стороны, Нога, предложить мне продолжить чаепитие, но необычным ракурсом выпячивается, извините, эта ваша инициатива... у вас житейская хватка настолько сильна, что можно позавидовать... причём схватываете вы всё себе на пользу, не имея рук и ног... одним умственным темпераментом порядок вершите, приспособив к нему силу волшебства...

— Не понимаю, о чём это вы?

— Да и я не понимаю, как нам теперь продолжать чаёвничать, уважаемая Нога?.. Буквально на наших глазах, ухлопано впечатляющее количество живых существ, комнату едва успели отмыть от крови, а мы теперь приступим спокойно чаёк попивать?.. Может, вы меня попросите смешной стишок рассказать или песенку спеть о незадачливых покойниках, чтоб веселее кушалось?.. Как-то это всё у меня в уме не укладывается, я человек старой закваски, хоть и с рокенрольно-алкогольным душком.

— Вы очень мнительны, Филушка, а мнительность — это иная сторона трусости. С этой проблемой требуется либо бороться, либо она превратится в патологию и будет бороться против вас. Почему бы нам и не попивать чаёк, беспечно позабыв о всех невзгодах, если в любом случае — рано или поздно — мы о них позабудем?.. Не навсегда же в вас заселилось отторжение от чая, вызванное какими-то там трупами??

— Это не отторжение от чая, это более глубокий процесс внутреннего переживания... я незамедлительно готов усесться за стол и выхлебать несколько литров чаю, но... кощунственность!.. не пребудет ли она со мной в каждом выпитом глотке и съеденном куске?.. Что вы на это скажите?

— Да плюньте и позабудьте! Я сто раз так отвечала себе на тревожные вопросы.

— Плюнуть и позабыть?

— Ну да! Всё, что с нами произошло за этот час следует немедленно позабыть. Давайте вообразим себе, что не видели никаких волков, что слыхом о них не слыхивали и понятия не имеем ни о каких трупах. А Максима Ильича я вам продемонстрировала просто так, развлечения ради. Да он и поломанный совсем — Максим-то Ильич — я вам две гайки, отвинченных с него, показывала... неужели не помните?

— Не помню!

— Ну, значит позабыли!.. Видите, как легко можно позабыть про всё на свете?

— Вижу. — улыбнулся я. — Вот как вы ловко оперируете упрощённой феноменологией сознания. Что ж, я готов позабыть про кровавое месиво, но мне надо помочь отвлечься, меня надо как-нибудь разрядить и расслабить... говорят, в таких случаях алкоголь помогает... не знаю, может имеет смысл попробовать... выпить, плюнуть и забыть...

— Сейчас спокойненько всё разрядим. Садитесь за стол, Филушка, хлебайте чай без всякого смущения и веселитесь. За каких-нибудь пятнадцать-двадцать минут вы всё перезабудете. Маму родную позабудете, хотя это, конечно, слишком. Ну, это я просто так сказала, для примера.

Я уселся на свежесколоченный стул и принялся смущённо прихлёбывать из кружки.

— Ну... ну... ну... — ненавязчиво бурчала Нога. — Ну... вы хоть чего-нибудь забыли?

— Кажется, да... — я пробежался мысленно по градостроительным комплексам памяти, и, действительно, обнаружил много провалов и руин. — Я вот с одной девочкой в детском саду дружил, а теперь напрочь забыл её имя... странно очень...

— Напротив, это очень хорошо! Продолжайте забывать дальше!.. Забывайте волков — на них сосредоточьтесь всей своей забывчивостью!

— Да-да, я сосредоточился... я так ясно начинаю их забывать... каждого по отдельности забываю и всех вместе...

— Ну же! Налегайте! Будьте решительней!.. Как звали ихнего вожака? Кажется, Кулаков-Чудасов?..

— Кажется, да.

— Немедленно забудьте!

Я помялся несколько секунд и забыл.

— К чёртовой матери их всех позабудьте, и саму чёртову мать засуньте туда же!.. Есть проблемы, Филушка, расставаться с которыми так же легко, как встречаться с ними нос-к носу!!

Я напрягся изо всех сил и забыл ещё несколько неприятных волчьих морд.

— Жми, Филушка!.. ну... ну... не останавливайтесь на достигнутом... крушите там у себя в парадном подъезде всё направо и налево, бейтесь за своё моральное выздоровление изо всех сил!.. ну!.. Филушка!.. теперь-то, надеюсь, вы всё позабыли?

— Да, действительно, мы теперь всё позабыли... — улыбнулся я, прибулькивая чаем и почёсывая затылок. — Мы теперь набрались столько самозабвенного мужества, что нам выходит море по колено и хоть трава не расти — этак-то мы ничегошеньки не помним!!

— Ну так: ура!! — кажется, вполне искренне обрадовалась моей удаче Нога.

— И девочку из детского сада, и Кулакова-Чудасова... ничего теперь не помню, ни малейшего даже звонка в памяти!..

— Вот-вот, так и должно быть. — поддержала меня Нога. — Сидим целый час за столом, чай гоняем, в ус не дуем, разговоры занимательные перетряхиваем... Вы здесь каких-нибудь волков видали, Филушка?

— Да нет, не видали. — пробежался я глазами по углам.

— И не видали и не слышали, и никто нам про них не говорил, и у нас самих интересных рассказней по горло... так ведь, Филушка?

— Так.

— На чём мы давеча остановились?.. Вы, Филушка, помните обещали мне рассказать забавный случай из собственной жизни?

— Я обещал??

— Ну да! Ещё до того, как мы успели всё позабыть, вы у меня деловито спросили: «Интересно ли вам знать, дескать, с какой Марьей Гавриловной я на днях прогуливался, за ручки взявшись, и чем это пикантный променад закончился?»

— Это я у вас спросил??

— Конечно вы, кто же ещё... А я вам говорю: «Ваших Марь Гавриловн мы не знаем, а вот наших и знать не хотим, ибо сплетницы и надоеды!» А вы глаза от удивления вылупили и заахали: «Ах, дескать, по всему свету от Марь Гавриловн отбою нет! Про вашу, впрочем, ничего дурного сообщить не могу, а про свою такое расскажу, что обхохочетесь!»

— Я глаза вылупил?? — абсолютно ничего из рассказанного Ногой, не смог припомнить я.

— Ну да, кто же ещё... А я говорю, дескать, что когда наша Марья Гавриловна решится ко мне в гости зайти, то я её и на порог не пущу, поскольку всю семейку её на перечёт знаю: мал мала хуже!.. Как говорится в народе: яблонька от яблока не далеко падает... или как там в народе говорят?..

Я не помнил.

— Ну, в общем, вы со мной согласились про яблоньку и сказали, что процесс воспитания в некоторых семьях оставляет желать лучшего, а общественность должна всё это расхлёбывать.

— Это всё вы мне прямо так и сказали, а я вам сказал до того, как мы всё успели позабыть?

— Именно так. Вы мне ещё говорили с таким прочувственным сожаленьем, слегка поразмыслив: «Да что, дескать, эта ваша яблонька! эта ваша яблонька — пшик! а ежели в вашей Марье Гавриловне здоровенный белковый идиотизм развивается, то следует надавать ей взбучки и отпустить с миром! жаль, что у нас на это времени нет!» А я говорю: вот именно.

— Слушайте, Нога, а мы оказывается умно поговорили, пока нам не пришлось всё позабыть!..

— Ну да, я сразу поспешила отметить ваш бойкий ум. Спросила, где вы учились, а вы сказали, что вас жизнь всему научила...

И не успел я справиться с изумлением, переварившим воспоминания Ноги, как в дверь домика вновь громко постучали!.. Меньше всего мы сейчас ожидали стука в дверь, хотя и договорились позабыть о волках, позабыть о том, что их ужасный визит начался с такого же

настырного стука. Я оторопело пялился на Ногу, Нога ответно замерла. Стук в двери повторился.

— Так, давайте не будем нервничать, на этот раз не случится ничего плохого. — Быстренько опомнилась и зарделась смущённо Нога. — Уверяю вас, что сейчас к нам пришли те самые гости, которых я ждала весь вечер. Только они чуточку запоздали.

— Гости ли? — шёпотом запыхтел я. — Вон в прошлый раз какие гости пришли — чуть не сожрали. Мы их только-только успели позабыть.

— Тех мы забыли, а эти пришли — и очень хорошо! Раз на раз не приходится!..

— Нога, голубушка, не открывайте дверь! — взмолился я. — Или спросите погромче: кто там?.. вспомните, как вы меня за дверью мурыжили: кто там да зачем там!..

— Сейчас не надо ни о чём спрашивать. — упёрлась Нога (упрямое и бестолковое всё-таки существо, на Максима Ильича я лишь и возлагаю теперь свои надежды). — Я полна уверенности в добрых помыслах своих гостей, причём они не только ко мне в гости заходят, но иногда и к другим замечательным людям, и до сих пор на них никто не жаловался.

— О-ох, Нога!.. Вы не представляете себе, как я волнуюсь!..

— Потому что вы всё ещё не так плюнули и позабыли обо всём неприятном, как того мне хотелось. Вам бы ещё поучиться плевать и забывать.

— Я старался, как мог.... Не открывайте, пожалуйста, дверь. Там может быть кто угодно.

— Пускай, Кто Угодно. Я и Кому Угодно буду рада.

— Позвольте, я хоть ножик в руки возьму?.. Побольше который.

— Да пустяки это. Нет у меня больших ножей.

— Ну да, нет... — спешно осмотрел я заново сервированный стол и кухонную утварь.

В дверь застучали сильнее и настойчивей. Рукомойник в прихожей жалобно звякнул. Кто же там, за этой дверью?..

— Гости пришли!! — радовалась Нога. — Самые настоящие и долгожданные!!

— Нет, Нога, будьте крайне осторожны! Не ошибиться бы и на этот раз! — упорствовал я. — Наверняка, это ещё какие-нибудь волки — соседи тех волков, которых мы поубивали. Они нам отомстить задумали. Надо же кому-то собраться с силами, чтоб пойти отомстить за друзей своих!

— Слыхом не слыхивала ни про каких соседних волков. Вы уж, Филушка, извините, но заговариваться стали.

— Вы про них не слыхивали, потому что они могут оказаться не совсем волками, а кем-нибудь похуже волков... оборотнями, например... сегодня они кажутся волками, а во все остальные дни — медведи психические!!

— Какие ещё медведи психические??

— А такие! — я убедительно принялся размахивать руками, показывая какими могут быть огромными и угрюмыми психические медведи. — Пришли к себе в берлогу, а заняться нечем — жена одна на двоих, и завсегда предпочтенье отдаёт кому-нибудь на стороне — вот они оборотились в волков, схватили топоры и побежали сюда, чтоб поразвлечься.

— А у нас пулемёт!

— Про достоинства Максима Ильича я не спорю. Я очень даже доволен вашим пулемётом, но медведи, которые намерены отомстить за волков, совершенно психические!.. — я с особым упорством напирал на неменяемость гостей, стучащих в дверь. — Они прихватили с собой тысячу пулемётов и пушек, а в стратегических планах — на форс-мажорные обстоятельства — наличествует и танковый прорыв Абракадабра!.. Конечно, в это трудно поверить, но бдительность на всякий случай ещё никому не помешала!!

— Даже Абракадабра приплели. — хихикнула Нога. — Абракадабр-то к Каспийскому морю прорывается десятый год, там для него запасы нефти и дружественные нации. А в наших пенатах Абракадабру щей не сварить. Уж будьте на сей раз спокойны, Филушка, ко мне друзья пришли, и кажется, им надоедает стучать в дверь. Минут пять, надо думать, прошло, а они всё стучат и стучат.

— Либо дупеля, либо пуделя! либо в утку хлоп, либо себе в лоб!.. — отчаянно я дополнил картину своего благоразумия.

— В конечном счёте, все мы смертны. — напомнила мне Нога и попросила НЕВИДИМЫХ ПОМОЩНИКОВ отпереть дверь, чтоб пропустить гостей в дом.

Очень придирчиво я пригляделся к тому существу, которое первым вошло в комнату. Отчасти привыкнув к лесным каверзам, я ожидал увидеть нечто абсурдное, но не лишённое правдоподобия. Новоявленный персонаж мне представился совсем нелепым. Это были натуральные Ослиные Уши!.. Два вполне подвижных Уха, казарменно-сероватого цвета, на который украдкой посягнула старческая седина. Отчётливо виднелись сконфуженные пятнышки залысин. Характер они имели явно нагловатый и саркастичный, видно, привыкли быть бесцеремонными. Передвигались Ослиные Уши при помощи двух пар куриных лапок — на каждое Ухо по паре — и никогда не застывали в одной позе надолго. Правое Ухо не имело видимого физического сцепления с Левым: они оба существовали как бы отдельно друг от друга, но единым полноценным организмом (насколько это возможно для ушей),

единой личностью.

— Здрасьте-мордастье! — воскликнули Ослиные Уши с приятельским ёрничаем. — Целый час в дверь ломимся, упыхались... Оглохла что ли, подруга?

— Да тут такое с нами случилось! такое! — засуетилась Нога.

— Юла. — строго прицыкнули Ослиные Уши. — Если не оглохла, так и не юли без повода, юла! Два часа гостей за дверью держать — разум-то в каком месте затеряла?..

— Ушки! ушечки!..

— Пойди отыщи разум и вернись обратно, милочка ненаглядная! мы ведь чисто по-приятельски зашли на огонёк, по сердечному расположению к тёплой дружеской беседе, да, верно, или мы тебе не в радость, или кому-нибудь обедню испортим, воспрепятствуем чаю распивать с мармеладными подушечками...

Ослиные Уши владели голосом артистично-ленивым, хорошо поставленным, упирающим на протяжные гласные звуки.

— Здрасьте! — неожиданно и с задиристой лукавинкой обратились ко мне Ослиные Уши.

— Здрасьте, коли не шутите. — поспешил я ответить, деликатно робея.

— То-то и оно, что не шутим. От нашего сердечного расположения никто не увернётся, даже пуще того: хватай, пока оно само в руки лезет! не до жиру, быть бы живу!..

— Здравствуйте, Ушки! здравствуйте, родные! — мелким бисером слов рассыпалась Нога. — Всякий раз смотрю на вас и не налюбуюсь: вот, думаю, кому от счастья далеко не уйти, вот кто хорошеет с каждым днём!..

— Не каркай, ворона! чего раскаркалась?

— Не буду, не буду, не буду...

— Для лесты-то много ума не требуется, а вот чего в ремонтных мастерских нам скажут, — Ослиные Уши указали куриным перстом на потолок. — так это, будь добра, запомни накрепко, а ещё лучше — у себя на лбу запиши!.. От старости не убежишь — ты от неё, а она от тебя — и одиночество уже котомку собрало, и бредёт где-то потихоньку-полегоньку, уже знает, чья песенка спета... Такие вот дела, милочка моя ненаглядная.

— Ну, напраслину возводите, вы вовсе не одиноки.

— Как перст!!

— Ну, что за перст? вспомнили ещё про перст какой-то!..

— Как перст одиноки! — с грустноватой лёгкостью отчеканили Ослиные Уши. — Приятели-то лишь за праздничным столом приятельствуют, а без особой нужды никто на огонёк не заглянет. Иного подлеца хоть и схватишь за шкуру, затащишь на диван: сядь, дескать, посиди и послушай, что тебе умные люди говорят!.. Так ведь сядет — подлец — посидит часок-другой, послушает, а затем пальцем у виска подкрутит, намекая на плохой диагноз!.. вот этим самым указательным пальцем подкрутит и сбежит!..

— Ушки, не будьте мнительны.

— Милая ты наша, ненаглядная! гневить судьбу не хочется, но неприятности нас подстерегают чуть ли не за каждым углом, злопыхатели доносы строчат.

— Да чем вас враги могут уязвить, ежели нечем? — смутилась Нога. — Вы хоть один из этих доносов в глаза видели?..

— Как же их увидишь, миленькая ты наша, солнышко непутёвое? — захихикали Ослиные Уши. — Враг писульку свою настрочит, а ко мне на проверку не несёт: на, дескать, оцени этудную элегантность! может, мне ещё ведро помоев вылить, если не возражаешь?..

Нет, враг сроду нам ничего не скажет, а затаится самым злейшим образом и овечкой прикинется. Вот кабы опять приехал к нам мужичок из филармонии, то мы бы его фокусам обучились и попользовались, чтоб в чужую голову заглянуть. Помнишь, Нога, мужичок из филармонии год тому назад приезжал?..

— Из филармонии??

— Ну да. Всё показывал на картах, как пикового туза в шестёрку бубей перелопатить, а потом свет в доме выключил и затеял Духов вызывать. Штук двадцать всяческих Духов вызвал; а они рядком выстроились, ворочаются, докладывают свои обстоятельства не торопясь: кто такой, какого сословия и вероисповедания, по какому случаю помер!.. А затем хором напорочили, что в январе под Москвой снег пойдёт — так оно в совершенстве и сбылось. В газетах печатали про снег. Две недели шёл без передыху.

— А-а-а!! — припомнила Нога.

— Ну, дурья твоя башка, хорошо, что хоть чего-то помнишь. — поёрничали Ослиные Уши и кивнули в мою сторону. — Да вот представь мне наконец своего гостя. А то ему наша болтовня — хуже пареной редьки. Как вас зовут... господин?..

— Филушка! позвольте, можно не «господин», а «товарищ»! — с достоинством бывалого товарища представился я.

— Это вы мыслите в направлении коммунистического реванша, что ли?.. Очень приятно познакомиться, но имя у вас странноватое... Вы не сомнамбула из филармонии?

— Нет, не бывал, не знаю...

— Очень жаль. — и Ослиные Уши, капризно скуксившись, обратились к Ноге: — Значит, милочка, ты не помнишь того мужичка из филармонии?.. Эх тебя угораздило забывать всё на свете, не говоря уж об удовольствии, получаемом в значительных мелочах!..

— Да как же не помню? Я же вам сказала, что помню! — проямлила Нога.

— Ни черта ты, милочка, не помнишь! — отрезали Ослиные Уши. — Да и мы на память слабы стали. Бывает мыкаемся по чужим углам, куда деться не знаем, а вот бы Духи филармонические помогли вывести нас на чистую дорожку. Мы бы и денег не пожалели на такой случай, нам жадность не к лицу. И дедушкино наследство до копейки сохранено.

— Так мошенники могут Духами прикинуться, в темноте-то не разберёшь.

— Здравсьте! она нас учить будет! ещё как и прикидываются, сволочи! — взъерошились Ослиные Уши. — Вот мы давеча взяли Духов вызывать, а нам сказали по радио, что лучше всего вызываются Фаршированные Духи: мол, им вариться на медленном эмпирическом огне всего пять минут. Мы, будто деловые, свет выключили, пять минут подождали, а тут расчихался Набалдашник и всю церемонию испортил: у вас, говорит, Фаршированные Духи перцем разговляются, а у меня слюнки текут!.. (время, действительно, к обеду шло, и у нас под ложечкой сосало)... Давайте, говорит, сначала наедемся вволю, потом покурим, а уж потом Фаршированными Духами займёмся. И мы пошли к Набалдашнику в гости щи жрать, ибо жена его с вечера звонила и предупредила, что на свиной рульке щей наварит. А когда мы наелись и ко мне домой, вернулись, то оказалось, что Фаршированные Духи все окурки из пепельницы украли и смылись, и курить теперь нечего. Вот и пришлось нам вдвоём с Набалдашником вечер коротать в печали, без окурков. Вроде обиделся на меня Набалдашник, больше не звонит и не пишет.

— Ну, таких обидчивых гостей лучше в дом не приглашать. — заметил я. — Прямо у дверей дать отворот-поворот.

— А где нам других гостей взять? — наострились Ослиные Уши. — Мы существа по

природе обидчивые, а нормального человека в гости хрен дождёшься.

— Да. — грустно прибавила Нога. — Человек в нашем лесу — гость из редчайших. Всё больше гостей, извините, некие самосотворённые сути и предметы быта. Удивляться-то особо и нечему. Приходится терпеть тех, что есть.

— Это вы без шуток говорите, что здесь нечем удивляться? — привскочил я со стула. — Да я, представьте себе, со вчерашнего вечера только и делаю, что всему удивляюсь.

— Да это просто с непривычки. — посочувствовала мне Нога.

— Но мозгам от этого не легче.

— Неужели вы внезапно окунулись в мир чудес? — озорно скрипнули Ослиные Уши. — Разве вы не принимаете это всё за пустяки, которым не стоит удивляться?..

— Да вот представьте себе! — спешно заговорил я, обращаясь то к Ноге, то к Ослиным Ушам. — Я вчера выпрыгнул из поезда, заблудился в лесу, напугался и почувствовал себя неловко... затем я неоднократно чувствовал себя неловко, словно под ногами разверзлась земля — огромная ямина такая, которую никак не перепрыгнешь и не обойдёшь... но всё же, до поры до времени, я сталкивался с нормальными (допустимо нормальными) ситуациями: и лес, и опушка, и предполагаемый лось на ужин... мне было страшно, но я терпел, насколько хватало моего терпения, соображая, что мир не позволит себе постоянно заглядывать в моё оконце и улыбаться ясным солнышком, ведь я не наивен, хотя — в каких-то чисто детских полусонных измышлениях — и верю в чудеса... но можно просто удивляться сложившимся обстоятельствам, а можно начинать быстро охреневать... если, скажем, волки станут кудахтать курицами (хотя, конкретно в моём случае, они не кудахтали), Балда Ивановна примется гулять с Чёртом Шпареным, а некто Максим Ильич вылезет из-за печки и приготовит нам пюре из трупов!.. Это всё никак не может не считаться нормальным и недостойным удивления. Ни с каких позиций Гегеля и Канта подобная нормальность не принимается в расчёт, и я очень долго мог бы вам это доказывать, что называется, на пальцах, если б мы с Ногой не условились про всё это напрочь забыть, и оттого я ничего вам объяснить не смогу!.. Поверьте, в этом нет моей вины.

— Мы вас прекрасно поняли и не собираемся набрасываться с упрёками. — согласно закивали Ослиные Уши. — Вы хотите сказать, что до тех пор, пока не прилегли отдохнуть на лесной опушке, с вами ничего особо удивительного не происходило. Вы намекнули на «некоторую допустимость ненормальных ситуаций под бдительным административным надзором», которой вы подчинялись большую часть своей жизни... и вот тут, непосредственно в домике Ноги, вынужденно столкнулись с непозволительными странностями, что вас взволновало и о чём вы попытались нам сказать!!

— Я, собственно, почти так и сказал.

— Вы почти так и сказали. Во всяком случае, мы вас прекрасно поняли.

— Меня здесь чуть было не сожрали — а вы говорите, что таким пустякам удивляться не стоит.

— Да ведь все кого-то жрут. — попробовали улыбнуться Ослиные Уши.

— Да пускай все... но меня-то зачем?? — я недовольно вздёрнул подбородок и запыхтел. — И ещё я хочу сказать, что раньше смотрел на Ногу, и видел не только Ногу, а нечто большее и непостижимое разуму. А теперь я смотрю на вас, и вдруг понимаю, что вы — это Ослиные Уши!.. Я это отчётливо вижу и пытаюсь постичь разумом, но невольно и очень плохо гармонирую с очерченной ясностью, с той точкой зрения про суть вещей, основные положения которой я позволяю себе забыть. Впрочем, это не важно — что и когда

я позабуду. Отныне я намереваюсь настойчиво одуревать.

Ослиные Уши вздрогнули и обратились к Ноге:

— В чём дело, раскрасавица ты ненаглядная? чего это у тебя гость одуревать принялся?..

— Я не знаю. — заволновалась Нога. — Я его лишь чаем поила, да ещё он курицы покушал маленько.

— Да, я кушал печенье и курицу. — подтвердил я.

— Может быть, Филушка, вы не одуреваете, а просто сочиняете? — усомнились Ослиные Уши.

— Не знаю... сочинять я мастак, здесь готов похвастаться, но сейчас одуреваю... и с каждым вашим словом одуреваю всё больше и больше!..

— Может, вы от чая одуреваете? — засуетилась Нога. — Я вам больше чаю не налью, хлебайте прямо так воду, из ведра.

— Не припомним, чтоб от чая люди одуревали. — призадумались Ослиные Уши. — Вот когда чай одуревал — этот случай мы знаем. Этот случай мы навсегда запомним, нам тогда досталось почём зря.

Я дружески прихлопнул ладонью по чайнику, показывая, что как раз к нему претензий не имею. Чайник одобрительно присвистнул.

— Филушка, вы сказали, что сочинять мастак. — шутливо заговорила Нога. — А ведь я сразу так и подумала, что у вас поэтическая натура. Все поэты, безусловно, со странностями, с порывами во внезапное непроверенное чувство... Одурение — лишь предлог, лишь приглашение к путешествию по вдохновению. Вот одна наша подруга очень чутка к поэзии, и она несомненно была бы для вас лучшей собеседницей, чем мы...

— Какая подруга? — спросил я.

— А такая, которой вы абсолютно пренебрегаете. — послышался чей-то обиженный голосок.

Я оглянулся на дверь и принялся с любопытством разглядывать ещё одну гостью, которую до сих пор умудрялся не замечать. У порога нетерпеливо переминалась крупная резиновая кукла, схожая по росту с ребёнком трёх-четырёх лет. Очень чистенькая и хорошенькая, в скромно-шёлковом платьице голубой расцветки с вопиюще-алыми бантиками в виде роз и блестящими тесёмочками. На ножках кукла носила мягкие матерчатые сапожки до колен и трепетно-кружевные панталончики, очень симпатичного и не стыдливо зияющего фасона. Всем своим обликом кукла производила приятное впечатление, кроме очевидного досадного пустяка. У куклы не было головы. Пустая, обстоятельно обрубленная шея — и всё. Голова несомненно где-то затерялась.

— Ах да, чуть не забыли, мы ведь ещё с собой и эту принцессу приволокли! — воскликнули Ослиные Уши. — Упиралась, не хотела идти: я, видите ли, говорит, боюсь поздно вечером на улицу выходить!.. луна, говорит, способна мне навеять что-то этакое, и я в запой вдохновения окунусь с размаху!..

— Слишком чутка к поэзии, я же говорила — подтвердила Нога. — Познакомьтесь, Филушка, вы, кажется, ещё не знакомы. Это кукла Ляля.

— Здравствуйте! — тихонечко сказал я.

— Здравствуйте, Филушка!

Кукла Ляля сделала изящно-неказистый реверанс и развела руками, словно извиняясь за свой странноватый вид.

— Вы весьма прелестное создание... — озабоченно подбирая комплементы и улыбаясь как можно бережней. — В наших магазинах таких, пожалуй, и не купишь.

— Вас не очень смущает отсутствие у меня головы? — спросила кукла Ляля. Тихий голосок куклы, как будто плавно блуждал между оттенками радостно созревающей юности и девственной романтической печали. Так, наверное, могла бы заговорить садовая петуния с соседской иволгой.

— Теперь даже и не знаю, что меня смущает. — задумчиво сказал я. — За сегодняшний вечер я обнаружил столько полезных и бесполезных отсутствий, что их количественное присутствие отсутствует в любых соразмерных умеренностях. Вот у Ноги тоже нет головы, и у Ослиных Ушей нет головы, возможно, что и моя голова абсолютно какая-нибудь безголовая. Я уже ничему не смущаюсь.

— Да-да, у нас нет голов. — радостно подтвердили Ослиные Уши и Нога.

— В этом мире, куда я нечаянно попал, природа просто так — на глазок — устанавливает свои правила и тарифы, и я чем-то напоминаю мальчика, которого природа ещё не одарила должной смелостью, и он только мечтает, как познакомиться с девочкой, одиноко качающейся в заброшенном парке на качелях.

— Это было бы так романтично, если б мальчик набрался храбрости!! — всплеснула руками кукла Ляля.

— Может быть, может быть... — поспешил согласиться я. — Мне лично для храбрости не хватает полноты абстрагирования от реальности. И свыкнуться с тем, что у вас всех, вместо голов, таится нечто более неожиданное и функциональное, чем голова. Может, и всё человечество, со временем, обзаведётся подобными функциями.

— И, быть может, отсутствие головы у куклы Ляли, — пошутили Ослиные Уши. — не даёт нам повода похихотать над ослиными ушами, которые росли на этой голове.

— Или ногами, которые тоже росли на этой голове. — попробовала пошутить Нога.

— Но голова у вас когда-то точно имелась? — спросил я у куклы.

— Наверняка!! — кукла Ляля заглянула в прихожую, где легко крутанулась перед зеркалом и осталась собой довольна. — Я когда-то тревожилась начёт этого вопроса и посещала Кушетку Психолога. Она меня и успокоила, сказала, что моё тело, возможно, и создали исключительно для того, чтоб отрезать голову. Тем самым совершить некий магический обряд. Верно, где-то есть несчастный человек, который так же, как и я, лишился головы. Только вряд ли он способен жить и радоваться.

— Да уж, вряд ли... — согласился я.

— Что такое голова? — принялась рассуждать кукла Ляля, ещё немножко покрутясь перед зеркалом в прихожей. — Если учёные стипендиаты уверяют нас, что голова — это своего рода пульт управления всем телом, то я превосходно обхожусь без пульта: скопление нейронов и синапсов работает идеально. Я стройна и красива, я способна вызывать зависть у вполне головастых соперниц, и никогда на вечерних танцах в клубе не томлюсь в одиночестве, от кавалеров отбою нет. И тоже заметьте: не головой вприсядку танцуют, а ногами!.. И плотская эстетика любви от головы мало зависит, в этом я вас заверяю, как истинный знаток процесса. Оценивать голову, как важный сексуальный возбудитель, я отказываюсь. Голова, как мне кажется, самый что ни на есть банный предмет, а не сексуальный — голова всегда обнажена и у всех на виду, даже у тех, кому её и показывать не хочется.

Я смущённо покачал своей головой, показывая, что не согласен с куклой.

— Есть весьма прелестные женские головки. И разве всегда они голы?.. Женщины любят всякие шляпки и береты. А разнообразие причёсок?.. Вот голая голова мало кому покажется сексуальной, хотя о вкусах и не спорят.

— Не голова, а кочан капустаный! — воскликнула Нога, вообразив себе что-то голое. — Привязать к нему Ослиные Уши, чтоб стоймя стояли, и хороводы пожалуйста вокруг водить: «в лесу родилась ёлочка! в лесу она росла!..»

— «Зимой и летом стройная, зелёная была!..» — подхватили любимую песенку Ослиные Уши и кукла Ляля.

— Праздник есть, а любовной озабоченности нет. — вздохнула Нога.

— Подождите, мы неправильно песню спели! — вдруг забеспокоились Ослиные Уши. — У нас ведь кочан капустаный, а не ёлочка. Зачем мы песню про ёлочку спели?

— Потому что «кочан капустаный» к этой мелодии в размер не подойдёт. — сказала Нога. — Очень длинно получится петь, если «в лесу родилась ёлочка» заменить на «в лесу родился кочан капустаный».

— Очень нехорошо, что «кочан» сюда не влезает. А «тыковка» влезает?

— «Тыковка» влезает. Знать бы ещё, что это за «тыковка».

— Это абсолютно не важно, не надо нам ничего знать. — неторопливо зацарапали лапами по полу Ослиные Уши. — Давайте вот лучше, запевайте хором: «в лесу родилась тыковка, в лесу она росла!..»

— «С ослиными ушами красавицей была!..» — запели стройным хором мои замечательные новые друзья. — «Трусишка зайка серенький под тыковкой скакал, и много-много радостей ей на ушко шептал!..»

— Оу-у-уе! — обильной луи-армстронговой хрипотцой протянули в конце песни Ослиные Уши.

Все чудесно рассмеялись. Не каждая хороводная песенка столь умильно и по-доброму потешает.

— Так-то вот, Филушка! — радовалась кукла Ляля с грустной риторической любезностью. — Нередко мы подобным образом шутим над собой — с песенкой или перебранкой — но на самом деле ни я и никто другой не знает, какие уши имелись на моей голове. Никто этой моей головы не видел.

— Как никто и никогда не встречался с нашим ослом. — сказали Ослиные Уши. — Уж мы и волхование пробовали, притащили Седьмую Воду На Киселе. А она на коленки пала да покаялась: ничего-то я, говорит, родненькие, не знаю, ничего-то я не умею! я, говорит, позавчера родилась на свет божий и шулерского гонору ещё не набралась!.. То ли дурдом раскупорили и всех на волю выпустили, то ли опять из филармонии сторожей уволили за пьянку — а мне таких провидцев не надо. Мышей не ловят.

— Мышей? — не сообразил я. — Зачем им мышей ловит?.. Ваши провидцы похоже на котов?

— Почему они должны быть похожи на котов?..

— Вы сказали про ловлю мышей, а человеческие коты обычно мышей ловят. Ну, или капризничают, не хотят ловить.

— Так это такие ваши человеческие коты. А наши сроду мышей не ловили.

— Стыдно признаться, — вдруг задумалась Нога. — но мы про человеческих котов и кошек не знаем нисколечко. Если вы, Филушка, их любите, то вы сможете рассказать нам какие они. Такие же, будто наши, или полны загадок?

— Рассказать получится слишком мудрёно. — заёрзал я на стуле. — Если б я знал, какие ваши коты, то рассказал бы, чем они отличаются от наших. А вот дайте мне бумагу и карандаш, я нарисую наших.

НЕВИДИМЫЕ ПОМОЩНИКИ вытряхнули из сундука требуемые мной предметы, и принялся быстренько рисовать. Я не привык жаловаться на свои таланты, и догадываюсь, что художник из меня паршивый, но в данной ситуации иного выхода не было. Нужно было показать своим новым друзьям обыкновенных человеческих котов. В голове моей заботливо замурлыкало и замаякало.

КОТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

«...Я вам, братцы, всё по правде доложу — не прерывайте только, я живостью ума не блещу, но хочу сказать, что с хозяевами мне повезло. И за ушком почешут, и про брюшко не позабудут, и на ласковые слова не скупятся. Одно плохо — сынок ихний из отроческого возраста не вышел и глупости мастерит с необыкновенным удалством. Иногда возьмёт бумажку, скомкает её бантиком, к ниточке привяжет и начнёт у меня перед носом крутить. Глазёнки у пацана смешинками брызжут, ручейки радости изливаются — озорник, да и только!.. Я бы сдержался в иной раз и виду бы не подал, да вот бес меня путает: мышшь мерещится!.. Хватану я лапой по бантику, чуть-было цапну бестолковую игрушку, а озорник убежит от меня и не позволит в бантик вцепиться. Минут десять иногда по комнате взапуски носимся. А как умаемся да одышкой забулькаем, так сядем рядышком на коврик, отдохнём для настроения, а после, глядишь, и баиньки завалимся... подушка-то у него до чего мягкая!.. Правда, потом озорника я за нос царапаю коготком... чтоб знал, с кем баловство затевает... шутки-то со мной плохи...» — «А у меня хозяин совсем чудной стал. То целоваться лезет, то с шваброй гоняется. И кричит чего-то обессивно-компульсивное, а чего кричит — не пойму. Верно, я его огорчаю чем-то.» — «А ты не ссы где попало, и в хозяйские тапки не ссы, вот он и не будет затобой гоняться. Смотри, как у меня дело налажено, послушай-ка: в углу коридора стоит ящик, а в ящике газета постелена. Вот, в этот ящик, я по нужде и хожу, а ежели в другом месте нечаянно отмечусь, то меня начинают за уши драть и воспитывать. Драньё за уши — штука весьма обидная, но несомненно под протекторатом даров небесных находится, принимать его нужно смиренно. А отомстить хозяевам завсегда можно, когда они запомнят про всё на свете. Сядешь к мамочке на коленки, помурлычешь отрадно, а затем внезапно ка-а-ак цапнешь за руку!.. хозяйских воплей на два часа хватит, тут главное под диван быстро смыться!..» — «А я, братцы, повадился диваны рвать. Когти точить надо, вот я об диванную обшивку и точу. А хозяину не нравится моя диванная инквизиция, он свою корысть, видно, на мебель имеет. Да и правду молвить: диваны новёхонькие, за большие деньги купленные... вроде как и бабушка что-то со сберкнижки сняла, тысяч пять что ли... короче говоря, диваны купили — и все довольны, ну а мне надо когти точить, это — я так понимаю — моя святая обязанность... А хозяин давай на меня пшикать: ах ты гад, говорит, такой! по помойке, спрашивает, нешто соскучился?.. так выкину в два счёта, говорит, не переживай... И бабушка с веником, вижу, прибегает, машет шибко рьяно... Что мне с ними поделать — ума не приложу. Хозяин пшикает, бабушка с веником носится, а я рву себе диван и рву. Так и изводим друг друга.» — «...А крыс с помоек никто не догадывался домой таскать?.. Эх, такую забаву расчудесную пропустили, это видеть надо: моя Марья Гавриловна при виде крысы орёт, словно резаная, и в меня всяким тюфяками да побрякушками швыряет, да всё мимо!.. Неси её прочь, говорит, крысу-то, чтоб глаза мои не видели!.. Ну чисто психованная дамочка. Не понимает, что и крысу на обед слопать можно. Очень даже вкусно получается!..» — «Рыбу лопать надо, а не крыс! В рыбе и фосфор содержится, и прочее всякое, полезное для нашего кошачьего племени.» — «Да опротивела рыба, не в обиду кому будет сказано. Когда я ещё котёночком был, моя семья не богато жила, кушал я в основном мойвочку, затем на килечку перешёл, а потом вдруг хозяин чуть разбогател — так селёдкой меня стали кормить, иногда камбалой и лещом... костлявый, признаться, этот лещ, и заплесневелым пряником маленько отдаёт... а нынче всё

опротивело, никакой не хочу рыбы... финского сервелата хочу, такой он, знаете, упрямо варёно-копчёный — в рот взять одно удовольствие!..» — «Эх, везенье-то одному в рот поддувает, а другому ухмылкой ослабивается!.. Да я бы денно-нощно питался рыбой и всяческой морской приبلудой, но собака до чего нахальная у нас живёт: быстрее меня путассуху съедает, на рыбку её вишь потянуло!.. Я вам разве не говорил, что хозяева мои совсем на головы повредились, собаку завели? образину-то этакую?.. сплошное гав-гав да тяф-тяф, путного словечка не добьёшься... Вообразите, сплю я себе с пользой посреди белого дня — у меня рядом с отопительной батареей полотенчико махровое постелено, я на полотенчике и сплю, калачиком свернувшись — и снится мне сновидение занятное и поучительное, будто я с Фомой Аквинским эквиваленты истины вымериваю... И Фома Аквинский вполне доволен мной, рад радёшенек нашему знакомству: лишь бы, говорит, ты по учёной стезе в нужном направлении скользил и на софизмах собаку съел!.. И вот как только он своё мудрое пожелание до моего неподвижного сознания дошёл, так собака хозяйская растяжалась трубным гласом, все софизмы напрочь к чёрту полетели!.. Ей, собаке, видишь ли примерещилось, что по коридору некто посторонний с воровской отмычкой бродит, вот она и занялась лаять. Образина такая и более ничего путного. Я ей в рыло-то, конечно, вцепился, да что толку: Фома Аквинский меня теперь за сто вёрст стороной обходит!..» — «Слушаю я вас, други мои закадычные, весь вниманием полон в ожидании умных речей, а вместо этого — фактически уши вянут. Сюсеньки-масюсеньки вы разводите, ежели послушать, с хозяевами своими да со сволочными деточками ихними. С собаками ихними скоро крутить шашни будете — помяните моё веское слово. Закабалили вас хозяева лаской притворной, повязали рабскими путами, мурлыканье ваше поощряют всячески: кисонька, мол, да мурочка, да фу какая дурочка!.. Тягостно мне и больно за превратностями судеб ваших наблюдать, и грустно на сердце, и печаль душу томит, и прочее и прочее и прочее... горько слушать вас, други мои, поскольку мнений ваших по поводу человечества принять не могу... Али не лицезрел я ваших людишек завзятых, али не ведаю, что за недостижимое мытарство над ними шутку отчебучило?.. Идёт один такой, человечиска-то, бес ему в ребро, идёт зюзя зюзей, несолоно хлебавши, сумкой потряхивает направо-налево, а в сумке ничего, кроме двух бутылок водки, нет — вот и вся величественность человеческого духа, вся его энтропическая суть... грешно смотреть, а не то, чтоб иное какое с ним вытворять, о чём вы между собой беспрерывно хвастаетесь... подушки у людей, вишь ты, мягонькие!.. Не уйти мне от тревожных помышлений, не оттаять в холоде компании вашей, не подобрать для вас оправданий и слов участливых. А вот помолиться за вас, дабы природа вам вразумления отщедрила и сподвигнула на свободу бежать от людской срамоты, я с удовольствием могу. Правда, обещать не буду. Прощайте пока, други любезные, да остерегайтесь со зла мне в хребет вцепляться — сдачи дам!.. Ммяу, как говорится.»

Я встряхнул головой, прогоняя столь странное велеречивое мяуканье, и закончил рисовать.

— Пожалуйте, глянуть. — пододвинул я рисунок поближе к кукле Ляле. Поскольку именно от её поэтической природы ожидал добрых и веских слов.

— Очень любопытно... — произнесла кукла и надолго замолчала.

— Ну как? — спросил я. — Нравится?.. Я всё понятно нарисовал?

— Это хвост, что ли? — ткнула пальцем в рисунок кукла Ляля.

— Я тут рисовал хвост. — заверил я. — Если голова спереди, то хвост получается сзади.

Так, вроде, всегда должно быть.

— Далеко не всегда. — сказала Нога. — Видала я бобра, у которого голова была сзади, а хвост спереди. Хотя, он нахально утверждал, что у него всё наоборот.

— Наши грызуны известные нахалы. — подтвердила кукла Ляля. — Мне знакома белочка, которая утверждала, что у ней голова сверху, а хвост снизу, хотя я битый час ей доказывала, что это голова у ней спереди, а хвост сзади. Но с глупцами бессмысленно спорить.

— Разве не может так быть, чтоб то, что сверху и снизу, представлялось и тем, что спереди и сзади? — спросил я.

— Вы ещё, пожалуй, договоритесь о том, что то, что снаружи, может показаться тем, что внутри, и всё это будет спереди, сзади и сбоку припёка. — хихикнула кукла.

— Договоритесь до того, что внутренний зад равнозначен внешнему переду. — буркнула Нога.

— Что всё, что растёт спереди, никогда не поместится в то, что находится сзади. — ворчливо добавили Ослиные Уши.

Я окончательно запутался, и сообразил, что рисунок не совсем понравился моим новым знакомым. «Сами-то тоже... хер знает, где у них зад с передом!..» — сердито подумал я.

— Если вам не нравится такое изображение человеческого кота, то я могу другое нарисовать. Вот такое, например... — я быстренько начеркал ещё один рисунок.

— Странные зверюги. — после осторожной паузы высказались Ослиные Уши. — Держите их лучше при себе, в человеческих домах.

КОНФЛИКТЫ ИНТЕРЕСОВ

— Ну что же. — примирительно заговорила Нога. — Вот мы и познакомились, подружились. Мне кажется, все очень довольны друг-другом. Давайте теперь сядем за стол и примемся чаёвничать. Хотя, признаюсь честно, чай мне поднадоел. Я же не чайная бочка.

— И я не хочу чаю. — сказала кукла Ляля. — Я успела дома попить, поскольку подумала, что одну кружечку выпить можно, это не мешает выпить ещё одну в гостях. А сейчас чувствую, что не хочется снова чай пить. Одной кружки было достаточно. Если один раз выпьешь много и в другой раз выпьешь много, то получится небольшое излишество. Или что-то другое получится — кто его знает...

— Получится «два много». - сосчитали Ослиные Уши.

— Этого достаточно? — потребовала уточнить кукла Ляля.

— Этого очень прилично. Можно и одуреть.

— Неужели, вот так прямо взять и одуреть? — заволновалась кукла Ляля. — Такого быть не может.

— А вот вдруг, да может. — произнёс я. — Со мной что-то вроде одурения происходило недавно. Не то, что бы я жалуясь, но всё-таки было неприятно. Странное это ощущение.

— Действительно, — тревожно призадумалась Нога. — что-то с чаепитиями в моём доме происходит диковинное. Не вписываются они в добрососедский гуманизм. Пора с этим делом завязывать.

— Что ты имеешь в виду, голубушка? — насторожились Ослиные Уши.

— Да вот, представь, неделю назад гостил у меня Кордицепс Однобокий. Пришёл, сел за стол, одним махом опорожнил кружку чая и заявил, что теперь хочет краковяк сплясать. Говорит: извини-подвинься, Нога, но ничего с собой поделаться не могу, ноги так и просятся в пляс!..

— Станцевал? — спросила кукла.

— Да ещё чего не хватало. — фыркнула Нога. — Я его сразу из дома прогнала, говорю: иди пляши в другом месте, у меня санитаров рядом нет, никто тебе не поможет!.. Он вроде обиделся и ушёл.

— А ты тогда решила, что он просто одурел?..

— Просто или сложно — я не знаю. Но вспомнила, что ровно год назад, у меня случилась такая же история. Ну, не такая же, но похожая. Пришли ко мне в гости Куролес Ощипанный и психический медведь Корытов. Тоже оба чаю напились, музыку включили и взялись краковяк отплясывать. Я тогда ещё не знала, до чего такие танцы доводят, и не слишком противилась. Ну, а эти двое мне потолок в коридоре поломали и мизинец затоптали. Посуды перекокали — лучше и не вспоминать. Под конец психический медведь Корытов нечаянно пнул Куролеса в пузо, тот загнулся и долго о себе знать не подавал. Похоронить его собрались, да он поднялся с пола, осуждающе глянул на медведя и сказал: не друг ты мне, Корытов, и живи теперь с этим, как хочешь!.. И ушёл насовсем. Больше в гостях его не видела.

Ослиные Уши и кукла Ляля не одобрили капризы Куролеса, и признались, что тоже не встречались с ним довольно-таки давно.

— Подождите, не спешите. — воскликнул я, перебивая своих новых знакомых. — Значит, психические медведи всё-таки существуют?.. Вы ведь, Нога, недавно посмеивались

надо мной, когда я рассказывал про психического медведя. Говорили, что я небылицы сочиняю. А вот получается, что это и не небылица, а медведь такой есть.

— Теперь уже нет его. — опечалилась Нога. — В тот самый раз, когда Куролес сказал, что больше с ним дружить не будет, Корытов опечалился, призадумался и заявил мне, что знает, кто теперь во всём виноват. Это, говорит, поляки во всём виноваты, они и краковяк выдумали, и я им этого не прощу, найду и убью парочку поляков. А я ему сказала, что нигде у нас поляков не найти, поскольку таких здесь отродясь не водилось. А он сказал, что пойдёт на железную дорогу и остановит какой-нибудь пассажирский поезд. Наверняка, среди пассажиров отыщется пара поляков, так он их и укокошит, а трупы растерзает на клочки. Будут знать, как краковяки сочинять!..

— И что же, он остановил поезд? — спросил я.

— Да попробуй его останови. — вмешались Ослиные Уши. — Скоропалительно помер наш психический медведь. Причём, он был самый последний на земле — отчего особенно жалко. Ровно напополам его разрезало колёсами поезда. Думали, вдруг оживёт, но одна часть тела с другой вдруг спорить принялись насчёт всё тех же поляков — стоило ли из-за них под поезд бросаться — ни о чём не договорились и померли.

— Нормальный такой медведь был до поры до времени, хоть и психический. — сказала кукла Ляля. — Бегал-бегал от конфликтов, всё расположения к себе искал, а нечаянный конфликт интересов его и убил.

— Я считаю, он сам виноват в собственной смерти. — сказала Нога. — Если б не захотел убить несчастных поляков, остался бы жив, а теперь получается, что отчасти поляки его убили и повинны в смерти. Вы думаете, полякам за это всё не воздастся на том свете?..

«Попробуй пойми, кто тут кого у вас убил, и кому за что воздастся. — задумчиво усомнился я. — Может так случиться, что вначале кого-то убивают навечно, а затем соображают: того ли они убили, кого надо, или убили того, кого первым под руку подсунули, а ему бы было интересно ещё чуть-чуть пожить?.. или только подумали, что убили навечно, а он приходит такой живой и усмехается?.. а если пока ещё никого не убили, то нужно ли убивать того, кто сам себя вскорости навечно убьёт?..» Больше всего на свете я стал бояться убивающих, убитых и недобитых.

— Конечно, вся вина лежит на конфликте интересов. — сказали Ослиные Уши. — Вот Нога потчует своих гостей сладким горячим чаем, имея интерес на дружескую беседу, и вряд ли распознаёт в своих действиях злокозненность. А сказано в мудрой книге и прочитано из неё же: «Одуревшие от чая, чаю же зело свою милость оказывают до смерти, ибо кирдык ещё никому не помешал.» Страница девятая, строка десятая сверху.

Нога сердито поёрзала.

— Что ещё в вашей книге такого сказано? — спросила она.

— Ещё сказано, что «наша краса подаёт два кваса: один, как вода, а другой — пожиже».

— А в моей любимой мудрой книге сказано: «Всё, что у Ослиных Ушей написано — всё враньё бесстыжее и говнище!» — по памяти прочитала без запинки Нога.

— А в моей сказано, как раз про тебя, голубушка Нога: «Выкинь книжицу свою на помойные луга, не отыскивай её ни за что и никогда.»

— А в моей сказано: «Выкинул один такой, оказался дуб больной!»

— А в моей сказано: «Врёшь, охальница!»

— А в моей: «Сами вы врёте!»

— А в моей: «Много ты различаешь в премудром вранье, кругом обманутая-

переобманутая! милочка ты наша ненаглядная!»

— А в моей: «Ща как дам по ушам!»

— А в моей: «Ха-ха-ха!.. давака-задавака!..»

Долго бы взыскательные читатели изучали мудрые книги постранично, но быстро закончились напечатанные дельные мысли, в которых мало что сообщалось о последствиях одурения в результате чаепития. Я робко поинтересовался: только ли от чаепития можно одуреть в здешних краях, или от ещё чего требуется держаться подальше?..

— Слушайте, я как раз вспомнила, как одурела без чая мамочка червячка Тетродотоксина. — воскликнула кукла Ляля. — Она, конечно, краковяка не танцевала, но свой конфликт интересов поимела с лихвой. Столкнулась с самим Вельзевулом.

— Ни капельки она не одурела, а взяла да померла в званый час. — возразила Нога. — Я лично присутствовала на похоронах, ленточкой траурной покрасовалась. Все присутствующие были в неизъясимой печали и тихо напевали:

«Мама! Мама!» — шепчут губы малыша.

А не слышит мама не шиша.

— Удивительно печальная песня. — согласился я.

— В духе романсов Рахманинова, скупое и псевдо-национальное. — уточнила Нога. — Никаких Вельзевулов и рядом не было.

— Нет-нет, она вконец одурела, и чая при этом ни грамма не пила, вы просто не помните. — упорствовала кукла Ляля. — Это практически вредительство с вашей стороны — не помнить о смерти собственных друзей.

— Ты, красавица разлюбезная, слёзы по щёкам не размазывай, ибо плетью обуха не перешибёшь. — посоветовали Ослиные Уши. — Ты нам напомни историю про мамочку червячка Тетродотоксина, а мы поднатужимся и вспомним.

— С большой охотой расскажу. — согласилась кукла Ляля. — Итак, эта добрая женщина только проснулась и собралась попить чаю, как почувствовала, что одурела и превратилась в Вельзевула. На теле даже проявился мумифицированный оттенок с лёгким свечением. И припахивать от неё стало, как от зажаренного шницеля.

— Верные приметы Вельзевула. — согласилась Нога.

— Не скажу, что мамочку червячка Тетродотоксина это всё обрадовало, но перечить природе она не решилась. И всё было бы хорошо — одурение как одурение — если б не вмешался настоящий Вельзевул. Он мгновенно почувствовал конфликт интересов и заявился перед мамочкой в длинном багровом плаще, с плёткой в руках. Широко оскалив огнедышащую пасть и выпустив здоровенный клубень дыма, он поинтересовался, а сможет ли мамочка сделать тоже самое, доказав свою причастность к силам зла?.. Мамочка залила в себя стакан чистого спирта, достала спички, подожгла, поднесла ко рту и выдохнула столб пламени метра на два. Кажется, шифоньер сожгла до угольков и у Вельзевула что-то в бороде подпалила. Тогда он нашёл у себя на затылке кнопку, нажал и на лбу вылезли из черепа рога — небольшие, даже чуть гниловатые, но вполне себе устрашающие. Вельзевул спросил у мамочки, а сможет ли она отрастить у себя на башке что-нибудь подобное?.. Та живо вытащила из кладовки старые оленьи рога, молоток и гвозди, желая приколотить рога себе на башку. После первого же удара молотком по гвоздю, пробила

череп и померла... Рога на одном гвозде тоже долго не удержались. Вельзевул сказал, что он таких дур отродясь не видывал. Кстати, эту песенку про «малыша и не шиша» он сам и сочинил. Отдам, говорит, хоть какую-то дань уважения.

— Что-то не очень верится в эту историю. — нахмурился я.

— А почему? — удивилась кукла.

— Филушка у нас скептик, это у него такая тактическая неприязнь к непостижимому. — с добродушной иронией сказала Нога.

— Скептики тоже должны во что-то верить. — озабоченно посмотрели на меня Ослиные Уши.

— Филушка и верит во что-то, но ему необходимо время, чтоб успокоиться и подразобраться в себе... Это покамест он в таком состоянии пребывает, что ему и в нас с вами не очень-то верится.

— Отчасти верится. — тяжело вздохнул я. — Но вот ваши истории про Вельзевулов кажутся сомнительно устрашающими, а слушать про рога и вовсе не желательно, учитывая контекст случившихся со мной сегодня явлений. Как бы вы там не намекали на объективное и субъективное восприятие, а чертовщиной оно всё равно пахнет. Страшно.

— Комплексуете? — спросили Ослиные Уши, намекая на трусость.

— Если не имеешь возможность отпилить рога у врага — закомплексуешь. — отшутился я. — Но шутки шутками, а, к сожалению, много в природе вещей подвластно уставу и обрядности, и как не противься, а мы живём и будем жить по параграфам, не всегда затеянными нами. И упраздняя одного Вельзевула, неминуемо дождёмся другого. Тут лишь бы не увидеть его в зеркале.

Я демонстративно обернулся к прихожей домика, где висело зеркало. В прихожей было пусто, все гости находились в комнате.

ПОТРЕБНОЕ И НЕПОТРЕБНОЕ

— Ладно, от чаепития — по понятным причинам — мы сегодня откажемся. — вдруг взгрустнулось Ноге. — Чем же вкусеньким вас угостить?.. Согласитесь, что потребность такая неизбежна: если сидят за столом гости, то на столе расставлены угощения. Вектор логики.

— Загибаешь ты нам что-то, душечка ненаглядная! — проворчали Ослиные Уши. — Мы привыкли логику искать, лишь вчитываясь в постановления прокуратуры, да и то, не различая пастыря от мясника. Да и ты, Нога, признаться, в этих вопросах разбираешься не лучше нас. Не хочется никого обижать, но мы подозреваем, что наш чудаковатый лесной социум от логических поступков весьма и весьма далёк. Иной товарищ может так дологизироваться в своём неисследованном пространстве, что решится и ослиную мочу выпить в качестве угощения.

— Это откуда такие интересные сведения про ослиную мочу? — спросил я, тревожно пригнувшись к чайнику.

— Вас, Филушка, они не касается. — отрезали Ослиные Уши. — Вы всего лишь случайный гость, а нам здесь жить и жить, и употреблять всё, что нечаянно затемняется вектором логики. Даже пусть это будет НЕПОТРЕБНОЕ.

— Вопиющие глупости. — фыркнула кукла Ляля. — НЕПОТРЕБНОЕ невозможно отлогизировать, поскольку его состав не поддаётся ходу рассуждения. Ты подбираешься к НЕПОТРЕБНОМУ с логикой, а оно к тебе оборачивается с большим кукишем... все созерцали кукиш, никому не нужно объяснять, что это такое?.. Ну вот.

— Дорогуша, ты пойми одну вещь. — занервничали Ослиные Уши, которые очень не любили, чтоб им перечили. — При естественном и желанном обращении с логикой, она демонстрирует любые возможности ПОТРЕБНОГО и НЕПОТРЕБНОГО. А если вдруг что-то окажется ослиной мочой, то логика за пару пустяков превратит её из НЕПОТРЕБНОЕ : ПОТРЕБНОЕ!.. Да и чего головы ломать насчёт этой дурацкой ослиной мочи?.. Взяли и выпили себе на здоровье, делов-то.

— Да пейте вы сами ослиную мочу! — взбунтовалась Нога.

— Нет, я не в том смысле рассуждаю, чтоб принудить кого-нибудь к питию ослиной мочи, а в том, что ПОТРЕБНОЕ легко может сойти за НЕПОТРЕБНОЕ, и наоборот. Тут же, в процессе фактической ясности, нам необходимо понять, что и НЕПОТРЕБНОЕ для кого-то слаще ПОТРЕБНОГО, и — опять же- наоборот. Тут возникает мысль, которая, как и всякая другая мысль имеет право на существование, что и НЕПОТРЕБНОЕ ПОТРЕБНО, если соизмерять желание с возможностью, а прихоти с разнузданностью. Мне кажется, что нам кажется, что мы желаем именно того, что желаем, и когда Нога говорила про вектор логики, она толком не знала, в принципе, туда ли она его направляла, куда желала на самом деле, и то ли самое ПОТРЕБНОЕ она могла принять за НЕПОТРЕБНОЕ, чтоб угостить своих гостей. То есть, нас.

— Неужели я вас хотела напоить ослиной мочёй?? — встрепенулась Нога.

— Ты говорила про вектор логики. А от любой логики до стакана ослиной мочи — рукой подать.

— Я вам рукой подавала стакан с мочёй?? — Нога выглядела довольно оторопело.

— Э-э, разумные вы мои и ненаглядные. — обнаружили оплошность в своих выводах

Ослиные Уши и попытались исправиться. — Допустим, про ослиную мочу первыми заговорили мы, но лишь в смысле антитезы. Филушка поинтересовался, откуда мы берём сведения об ослиной моче, а Нога сделала несколько важных заявлений про логику, которые нам не показались убедительными. А вот Кукла зачем-то сказала, что всякое ПОТРЕБНОЕ проще пареной репы деформировать в ту самую ослиную мочу и предложить Ноге её выпить.

— Я не буду пить ослиную мочу!! — запротестовала Нога.

— А кто будет? Поищите дураков!..

— Вот взяли, пришли ко мне в гости, и — ни с того ни с сего — заставляют меня пить ослиную мочу!.. — ворчала Нога.

— Дорогушечка, мы вас ничего такого не заставляем. — попробовал я успокоить Ногу, невольно принимая разговорную манеру Ослиный Ушей. — Просто кому-то понадобилось в качестве примера ВОЗМОЖНОГО ПОТРЕБНОГО привести ЯВНО НЕПОТРЕБНОЕ, ч ваша логическая цепочка оборвалась и раскрылась в более ярком свете, понятном даже таким олухам, которые суют в рот всё без разбора. Ослиная моча оказалась для Ослиных Ушей вещью понятней всех прочих вещей. А того факта, чтоб предлагать вам её выпить (исключая шутливые дружеские загибоны), я не помню, и — слава Богу — мне такое и в голову бы не пришло предложить.

— Ослиную мочу Ноге никто всерьёз не предлагал, ей просто сказали, что можно нечаянно выпить такого говна, что очучишься в два счёта, но ничего плохого про выпитое не скажешь!.. — попробовала повторить ход событий кукла Ляля. — А она заупрявилась: не буду, да не хочу, да я, вроде как, совсем и не пьющая!.. Естественно, ей со страху показалась, что предлагают выпить ослиную мочу, которой она пить не хочет. Она её сроду и не под каким видом не пила, дак и незачем себя к старости баловать... Мы правильно всё рассказываем, по делу?

— Нет, дело было не так. — приступили к изложению того, что вспомнили, Ослиные Уши. — Мы сначала вскользь заговорили про НЕПОТРЕБНОЕ, а потом разговор нас затяну и уволок в ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ логикой, в которой — если признаться честно — никто и нас ни черта не смыслит. Нога, тем не менее поддалась своим наивным представлениям о логике, и громогласно заявила, что ничего НЕПОТРЕБНОГО ей не надо... как будто мы чем то хуже Ноги, и нуждаемся в каком-то там несусветном НЕПОТРЕБНОМ (нам-то его точно не надо)... А затем мы сказали, что ослиная моча способна стать практически ПОТРЕБНОЙ если больше не из чего выбирать... если в наличии имеется только говно и ослиная моча, то выбор, к сожалению, падёт на неё... Все мы подумали и согласились, что среди возможного миллиона НЕПОТРЕБНОГО ослиная моча может представиться самой ПОТРЕБНОЙ ВОСТРЕБОВАННОЙ. Мы не секунды не сомневаемся, что с этим вынужденно согласились все, хотя вряд ли кто пробовал ослиную мочу на вкус, мы-то однозначно не пробовали. А затем мы сказали и уточнили, что и ПОТРЕБНОЕ классифицируется по различным родам и свойствам: есть такое, которое всеобщими усилиями сближается по качеству с ослиной мочой, а есть такое, что НИ В КАКОЙ СТЕПЕНИ НЕ ПОЛЕЗНО даже для потреблен самой ослиной мочи, если бы вдруг она научилась что-либо потреблять.

— Пример! — потребовали Нога и кукла Ляля. — Незамедлительно приведите пример смещения ПОТРЕБЕГО и НЕПОТРЕБНОГО!..

Судя по паузе, которую выдержали Ослиные Уши, достойные примеры им не приходили на ум.

— Вот к примеру. — вдруг они решительно потрясли указательным пальцем куриной левой лапы. — Если кукле Ляле впихивают кроличью шапку задарма, то она отказывается от шапки, поскольку у ней нет ПОТРЕБНОСТИ в шапке, ибо никакой головы у ней нет. Найдите ей голову — и кроличья шапка задарма станет ПОТРЕБНОЙ, переметнувшись и статуса НЕПОТРЕБНОГО. Но для того, у кого голова есть, шапка всегда ПОТРЕБНА, ничего нелицеприятного он про неё сказать не может. Он даже не ведаёт, что где-то существует безголовая кукла, для которой шапка НЕПОТРЕБНА. Кроличья шапка хороша сама по себе, это продукция причинного следствия, которое не касается сегодня наших рассуждений. Будучи НЕПОТРЕБНОЙ у одних, у которых нет голов, она справедливо рассчитывает УПОТРЕБИТЬСЯ для тех, у кого есть головы. А вот, если голова есть, кроличьей шапки на ней нет, то здесь организуется иная позиция, где ПОТРЕБНОСТЬ впадает в зависимость от СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ, внешние и внутренние долги которого касаются только индивидуальной личности и её кредиторов, а нас это не касается. Также мы не коснёмся того, что, быть может, вещь, именуемая себя КРОЛИЧЬЕЙ ШАПКОЙ кроличьей шапкой не является. Не знаем, нужно ли опять напоминать про ослиную мочу, которую все решительно отказываются пить, подозревая её в НЕПОТРЕБНОМ, хотя никто не вкус и не пробовал. Заклеймили и успокоились. Ну и чего теперь мы будем пить?..

— А вино с водкой потребны? — любопытствовала Нога.

— Потребны.

— Так давайте пить вино с водкой!

От вина с водкой никто не отказался.

ВИНО С ВОДКОЙ

Слушаете, вот вы — однажды напившись, одурев и воскреснув — никогда не шествовали вразвалочку по ночному пути, разостланному перед вами белой скатертью, кляня заиндевелые звёзды и ругая себя за бездарность и безверие?.. Вы никогда не пытались изменить себя, свою жадную жизнь, прямо сейчас — прямо под жгуче-холодным звёздным небом — не утирая с лица тёплых скупых слёз?.. Верили вы в светлое будущее так, словно бы оно только ждало вашего знака, вашей тихой просьбы, чтоб незамедлительно нахлынуть прямо здесь, под звёздным небом, и увлечь вас далеко за собой?.. Всё это очень наивно, я понимаю. Но ведь у кого-то именно так и бывает.

— Ура! будем пить вино с водкой! — прихлопнула в ладоши кукла Ляля. — Давайте пить и веселиться!.. Устроим маленький праздник.

На столе мгновенно появилась бутылка незнакомого мне вина с водкой, отряхнулась от лёгкого инея морозильной камеры и дружески всем улыбнулась. Я тоже ей дружески улыбнулся и сказал что-то изрядно двусмысленное, но комплементарное. Затем я взял бутылку, обнаруживая в себе радость детской шаловливости, и поцеловал в горлышко.

— Очень забавно у вас получается, Филушка! — одобрили Ослиные Уши. — Поцелуйте ещё разок — от нашего имени.

— И от нашего! и от нашего тоже поцелуйте! — забеспокоились Нога и кукла Ляля.

Я незамедлительно расцеловал бутылку со всех сторон.

— Давайте ещё одну выставим на стол! — нетерпеливо затопала ножками кукла Ляля. — Давайте сегодня погуляем на славу.

НЕВИДИМЫЕ ПОМОЩНИКИ выставили на стол ещё пять бутылок.

— Ну, давайте и ещё пять! — посоветовали Ослиные Уши.

И ещё пять поставили НЕВИДИМЫЕ ПОМОЩНИКИ, извлекая из неистребимого запаса в кладовой.

— У меня поцелуев на все не хватит. — хмыкнул я, разглядывая блестящую стройную батарею. — Придётся до самого утра колдырить.

— Только начни, Филушка, не остановишься! повидали мы таких, как ты! — добродушно звякнули бутылки из кладовой.

Вино с водкой самостоятельно разлилось по натерелым стаканчикам, закуска овощного соленья и маринованья разлетелась по тарелкам, педантично-мягкая копчёная колбаса тоненькими кружочками улеглась на блюде и замлела от удовольствия. Забрался на стол осовелый ананас с многозначительно брезгливой миной, соображающий, что сегодня на него никто не посягнёт. Заявилась селёdochка с луком, заманчиво нарезанным колечками, прикатил графин с морсом на запивку — если кому-то вдруг запить захочется!.. Припожаловали шмоток холодного перчистого сала, баночка с хрусткими груздочками, салатницы с заманчиво-пёстрыми оливье и винегретом. Куски тушёной говядины тяжело извазюкались в сметане и плюхнулись на тарелку с зелёным горошком, дабы преподнести себя как очень дельную и понятную закуску.

Я и Нога уселись за обновлённый стол на свои прежние места, кукла Ляля забралась рядом со мной на высокий вертящийся табурет, а Ослиные Уши вынужденно вскарабкались на столешницу и старались вести себя крайне аккуратно.

— Ну что ж, дорогие друзья, каждый кочет кукарекнуть хочет. — первой подняла тост

Нога, используя права хозяйки и убеждение в том, что хозяйские тосты всегда слаще прочих. — Хочу выпить, друзья, за ваше здоровье: дай нам Бог всем крепкого здоровья, чтоб не болеть никогда, и долгих лет жизни!.. Хочу пожелать нам всем счастья в личной жизни, богатой чаши каждому в дом, доброго слова от друзей и не только от друзей, хочу пожелать успехов в творчестве и на работе, и в этой поганой войне нам тоже успехи не помешают... про здоровье я уже говорила?.. хорошо, хочу пожелать настолько крепкого здоровья, чтоб крепче его и на всём белом свете не было!.. Выпьем, друзья, вина с водкой, и пусть всем Абракадабрам тошно станет!!

Мы радостно выпили из своих стаканчиков, кто как умел. Вино с водкой оказалось напитком необычным: смолисто-бурого цвета, в меру крепким, суховатым и вязущим нёбо, но немного отдающим переспелым боярышником. Я весело выпил и крикнул, не оказывая жидкости сопротивления, а затем задиристо стукнул стаканчиком об стол. Я один из всей компании владел способностью фокусничать и баловаться со стаканчиком в руках. Механика питья и закусывания куклы Ляли и Ослиных Ушей совпадала с удивительными возможностями Ноги. Еда потихоньку убывала из тарелок, а стаканчики непонятным образом опустошались.

— А вот вы, Нога, кстати, упомянули про всех Абракадабров. — не очень уверенно закусывая помидоркой, спросил я. — Это сколько же их, по-вашему, может быть?..

— Да сколько народилось — столько и живёт. — весело сказала Нога, мягко розовея от выпитого. — Я, признаться, не считала.

— И я не считал... думал, что всего лишь один у нас Абракадабр... я ведь привык глазам своим доверять, а сейчас они мне подсказывают у нас, на столе, есть кое-что многочисленней всякой прочей дряни... — аппетитно указал я на батарею бутылок. — Ну-ка, НЕВИДИМЫЕ ПОМОЩНИКИ, разлейте нам по стаканчикам, и мы выпьем за то, что всем Абракадабрам тошно стало.

— За это мы пили в первом тосте. — напомнила кукла Ляля.

— Тогда мы пили авансом, а теперь на самом деле.

— Нет, я и в первый раз не авансом пила, а на самом деле.

— И я. — сказала Нога.

— Хорошо. — я весело упрямылся. — Выпьем за то, чтоб самому главному Абракадабру тошно стало и пусто было.

— Бей лежачего! — подхватили моё подвыпившее глумление Ослиные Уши.

Мы незамедлительно выпили.

— Наверняка ему сейчас икается во весь напор. — обрадовались Ослиные Уши. — В таких случаях всегда икается, предотвратить икание практически невозможно. Это такой закон природы. Лишь дуракам закон не писан. Правду я говорю, друзья мои?..

— Ик!! — догадливо икнули Нога и кукла Ляля.

— Ик!! — уловив смысл шутки, икнул и я.

Произнести следующий тост решила кукла Ляля и торжественно приподняла стаканчик вверх.

— Я, если можно, произнесу тост стихами. — сказала кукла Ляля. — Мне бы хотелось, чтоб мой тост был вторым, поскольку я специально для второго тоста сочинила стихотворение, но если сосчитать, то получится, что мой тост будет четвёртым, и яркость стихотворения слегка поубавится. Тем не менее, я готова.

— Почему четвёртым? третьим! — уточнила счёт тостов Нога.

— Но мы же выпили три раза. Если перед каждой выпивкой произносился тост, то можно насчитать три тоста. Выходит, что у меня четвёртый.

— Разве мы выпили три раза?

— А сколько же? — удивилась кукла.

— Если после первого раза наступает второй, — я постучал пальцем по лбу и переключился на функции калькулятора. — то после второго неминуемо следует третий. В наших школах учат именно таким образом, что после двух обязательно следует три, а после трёх — четыре.

— Кажется, в наших школах учат тому же. — принялась припоминать Безголовая Кукла. — После одного следует два, после двух — три, а после трёх... да-да, Филушка, вы правы как никогда, после трёх следует четыре!..

— Но я не пила три раза. — воскликнула Нога. — У меня-то после двух почему-то третьего не последовало. И я не могу сейчас выпить в четвёртый раз. Как бы не старалась, как бы не хотела — он будет третьим.

— А вот у меня последовало. — признался я. — Я выпил ровно три раза, и теперь намерен выпить в четвёртый, если кукла произнесёт свой долгожданный тост.

— Что-то тут не так, мне кажется. — слегка нахмурилась Нога. — Пьём все вместе, а у кого-то получается два, а кого-то три.

— Всё так. — обнадѣжил я Ногу. — Законы математики завсегда лавируют среди выпивающих субъектов. Два или три — какая, по-большому счёту, нам разница?..

Нога буркнула что-то примирительное и велела заполнить стаканы.

— Ладно. — покончив со счётом, подняла свой стаканчик кукла Ляля. — Вот мой долгожданный стихотворный тост:

За то, что ты пришёл, гость дорогой,
я благодарность заявлю четвёртым тостом.
Пусть не наступит в жизни день такой,
когда б в мой дом не постучали гости!!

Тост был лаконично изумителен, и все присутствующие с благодушным почтением выпили.

— Славный тост, весьма славный! браво, подруга! — похвалила Нога. — Вот в другой раз к тебе, в дом, гости и постучат: открывай, скажут, Филушки пришли!.. штук пятьдесят!!

Я с изумлением крякнул.

— Ничего страшного, всегда прошу заглядывать на огонёк. — нежно разволновалась кукла Ляля. — Я обычно по пятницам гостей принимаю, поскольку конец трудовой недели помогает хорошенько расслабиться и отдохнуть от души.

— Вот-вот, пусть никто нам не помешает выпить от души! — поднял я пятый тост. — Пусть никому такая кощунственная мысль и в голову не придёт... Правда, друзья?.. Пусть будет так!!

Мои безголовые друзья без сомнений со мной согласились и выпили.

— Мой дом — ваш дом, ваш дом — мой дом! — с расплывчатым излиянием произнесла кукла Ляля. — Пусть так оно и будет.

— Погодите-ка. — я встряхнул головой и огляделся вокруг. — А сейчас-то у кого мы

дома? у меня или у Безголовой Куклы?..

— Сейчас мы у меня дома. — чуть хихикая, ответила Нога. — Вы, Филушка, неужели позабыли, что ко мне в гости пришли?

— Не позабыл, но меня приглашения куклы слегка запутали. — я поднял наполненный стаканчик. — Стучитесь, говорят, в наш дом, который и ваш дом, несмотря на то, что я уже давно постучался в дом Ноги!.. Стукни-ка в два дома за один приём! попробуй-ка!..

— Тост, конечно, мог запутать кого угодно, но у меня другого тоста со стихами нет. — сказала кукла Ляля. — Есть просто стихи, где люди стучатся во всяческие двери, но — в отличие от тостов — им никто дверей не открывает. Они просто зябнут и уходят восвояси.

— А мы, между прочим, знаем один замечательный стихотворный тост. — воскликнули Ослиные Уши. — Правильней сказать, что мы когда-то его знали и успели подзабыть, но сейчас постараемся вспомнить. Что-то там про «любовь, конечно, есть любовь, ей хорошо у нас в сердцах, но выпить я хочу за тех... хм... кто службу служит в сапогах...» Почти такой припоминается нам тост.

— Нет. — решительно отверг я смысловую нагрузку тоста. — Он хоть и в стихах, но нам его не надо. У нас и сапог нет ни у кого.

— Вот видите. — сказала кукла Ляля. — Я одна умею произносить стихотворные тосты, которые не зависят от наличия сапог на ногах. Давайте не будем портить друг другу настроение, а начнём всякий раз пить за мой тост... тот самый, где «приходит гость дорогой»...

— Да-да, испортить настроение мы всегда друг-другу успеем, но лучше не сегодня. — согласно покачалась Нога.

Все с облегчением выдохнули, вино с водкой разлилось по стаканчикам, я выпил в очередной несосчитанный раз и меня понесло нести словесную пургу.

— Между прочим! — я вежливо постучал вилкой по стаканчику Ослиных Ушей. — Что бы никто в это вечер не остался обиженным и обделённым вниманием, я предлагаю выпить-таки за стихотворный тост Ослиных Ушей, и предлагаю выпить за него два раза. Первый раз пьём, отдавая дань, непосредственно тосту в стихах, а второй раз пьём ради уважения к изошрённой композиции сапог, сумевших проникнуть в тост. Я бы даже сказал: за пубертатно-занозистый талант этих сапог проникать в тосты, песни и гимны.

Все удивились, но выпили. Затем я поднял стаканчик куклы Ляли, принимая его за свой стакан, но присмотрелся, извинился и уже поднял собственную ёмкость, намереваясь изложить только что придуманный замечательный тост.

— Уважаемые друзья! — я липко улыбнулся. — Н-нет сомнения, что этот день навсегда войдёт в анналы моей памяти, как весьма эк-экстравагантный способ общения в весьма эк-экстравагантном месте, да к тому же я умудрился остаться живым, а это дорого стоит... вся эта подлая нелепица, произошедшая со мной, и вовсе позабылась по просьбе уважаемой Ноги, хотя наглости некоторых г-граждан не перестаёшь удивляться... представьте себе: заявляются сюда, зубами щёлкают, хотят меня сожрать... Да кто ты такой, Владимир Владимирович, чтоб меня сожрать?.. Что ты о себе возомнил?..

— Это какой ещё Владимир Владимирович? — удивилась кукла Ляля.

— Да никакой... забыли... — махнул я рукой. — П-простите, у меня язык слегка не торопится разговаривать, я слегка опьянел потому что... но позвольте мне предложить тост, то есть, позвольте сподвигнуть вас выпить за здоровье хорошего человека... то есть, за КРЕПКОЕ здоровье хорошего человека... за здоровье Балды Ивановны!!

Откуда в моей голове взялась чудовищно-странная идея выпить за Балду Ивановну — я не понимал. Но компания согласилась выпить за её здоровье и спровадила под стол очередную пустую бутылку.

— Это мы выпили за Балду Ивановну! — напомнил я о той, за чьё здоровье мы послушно выпили.

— Конечно, конечно. Всегда рады.

— А хотите ещё выпьем?

— Мы-то хотим. — воскликнула кукла Ляля. — Главное, чтоб вы хотели.

— Хочу ли я, чтоб мы выпили за здоровье Балды Ивановны? — с иронией лёгкого недоумения я посмотрел, как чудесно раскупоривается очередная бутылка. — Если именинница не будет возражать, то я с удовольствием выпью за её здоровье.

— А разве нынче Балда Ивановна именинница? — удивились Ослиные Уши.

— Откуда мне знать, когда там у ней именины. — недовольно буркнул я. — Может, она вообще померла, и мы тут так просто, от нечего делать, пьём за её здоровье. Собственно говоря, почему бы и не выпить?

— Конечно, конечно. Долгих лет ей жизни, а если что — пусть земля ей будет пухом!.. конечно, конечно...

Совокупность обязательных чувств уважения и признательности поскользнулась на сивушных маслах и ударилась лбом об зеркало в прихожей, завешанное скупочно-чёрной тканью... интересно, почему мне на мгновение показалось, что зеркало в домике Ноги завешано чёрной тканью?..

— А вы нам не расскажите, что вас связывает с Балдой Ивановной? — полюбопытствовали Ослиные Уши. — Она, может быть, жена ваша?

— П-почему жена?? У меня не может быть моей женой Балда Ивановна!! — я спешно глотнул вина с водкой и сообразил, что теперь непредсказуемо пьян, и обыденная импровизация, доведённая до пророческой анархии, витает в моих мозгах, не обнаруживая место для срочного приземления. — У меня не получилось жениться на Балде Ивановне, потому что я Танечку люблю... Я даже женюсь на Танечке, как только домой вернусь... моментально женюсь... Друзья! Я всех вас приглашаю на свою свадьбу!.. Б-будьте так любезны прийти, иначе обижусь!..

— Конечно, конечно. Не волнуйтесь, Филушка, вашей свадьбы мы постараемся не пропустить.

— Хоть завтра, хоть послезавтра — придём и без приглашения! — пообещала Нога.

— Без жены не возможно долго жить такому принципиально талантливому человеку, как я, невозможно без ласки!.. — раскрывал я сам для себя прелести супружеской жизни. — К тому же, я не тиран в семейных вопросах, и если Танечка захочет вдруг стать Балдой Ивановной, я не смогу ей перечить, а просто повернусь и уйду из дома.

Я упрямо боролся с непослушным языком и с указательным пальцем, который в поисках нужного слова стремился уткнуться в тарелку с винегретом.

— П-поймите, уважаемые друзья, что Балда Ивановна не может быть моей супругой ни за какие коврижки, тут и к бабке-гадалке ходить не надо, ещё чего не хватало... Балда Ивановна — это своего рода песенный сюжет, это вынужденная проекция авторского взгляда через тернии к звёздам, через Ивана-царевича к Адаму, изгнанному из рая, а через прапорщика Удушенко — к козням Кулакова-Чудасова... причём, прошу заметить, что это проекция сугубо внутреннего взгляда, очень невероятно внутреннего и пропущенного через

аккуратную фильтрацию... я ведь всё правильно говорю, Филушка?.. да, Филушка, всё правильно!.. через фильтрацию времени и пребывания себя во времени (если вы конечно понимаете, о чём я вам толкую), значит, и через построение слов во внутреннем авторском тексте через вторичное — скажем так — и подспудное содержание текста, когда проекция предъявляет всем, кроме самого автора, ничтожность авторского замысла и гениальность его воплощения... да, друзья мои, хочется иметь необозримые таланты в проявлении каждой своей человеческой сути, в каждом своём шаге, с первого дня пребывания на планете Земля, но получается чаще всего так, что, едва научившись ходить, падаешь на корячки и доходишь доходягой до дешёвого кича... топ-топ-топ...

Я изобразил двумя пальцами как неуклюже топает человечек между блюдом с ананасом и лужицей неловко расплескавшегося напитка. Мой человечек не сумел дойти куда хотел, а живо преобразовался в кулачок, цепко ухвативший заполненный стакан. Я выпил с чувством глубокой утраты по нелепому человечку.

— Д-друзья мои!.. но наше с вами ничтожество нам же самим доподлинно и понятно, а следственно оно является щедрым ничтожеством, а щедрость — если со всех сторон посмотреть — понятие богоугодное, и я поневоле начинаю обращаться за помощью и верой к Нему... через собственные инстинкты и падучую болезнь — к Нему!.. и когда Он промолчит, ничего не говоря достаточное количество времени, я наконец-то успокоюсь, и посчитаю, что всё со мной и про меня наконец-то решено... А тот хитрый факт, что Балда Ивановна не может проявить благосклонность и выйти за меня замуж — этот факт, поверьте, ничего во мне не прибавляет и не убавляет... я всё правильно говорю, Филушка?.. да, всё правильно!.. она, кстати, и могла бы стать моей женой, если б я с точностью не знал, что она может стать ещё женой кого-нибудь другого (либо ДО меня, либо ПОСЛЕ меня), который мог бы быть гораздо занятней меня, как личность и как — вообще... как чёрт меня знает что...

У меня возникла весёлая мысль о сватовстве и я пробежался глазами по застолью.

— А-а-а... вот вы где... Ослиные вы Ушки?.. хе-хе!.. скажите да всю правду доложите: могла бы быть Балда Ивановна вашей... извиняюсь, хе-хе... вашими жёнами?..

— Что за странный вопрос... — покраснели Ослиные Уши.

— А-а-а... ага-ага-ага...

— Никак бы не смогла Балда Ивановна утешить нас супружеством, уверяем вас.

— Ну, если не эта Б-балда Ивановна, так какие-нибудь другие Б-балды Ивановны... они смогли бы стать вашими жёнами?.. с теми самыми, с которыми только смерть разлучит нас... и вас...

— Да куда им! — запротестовали Ослиные Уши. — Это совершенно невозможно.

— А вот вы-бы приласкались к ним с подарочком да с комплементиком, то да сё, вот бы мы тогда и взялись с пирком за свадебку... Чёрт-то Шпареный — верите ли? — почернеет от злости!.. Не для тебя, дескать, ягодка созрела!!

— Нет, это совершенно невозможно. И жёны для нас потребны весьма персонального качества, с индивидуальным естеством, и с Чёртом Шпареным тут никто ссориться не желает... К тому же, за Балду Ивановну тост выпит, как за вашу возможную супругу, а мы на чужих жён не засматриваемся...

— Тогда давайте пожелаем здоровья и себе и своим жёнам! — я с восторженным умилением послал воздушный поцелуй воображаемой Танечке, на которой мысленно уже успел сто раз жениться.

Все, нисколько не смущаясь туманности моих речей, подхватили:

— Ваше здоровье!.. И ваше здоровье!.. Будем живы — не помрём!!

— Крепкое здоровье необходимо всякому человеку, здесь не нужно быть студентом-ветеринаром, чтоб вычислить лики будущего, лежащие на поверхности... — заявила кукла Ляля. — Стоп! отчего у меня в стаканчике пусто?..

Налили. Я выпил, озорно побарабанил пальцами по столу и оглянул компанию.

— Между прочим, я могу вам песню спеть. — интригуяюще сказал я.

— Песню? — обрадовалась Нога. — Слушайте, Филушка, да вы — золото, а не человек

У меня здесь сроду никто своих песен не пел. Конечно, спойте. Дать вам гитару?..

— А у вас есть гитара? — удивился я. — Разумеется дайте мне её. Щас сбацию.

В моих руках очутилась старенькая шестиструнная гитара, на которой я ловко взял пару аккордов, убедившись, что гитара настроена, и хрипловато запел.

Я есть такой, кто до меня
задумал быть таким, как я...
придумал все мои дела,
все неполадки, сны, слова...

Всё, что нашёл в себе моим,
он полюбил и сохранил,
чтоб я не смог себя уесть
а был таким, какой я есть...

Я так и буду быть собой:
весь сам в себе, слегка чужой...
чтобы остаться насовсем
таким, каким кажусь я всем...

Я торжественно закончил. Кукла Ляля ахнула, предаваясь лёгкому восхищению:

— Сколь неожиданно и точно!.. Это прекрасная песня!.. Филушка, вы замечательно поёте!..

— Мда?.. — я с признательностью посмотрел на куклу.

— Проникновенно! — поспешили высказаться и Ослиные Уши. — Поёте очень проникновенно. В нас проникло.

— Мда?.. — с понравившейся мне признательностью, я поклонился Ослиным Ушам.

— Не вся суть ваших душевных преломлений для нас оказалась ясна, но, кое-что проникло — и проникло успешно, навсегда.

— Сколь неожиданно точны в этой песне многочлены личности, сколь важно каждое слово!.. — продолжала изливать восторги кукла Ляля. — О, а я хорошо знаю, что овладеть символическими трюками весьма нелегко, это требует большого и агрессивного опыта. Взрывчатая мудрость, интенсивность перемен воображения — всё это приходит к нам с годами опыта и наблюдения за жизнью. Молодому человеку крайне нелегко поставить себя в ситуацию старческого маразма.

— Как это? п-почему маразма? — я не успевал следить за ходом мыслей куклы Ляли.

— Я исключительно в положительном и творческом смысле имею в виду маразм. Я имею в виду то, что молодому человеку весьма нелегко выдёргивать из сумбурного потока мыслей всего один, самый правильный образ. Дабы утвердить его, творчески облагородить и показать бессмыслицу в очарование осмысленности для читателя и слушателя.

— Сп-спасибо вам. — я отложил гитару и попробовал поклониться кукле Ляле. — Так высоко моё творчество ещё никто не ценил. — Душевнейшее ваше нам сп-спасибо!!

— Главное, что поэтической эфирности в этой песне много. — подхватили похвалу Ослиные Уши. — В том смысле, что много непритязательной, но волнующей лёгкости.

— И с уважением к неоднозначности собственной персоны. — заметила Нога. — Что будет очень полезно услышать нашей молодёжи для повышения своего интеллектуального уровня.

— Да, это научит молодёжь относиться более внимательно к поискам своего места под солнцем. — согласились Ослиные Уши. — Возможно, это их сподвигнет взять пример с тех, кто мыслит неординарно, чтоб самим начать жить не по шаблонам. Как вам кажется, Филушка?.. Вы сможете быть убедительным для нашего молодого поколения?..

— С-смогу. Нефик делать.

— Вы знаете те завлекательные пути, по которым надлежит направиться молодому поколению, да так, чтоб одновременно следовать за поколением взрослых и не сбивать его с ног?

— К-конечно. Это я знаю, как никто другой.

Кукла Ляля робко прикоснулась к моему плечу. Казалось, что в этом маленьком существе, подверженном ежедневным доверчивым сумятицам и творческим порывам, восторжествовало истинное восхищение перед чужим талантом. Перед заблудшим, но достаточно осязаемым гением. Изгнанным из рая, дабы создать свой собственный земной мир.

— Филушка... — спросила она у меня. — Немедленно признайтесь мне, что вы — немножко философ?.. Хотя бы самую чуточку.

— В чём дело? — пьяно усмехнулся я. — С чего вы это взяли? Решительно отказываюсь вас понимать!..

— Ну, вот мне запомнилась эта метафора про слегка чужого, пребывающего в себе, и я решила, что она произрастает из очень важных размышлений. Что где-то глубоко внутри вас она доминирует над чувствами мести и обыкновенного покорства судьбе... У вас крайне сложные взаимоотношения с людьми, и я догадываюсь, что вы ищите какого-то человека специально для себя, но при этом не нарушаете своего одиночества, поскольку одиночество — это тоже способ поиска кого-то нужного. Иногда и одиночество избавляет от одиночества!..

— Хм. — скосил я глаза на стаканчик вина с водкой. — Как это всё интересно и печально, и немного безрассудно... мда...

— Разумеется, безрассудно, ну и что! — с новым наплывом восхищения зашебетала кукла Ляля. — Вам, Филушка, конечно тяжелее нашего управляться с различной чертовщиной в голове, ибо ваша голова странствует у вас на плечах, и вам приходится беречь её и терпеть всяческие неумные выходки. Но вы всё-таки справляетесь со своей задачей, а, значит, вы истинный философ. Даже самый страшный грех, которой вы сможете взять на душу — даже если это будет убийство — это будет философический грех. Замолить его и позабыть — раз плюнуть.

— Это вы так осмыслили мою песенку?? — я подпёр щеку кулаком, чтобы помочь голове не свалиться на стол. — Тогда, знаете ли, я в любом случае... т-точно... философ!!

— Ах, неужели — самый настоящий философ? Вы не лукавите, Филушка?..

— Н-никаких сомнений!! Натуральным образом — философ!!

Кукла Ляля лучисто светилась.

— Меня очень интересуют ваши скупые, но характерные слова. — произнесла она. — Философы обыкновенно сумерничают, подобно старикам, вечно всем недовольным, им лень перед простыми смертными вволю зафилософствоваться. Они отчасти и презирают ближнего своего. А вы нас не жалеете, мелете, что на ум взбредёт — спасибо вам.

— Пожа-а-алуйста! несомненно!.. мне не трудно...

— Милый вы наш милочка! — вкусно заклокотали Ослиные Уши. — Вы бесцеремонно

уникальный человек, такие как вы — в наших краях на вес золота!.. Дорожите ли вы собой настолько, насколько способны достойно оценить?..

— Я??? — я бесстыже расцвёл от похвалы. — Я регулярно себя по-всячески ценю... это несомненно, как будто бы так... я вообще не понимаю ложной скромности — зачем вводить в заблуждение добропорядочное сообщество?.. Н-нахер надо.

— Вот-вот, я всегда считала, что это подло по отношению к другим — называть себя дурочкой, когда ты совсем не дурочка. — сказала кукла Ляля. — Если дурочек и без меня хватает, зачем мне быть ещё одной дурочкой?.. Никому от этого не станет легче.

— Дурочек нам вовсе не надо! — активно запротестовал я. — Нам с дурочками не по пути.

— Вот признайтесь! признайтесь, Филушка! — потребовала кукла. — Если б я выдавала себя за дурочку, то смогла бы я оценить ваши таланты и шепнуть на ухо Ослиным Ушам, что «Филушка у нас величайший умница и уникальный человек»?..

— Именно это она нам и шепнула на ухо. — подтвердили Ослиные Уши.

— Признайтесь, Филушка! Мне необходимо именно от вас услышать подтверждения своих догадок!.. — настаивала кукла Ляля.

— Я запросто подтверждаю все ваши догадки! — поспешил я удовлетворить кукольный запрос. — Вы можете смело догадываться и дальше о чём-нибудь, а я, возможно, буду это подтверждать!!

— Вот за что я вас и полюбила, Филушка! — готова была прослезиться кукла Ляля.

А Нога добавила:

— Мы все не напрасно полюбили вас, Филушка. Будьте уверены в наших почтительных чувствах.

Я удовлетворённо потёр вспотевшие ладошки об колени, заёрзал от нахлынувших похвал и залпом выпил стакан вина с водкой. Судя по всему, алкалоиды только и ждали этого стакана, чтоб заполнить большую часть моего организма.

— Знаете, что я вам скажу?.. Нашим лесным существам не помешало бы послушать умных речей. — продолжала вещать Нога. — Для чего ещё нам жить в этакой глухомани, если не в ожидании умных речей?.. Весь цивилизованный мир так живёт — а мы чем хуже?..

— Я здесь не вижу никаких проблем. — засуетилась кукла Ляля. — Я сейчас же побегу по окрестностям, и ручаюсь вам, что соберу самых умнейших существ нашего леса, и расскажу им про Филушку. Уверена, что те из них, кто ещё недостаточно одичал, поспешат сюда, что бы лично познакомиться с нашим гостем и восхититься его премудростью. Ты не возражаешь, Нога, принять ещё десяток-другой приятелей у себя дома?

— Пусть приходят — места всем хватит, можно и потесниться. — одобрила Нога идею куклы. — Они должны внимательно послушать нашего скитальца и научатся примирять свои поступки к его художественным выкладкам.

— Филушка постарается, я верю в Филушку! — легко подтолкнула меня в бочок кукла Ляля.

— Я?? — неуверенно покачнулся я, но поддался всеобщей уверенности и радости. — Это, конечно, всё так... будьте-нате... за мной не заржавеет...

— Наш гость наверняка проковыряет для нас суть Альфы и Омеги, а также отколупнёт то, что незаконно присосалось к Альфе и Омеге — сумму фальшивых прочностей... Правда, Филушка? — спросили Ослиные Уши.

— Так ведь — да! ноу проблем, Филушка! — квёло кивнул я. — Хай-живе-украина.

— Мы усядемся кружком. — празднично захлопотала кукла Ляля. — А Филушка уместится на этот стул, который мы выставим посреди кружка, и — слегка поворачиваясь то к одним слушателям, то к другим — начнёт учительствовать неиссякаемым запасом знаний, на пользу нам. Вы согласны, Филушка?..

— Э!.. я ведь н-никогдашеньки не думал, что могу быть таким полезным человечком... — благодушно загундосил я. — Э... что это вы такие ушки... хе-хе... симпатюшки!..

Я насколько мог аккуратно дотянулся через стол к Ослиным Ушам и ласково потрепал их за кончики.

Ослиные Уши вежливо поддакнули моей ласке, но отодвинулись в сторону.

— Ножка!! Ноженька!! — я изобразил с какой сердечной любовью мог бы приобнять Ногу, окажись она ко мне поближе. — Какая ты, п-право... необыкновенная!..

— Умница! — на удивление, с большой долей симпатии, прошептала Нога. — С каждой минутой уважаю Филушку всё больше и больше.

— Гений. — запросто высказались обо мне Ослиные Уши и выпили стаканчик вина с водкой.

— Ушки! — я снова попытался дотянуться до Ослиных Ушей, но не смог. — Ух вы какие ушки!.. ушки на макушке!..

Я упрямо и малоосмысленно шарил глазами по окружающей действительности, но глаза не могли обнаружить ни одной важной отчётливой точки, за которую можно было бы зацепиться, остановить взгляд и щёлкнуть функцию запуска памяти. Меня неудержимо клонило в сон.

— Значит, я побежала за гостями? — мигом очутилась у дверей кукла Ляля. — Отбор, я так понимаю, вести построже?

— Разумеется построже. — сказала Нога. — Нам кто попало здесь не нужен.

— Набекреня звать?

— Обязательно зови. Я и сама подумывала его в гости позвать, как только Филушку раскусила.

— Набекреня позову. — зажала палец на ладони кукла Ляля, чтоб не позабыть. — А Кутилу Кулевого звать?..

— Этого не надо, не зови... Этот только пьёт не в меру, а толку с него ноль. И беги, пожалуйста, побыстрее, ведь активность нашего философа — штука непослушная. Вдруг опять начнёт дуреть.

— Ага!! — кукла Ляля покинула домик Ноги и помчалась по лесу в поисках умнейших существ.

Ей несомненно сопутствовала удача в эту ночь, неиссякаемую на чудеса. Лесные мудрецы собирались в компанию легко и деловито. «Ах, Филушка! — даже так говаривал один из них. — Знаю такого, как же не знать! давно мечтал встретиться!..» Врал, конечно, но мне было приятно.

— Филушка, вы вздремните чуток, это не беда. — мягко разрешила Нога. — Если чего интересное случится — мы вас разбудим.

— Ещё граммов пятьдесят не желаете? — намекнули Ослиные Уши на свежераскупоренную бутылку.

— Н-не... н-не желаю... — мирно произнёс я и предался пьяненьким размышлениям, напрочь отвлекаясь от беседы Ослиных Ушей и Ноги.

...Чего это такое болтала кукла Ляля про меня, про убийство, которое я могу совершить?.. беспардонно пакостная чушь, которая может прийти в голову только безголовому существу... мне ли (мне!!!) суметь решиться на убийство?.. вы проследите внимательно за моими поступками, за моим трусливым поведением в течении всего текущего повествования (В ТЕЧЕНИИ ВСЕГО ТЕКУЩЕГО — хм... масло масленое...) найдите хоть что-нибудь, указывающее на мою жестокость и похотливое утоление истеричных желаний... нет, я не опасаюсь своей посредственной клоунадой прослыть за человека, которого хочется всегда жалеть и жалить, с которым можно обращаться, словно с чудаковатой обузой, а при случае можно загнать в угол и с садисткой терпеливостью вынуждать к убийству... у меня имеется чёткий инстинкт выживания и он украшает многие мои убеждения, мою иронию по отношению к окружающей действительности... и если я в себе не смогу выработать до конца безразличия к собственной телесной смерти, умение ловко определять игру случая — всего-то какую-то перекоканную и перештопанную игру случая, благодаря которой я очутился здесь, выпрыгнул из дурацкого поезда — то зато давно научился ценить понятность любой чужой смерти, её подлового-законную необходимость... и дело не только в гибели стаи волков — смерть этих мерзавцев никого и ничему не научит... я молод, но уже давно превратился в циника... безобидного, нужно правду сказать, циника... исследуя сотни опубликованных пророчеств и комментариев к ним, я стал неизлечимым ёрником, но — вместе с тем — и научился многое прощать, или просто не обращать внимания.... обращал ли внимание библейский Адам, изгнанный из рая, на то, что вытворяют его дети с собой?.. для меня Каин и Авель не символы признанной всеми гибкой библейской мудрости, уснащающей и оценивающей варево человеческой жизни, варево характеров... Каин и Авель не представляются мне жуткими украшениями зари цивилизации в стиле активной альтернативы бытия друг для друга... для меня они не антагонисты... в моём разумении они некая единая величина, удобная для осмотра со всех сторон, некое целостное полноправное животное, создающее себя — свою дорогостоящую личность — через казнь, через некий самосуд... и если самосуд кажется кому-то неубедительным уходом от проблем, то я постараюсь напомнить вам об изначальной примитивной сущности жизни человека на земле, при которой самосуд мог являться необходимым средством, после которого непременно кому-нибудь становилось легче, а в обязанности человека всегда входила забота о комфортабельности своих родных и близких, поскольку, заботясь о других, мы заботимся о себе, и тогда получается, что Адам, изгнанный из рая, только затем, что умереть в конечном счёте, сначала убивает собственного сына, пусть даже не своими руками, а руками другого своего сына, и вот теперь я — сжавшись и сосредоточившись — обретаю в себе, словно последнее духовное совершенство, истерию детоубийства, и мчусь со своим прекрасным вдохновенным детоубийством в какой-нибудь омут, в государствообразующую клоаку, в античный ад, где чертей подменяют очеловеченные пороки и похоти предыдущих поколений, и я влетаю туда витязем на белом коне, очами сверкая и вытаскиваю звонкий меч из ножен: «Сын мой! где ты? слышишь ли ты всё это?..» — «Слышу-у!..» — ответит подавленный дрожащий голосок, и я, пришпорив обезумевшего коня, устремлюсь на этот голосок, скуля от нетерпения, алчущий вкусной сыновней крови, помахивая величественно-обнажённым мечом!.. я есть такой, каким меня придумал Бог...

Больше всего на свете я боюсь самого себя.

ПРАПОРЩИК УДУШЕНКО

В отдельном купе поезда, уносящего призывников в воинскую часть, поближе к фронту, расположились прапорщик Удушенко и старший сержант Ломтёв. Прапорщик угощал младшего товарища трофейным вискарём, хвастаясь своими связями и авторитетом в высших кругах. Сержант Ломтёв всегда рад был выпить что покрепче, хотя предпочитал коньяк. «Раньше и молдавский коньяк был приличный, и дагестанский... — душевно бормотал сержант. — А теперь ничего нет, всё подевалось куда-то, все воюют друг с другом. Хер нам теперь получается, а не коньяк.»

— Да как ты вообще можешь пить этот клоповник? — возмутился прапорщик. — Это же не бухло, а отстой. Поверь моему опыту, сынок: в вискаре вся сила пьянства, все тайны и смыслы... особенно если шашлычком закусывать... особенно когда на природе...

— А водка?

— Да, водку я тоже уважаю, только хорошую. Могу и чистого спирта дерябнуть с удовольствием, но после него башка болит. После вискаря тоже болит, но как-то по-особому отвратительно, не так, как с водки. Тоски нет с вискаря.

— Наш военком тоже трофейный вискарь жрёт по пятницам, прямо в кабинете. Говорит, это напиток богов, кровь воинов Валгаллы. Правда, лимонадом его бодряжит. Без лимонада не может пить, не лезет, говорит.

— Если лимонадом бодряжить вискарь, то это жесть какая-то. — высморкнулся прапорщик. — Ладно, если просто запивать, но разбавлять — это себя не уважать. Я обычно наливаю полстакана, добавляю три кубика льда и пью, смакую. Если мяса в доме нет, можно плавленым сырком закусывать. Некоторые любят оливки, но я оливки тоже за еду не считаю, как и маслины разные. Не люблю. Блевать тянет.

— Все люди разные потому что — примирительно высказался сержант Ломтёв. — Родились разными, и кто чего любит, тот тем и доволен. Одни футбол любят, другие хоккей. Третьи просто хотят в картишки перекинуться. В буру можно или в дурачка.

— Да какая разница — разные мы или не разные — если от футбола вашего тоже блевать тянет?.. — сплюнул и утёр рот прапорщик Удушенко. — Вот какой смысл в этом футболе — ты мне можешь сказать?.. Бегают чего-то по полю, недоумки какие-то, мячи пинают... куда? зачем? за что люди зарплату получают?.. Я этого не понимаю.

— Да я футбол тоже не особо смотрю, просто если дома нечего делать, а футбол показывают по телеку — тогда смотрю. Под водочку или коньячок. Я ведь не улыбочивый человек по жизни, а тут посмотришь на дураков и посмеёшься.

— Жизни радоваться — это хорошо, это нужно. Посмеяться тоже полезно. Прожил день, не сдох — уже хорошо, уже смешно. Положительный исход дня.

— Вы так думаете? — удивился сержант.

— Я так думаю, что человек даже помирать должен со счастливой улыбкой на губах. Иначе, считай, жизнь прожил зря.

— Вы, товарищ прапорщик, сугубо позитивного склада человек. Немного завидую.

— Я тебя тоже житейской радости обучу, держись меня ближе... Я воспитанием молодёжи который год занимаюсь, и ещё никто не жаловался.

Дверь в купе распахнулась без стука, и прапорщик с сержантом разглядели сильно взъерошенного невыспавшегося ефрейтора Дерево.

— Товарищ прапорщик... — запинаясь застрочил ефрейтор, преодолевая коварную сонливость. — У нас призывник, кажется, сбежал... на ходу из поезда выпрыгнул...

— Как сбежал?.. куда сбежал?.. кто?.. — прапорщик Удушенко тяжело приподнялся с места и сжал в кулаке наполненный стакан.

— Да вроде этот Филушка ваш, патлатый... Его сосед рассказал, что видел, как Филушка в тамбур выходил покурить, а потом долго не возвращался. Тогда он сам заглянул в тамбур, а там дверь нараспашку и никого нет. Выпрыгнул сука на ходу. Кажется, так.

Прапорщик сипло протяжно прорычал, выплеснул стакан вискаря в лицо ефрейтора, тут же и вмазал по этому лицу оплеуху, и заорал:

— Остановите поезд!! Я вам приказываю остановить поезд!!

Ефрейтор мигом помчался через вагоны к локомотиву, чтоб передать машинисту срочный приказ.

— Я эту падлу догоню и из-под земли достану!! — скрежетал прапорщик Удушенко. — Где тут у нас стоп-кран?..

Старший сержант Ломтёв указал на стоп-кран и сам же дёрнул его вниз, вынуждая эшелон остановиться с глухим сердитым бречением.

— Срочно телеграфируйте в Москву, в Кремль, президенту!.. — распорядился прапорщик, брызгая слюной и махая пустым стаканом, желая разбить его об чью-нибудь вражескую голову. — Требуйте прислать сюда дивизию морских пехотинцев, вертолётные войска и кинологов с собаками. Скажите президенту, что я лично этого требую. Лично!!

Радист принялся отбивать сообщение.

— Я обязываюсь отыскать сбежавшего во чтобы то не стало!! — орал прапорщик. — Обещаю найти гадину и покарать!.. Двигай поезд назад. Скажите машинисту, чтоб полз обратно.

Эшелон нехотя попёрся назад, разрушая все правила и предписания железнодорожного сообщения, и через час остановился на безлюдном полустанке, окружённый шершавыми потёмками и бесцветным сиянием луны.

— Дайте мне рупор! — потребовал прапорщик Удушенко, выскочил на перрон, едва не подвернув ногу, и задулив стакан вверх. — Я буду говорить громко и только один раз. Я дважды повторять не буду.

— Товарищ прапорщик, — поспешил отрапортовать радист. — президент дал вам поручение поступать, как считаете нужным. Президент вам всецело доверяет.

Прапорщик Удушенко с гордостью ткнул кулаком себя в грудь и, не дождавсь рупора, яростно заголосил в сторону леса:

— Филушка!.. Лучше выходи сам подобру-поздорову!.. Я тебя, гадину, всё равно найду!.. От прапорщика Удушенко ещё никто не убегал!.. Филушка, ты слышишь меня?..

Дремотно и равнодушно отмалчивался ночной лес. Что-то холодное и липкое упало на лицо сержанта Ломтёва, и он догадался, что это снежинка. Совсем ранняя осенняя снежинка.

— Зима скоро. — сам себе прошептал сержант.

Длинный и жалобный гудок локомотива погрузил весь мир в оцепенение.

ПРИСНИЛОСЬ

Кукла Ляля рыскала по лесу, чтоб собрать компанию из местных мудрецов, соблазняя их неслыханной философской вечеринкой. Ослиные Уши и Нога, откупорив ещё одну бутылочку вина с водкой, вели беседу долгую и весьма странноватую. Ослиные Уши не отличались тактичностью и были весьма напористым существом, местами раздражительным. Немалое количество выпитого алкоголя только усугубляло обидчивость.

Меня стало безудержно клонить в сон, я не хотел вслушиваться и вникать в малопонятный разговор. Я бы решился немедленно заснуть, если б не опасение оказаться в глупой ситуации. Вообразите себе: приходят гости, приглашённые куклой на долгое общение и, вероятно, желающие на бессознательном уровне очеловечиться, а тут я дрыхну без задних ног!.. (в старинной поговорке почему-то так и говорится БЕЗ ЗАДНИХ НОГ! вероятно, имеется в виду шуточный настрой автора поговорки или некоторые особенности структуры человеческого тела в те незапамятные времена, когда выдумывалась поговорка) «Э! — грустно сказали бы гости, столпившись у двери. — Обещали нам философа, а здесь какой-то пьяница дрыхнет!..»

«Как будто нельзя чуток заснуть? — сердито подумал я. — Усталость от пережитых невероятных событий и алкоголь несомненно одолели меня, поскольку способны одолеть любого человека — что ж в этом лично для меня позорного?.. Любая нервная система ищет элементарного покоя и отдыха, хотя — чёрт его знает — быть может, все эти Ноги, Уши и прочие диковинные существа совсем не спят!.. На кой чёрт тогда мне с ними ровняться?..» Сообразив эти обстоятельства, я бережно уронил голову щекой на скатерть, сладко зевнул и заснул... привычные мысленные муравьишки юрко зашевелились, загомозили бархатными клубками колыбельных песен, потащили всяческие неведомые мне брёвнышки и палочки в свои щели, где принялись за сотворение сна... и вот снится мне такое дело...

я, значит, иду голый, укрывшись всего-навсего длинным одеялом, иду по зимней дороге, иду спешно, но, однако, ничему не удивляясь, будто тысячу раз шёл по этому пути, укрывшись одеялом... меня окружают завораживающие зимние пейзажи, заиндевело воздымаются огромные ветвистые деревья, облепленные сытыми вороньими гнёздами... гладко-белёсое небо, подверженное лёгкому искажению, так низко нависает над заснеженной, промороженной землёй, что напоминает дешёвую театральную декорацию... под моими ногами раздаётся хруст, словно тревожный астматический кашель... навстречу мне движутся незнакомые случайные люди с натянуто-безразличными лицами, с гипнотизирующей кривизной в своих длинных рельефных фигурах... они едва ли обращают внимание на меня — чудака, семенящего босиком по морозу, укрывшись одеялом — да и я нисколько не испытываю стыда за свою наготу, я иду, поддавшись какому-то приятному внутреннему насилию и игре системе утерянных координат... я иду к себе домой, не очень соображая, откуда вышел... я почему-то уверен, что давно не был дома, и оттого тороплюсь, мне опротивело ощущать голыми ступнями колючий снег, я нарушил в себе один из естественных порядков существования в мире, и теперь стремлюсь добраться в родное логово, чтоб восстановить душевное равновесие... гораздо сильнее, нежели короткие нелюбопытные взгляды неизвестных людей, меня настораживает и вгоняет в стыд всевидящее око меня самого!.. того меня, который сейчас спит и видит сон!.. наконец-то я подхожу к дому, к тяжёлому высотному зданию, увенчанному причудливым куполом, и я

проталкиваюсь через жадную, обмёрзшую толпу людей, зачем-то собравшихся у моего подъезда... я бесцеремонно и с весёлыми ругательствами разрываю этот шумный человеческий клубок, крепко цепляюсь за одеяло, что бы его не стащили с меня ради забавы, поднимаюсь над землёй и буквально влетаю в подъезд... но почему-то не испытываю того чувства уюта и покоя, о котором мечтал, шествуя по зимней дороге, торопясь домой... мне необходимо наградить себя какой-то понятной радостью, вкусным беззастенчивым счастьем, но радости-то во мне нет, а что-то мутное и требовательное выползает из меня, оставляя ощущение рассыпающегося песка... и вдруг совершенно неожиданно, без всякого внешнего воздействия, я испытываю сильное плотское возбуждение и решаю найти себе женщину, чтоб жениться незамедлительно, сейчас, тут же... но почему-то эта женщина не Танечка... не моя любимая Танечка...

— Да!! Приворожила меня Балда-то Ивановна!! — раздражённо шепчу я и заскакиваю в лифт, чтоб умчаться побыстрее в свою квартиру, чтоб убраться подальше от всех напастей.

Я нажимаю на кнопку, помогая лифту тронуться с места... собственно говоря, это уже не обычный лифт — узкая, тускловатая кабинка, медленно продвигающаяся в шахте — а огромный, помятый трамвайный вагон с ржавыми поручнями и разбитыми стёклами, стремительно и никем неуправляемо катящийся по бетонированному тоннелю, выбрасывая аттракционно-игрушечные фейерверки из-под колёс...

— Ты куда гонишь, придурок? — орёт мне прямо в ухо Балда Ивановна. — Останови трамвай, я слезу.

— Ничего, сперва поженимся, а там видно будет. — кричу я, отчего-то не наблюдая самой Балды Ивановны, а только слыша её визгливый прокуренный голос.

— Останови трамвай!! — требует Балда Ивановна.

Но я пробую успокоить её, говорю, что ничего страшного не произошло, что так и должно быть в нашей суетной жизни, что сейчас мы завернём вон за тот угол и начнём подниматься вверх, на восьмой этаж... тонкие полосы ледникового лунного света с геометрической правильностью рассыпаются по бетонным стенам, тоннель всё уверенней расширяется воронкой, а дребезг трамвайного вагона забивает слова Балды Ивановны, доведённые до отчаянного крика... грубо жестикулируя, я показываю, как прекрасен этот необыкновенный тоннель, как скоро мы поднимемся наверх, и какие замечательные вещи ждут нас двоих на восьмом этаже... и вдруг вижу позади себя нечеловеческую улыбку, которая указывает мне на людей, бегущих за нашим вагоном и пытающихся вскочить в него... я приглядываюсь к этим людям, и с испугом узнаю своих друзей и близких знакомых, причём тех, которые уже умерли, погибли на войне, которые уже никак не могут быть на этом свете!..

— Кто это? — не понимая смысла загадки, спрашиваю я сам у себя.

— Где? — орёт мне в ухо Балда Ивановна.

— Вот эти, что бегут за нами? — ору я, понимая, что никто меня больше не услышит.

Трамвайный вагон слишком скоро катится по туннелю, бегущие люди не могут его догнать, отстают и исчезают в холоде бетона... а вот мы наконец-то, с болезненно опасным клоном, не снижая скорости, поворачиваем за нужный угол и взмываем резко вверх!..

...но рядом со мной нет абсолютно никого... я погружён в обморочную тишину и почему-то не испытываю ни малейшего сожаления, что остался один... мне радостно подниматься вверх одному, куда-то к себе, из одной прочной решётчатой клетки в другую... я пытаюсь услышать порывистые толчки своего сердца и испытываю страстное

возбуждение...

...я поднимаюсь всё выше и выше... терпеливо дожидаясь конца...

...пространство сна стремительно сужается, сновидение окутывает темнота и спокойствие обречённости... и я в слепоте, в глухоте, в пыли, в холоде вечного покоя лечу всё выше и выше...

...всё выше и выше...

...выше и выше...

но почему-то с верёвкой на шее

НЕДОЛЮБИЛИ

Беседа между Ослиными Ушами и Ногой, повторюсь, была весьма странной. Ослиные Уши заметно нервничали, паясничали и принимались вести себя излишне грубо.

— Ты, дорогая наша милочка, ещё легко отделалась в тот раз. — припоминали Ослиные Уши какой-то случай, неприятный для Ноги. — Ты вовремя почуяла, что жареным запахло, и пошла на попятной!.. а Давай-Жуй с тобой бы управился в два счёта... он мужик лихой...

— Его зовут не Давай-Жуй, а Жуй-Давай. — подвыпивши сипела Нога. — А кто от кого ушёл на попятной — это ещё разобраться надо. Я, например, никуда не уходила.

— Статный мужчинка... Да разве точно его зовут Жуй-Давай, а не Давай-Жуй?

— Совершенно точно, не спорьте. Я с этим сорванцом с детства знакома.

— Да вам верить, конечно, себе дороже выйдет, но пусть будет Давай-Жуй... Всё-равно не запомню.

Ослиные Уши, не стесняясь вальяжной шатающейся нетрезвости, бродили по краю стола, останавливались перед спящим мной и убористо вздыхали, что-то тяжело обдумывая.

— Чего это наш Филушка так нализался?.. Вроде пил не больше всех.

— Устал просто. — сказала Нога. — Долго по лесу бродил, с Кулаковым-Чудасовым сцепился. Хорошо, я на помощь пришла, а так бы и помереть ему пришлось.

— Ах, с Кулаковым-Чудасовым... — тревожно кашлянули Ослиные Уши. — Знаем такого. Да разве он здесь бывал сегодня?..

— Бывал, конечно. — фыркнула Нога. — Припёрся со своей стаей, угрожал, сожрать всех хотел. Я, конечно, и позабыть-то обо всём этом давно позабыла, но честно скажу, что без моей помощи Филушке пришлось бы туго.

— Ну, ты, конечно, ещё та помощница. — поехидничали Ослиные Уши.

— А что такое?

— Да ничего такого, просто тебя Жуй-Давай мог бы запросто отлупить, у него руки на это дело сильно чесались, да вас друзья тогда обступили, принялись уговаривать, чтобы вы не ссорились. А ты воспользовалась хитрой минуткой и сбежала. Будь он Жуй-Давай или будь он Давай-Жуй, но ты стопроцентно его струсила и убежала. А что тут у вас с Кулаковым-Чудасовым произошло, это нам неизвестно. Но наверняка ты тоже в трясучку впала и дёру дала.

— Да не было между нами никакой ссоры! И от дураков я сроду не бегала.

— Радость ты наша, одни мечтания у тебя в башке развиваются не в нужном направлении, элегии придумываются... Слишком много ты уделяешь внимание внеличностной атмосфере, а за собой не следишь... сестрица твоя такая же чеканутая была, поверь нам на слово... а мы ещё помним, как ты со своей сестрицей по помойкам шлялась — вот уж когда элегиями не баловались ни ты, ни она. Забулдыги — одно слово.

— Не смейте говорить о мёртвых плохо.

— Да чего плохого-то?.. Ей надо было поменьше водки пить — сестрице-то твоей! — Ослиные Уши нарочно не расслышали протеста Ноги. — Это ты басенки рассказываешь про её удивительную смерть: мол, загадка сия покрыта таинством, и так далее и тому подобное... А нас сказками не охмуришь. Это ведь лично мы подмасливали следователя, взятку пытались дать, да только он честным оказался. «У вас, — говорит. — имеется подруга и претензия к её аресту, и мы вас отлично понимаем. Но у нас, — говорит. — местный глава

муниципалитета заживо сожжён в собственном доме и прокурор. А сожгла их ваша Левая Нога, будучи в нетрезвом подпитии и имея конечную цель государственный переворот. Таких мы даже за взятки не отпускаем.»

— Вздор! сплошной вздор! — рассердилась Нога. — Она просто прикурила не там, где надо, и случайно дом подожгла. Её бы нужно судить по статье за убийство по неосторожности, а следователь-поганец присобачил госизмену с высшей мерой наказания.

— Вот-вот... называется: покурила в неподобающем месте... Дура набитая.

— Попрошу вас не ругаться.

— Говорят, когда её на расстрел повели, она трижды поклонилась в разные стороны, перекрестилась и сказала: «Прости меня, народ лесной! Не оправдала твоих надежд и чаяний!..»

— Вы, Уши, выдумываете чепуху прямо на глазах и только для того, чтоб меня позлить. Как она могла перекреститься, если у ней рук отродясь не водилось?.. Я фактически выпимши сегодня, и меня позлить — сплошное удовольствие для вас. Чем вы и занимаетесь.

— И мы малость выпимши, но не хвастаемся. — Ослиные Уши назидательно пригубили из стаканчика. — Пожалуйста, ваше здоровье! мало покажется, так мы и ещё выпьем, пожалуйста! — Ослиные Уши опорожнили ещё один стаканчик и несколько секунд, изгоняя из себя настырную дурноту, переваривали выпитое. — Пожалуйста, нам для друзей ничего не жалко!.. Мы сами всегда гостей крепко привечаем, кормим и поим, у нас холодильник никогда пустым не бывает. Даже, помнится, в голодный год, гостей чем-нибудь прикармливали. Хотя бы порцией щавельку. Да у нас до сих пор тарелка с щавельком лежит в холодильнике на чёрный день. Пусть никогда никому не понадобится, но лежать будет.

Пьяненькая Нога имела очень недобрые представления о щавельке.

— Милочки вы наши ненаглядные! Что это вы сказали про холодильник, ну-ка повторите! — звонко фыркнула Нога.

— Мы сказали, что в голодный год, в пустой холодильник, можно и тарелку щавельку поставить — для каких-нибудь ненасытных особей будет вполне довольно.

— Ну, передавайте вашим родителям от меня низжайший поклон! — Нога со злонамеренным усердием расхохоталась. — Как говорится: привет родителям!.. И давайте забудем этот разговор, он меня смущает.

— Почему тебя смущает разговор о щавельке? — удивились Ослиные Уши.

— Не говорите мне ничего про щавелёк... фу-у...

— Чего ты всё фукаешь, красавица?

— А почему мне не фукать, если фукается?.. фу-у...

— Если ты придумала фукать на какую-то гадость, то поделись с нами своей претензией — мы не твердолобы, мы сообразим что к чему. Но щавелёк-то здесь причём??

— Фу-у... нет, я про это не могу спокойно рассуждать...

Ослиные Уши не оценили весёлой грубости Ноги и даже выудили личную обиду для себя.

— Ты не вздумала ли нас прославить похабниками, если мы не стесняемся щавелька в иной раз откусать? — приосанились Ослиные Уши. — Не вздумала ли ты такое обвинение скроить, будто мы, дескать, лжём про щавелёк с тщательным умыслом, ибо имеем склочный характер?.. Такой вот выходит разврат с нашей стороны?

— Позвольте, я не утверждала, что вы разврат делаете.

— Хорошо, разврат не делаем, а чего тогда делаем?.. Нет, уж если ты один раз

намекнула на какую-то пакость, то верши до конца свои обвинительные намерения, убедил нас в своей подлой правоте... приступай!!

— «Подлой-подлой»! — уязвлённо передразнила Нога. — А сами-то вы в сто раз подлей меня, потому что застращали тут всех щавельком, хоть помирай.

— Мы застращали??

— А кто? Я, кажется, с вами разговариваю, мне тут разговаривать больше не с кем.

— И вот мы взяли и всех тут застращали?? — ощетинились Ослиные Уши.

— «Щавелёк-щавелёк»!.. хоть кол на голове теши, а из таких разговоров вкусного навара не выщедишь и ничего путного не добьёшься... Нет, вот если бы сюда заявила Коза-Дереза щавельком страшать — я бы поняла и снисходительностью отмахнулась. У Козы-Дерезы имеется какое-никакое кулинарное образование. Но вот Уши-то на кой чёрт сюда припёрлись и меня безудержно щавельком стращают?..

— Мы тебя стращаем???

— Ты!

— Нет, образумься, милочка, не «ты», а «вы»! Нас двое!..

— Ты — мы, мы — ты... разница не велика... кажется, это пустяки, на которых и заикливаться не стоит...

— Извини, но разница огромная! разница значительная!.. изволь сосчитать и подумать, такие ли уж это пустяки!!

— Не буду я понапрасну считать лишний раз, если вас, конечно, двое, я не слепая. Но можно сказать и так, что «тебя двое»... Получается вроде того, что «два в одном».

— А для таких выводов, милостивая государыня, нужно иметь мозги совсем прохудившееся. Вот ты, судя по всему, такие мозги и имеешь.

— Если я мозги имею такие, которые вас не устраивают, то это не означает, что вы имеете мозги, которые бы устраивали всех, кого ни попадя. — Нога вроде бы не запуталась в своих выводах и хорошенько встряхнулась. — С вами что-то непонятно происходит прямо на глазах, я теряюсь в догадках.

— Да разобраться-то в нас не мудрено, надо только захотеть. Мы ни перед кем ничего не утаиваем.

— Тогда давайте, я вам преподам урок... — Нога попросила НЕВИДИМЫХ ПОМОЩНИКОВ добыть где-нибудь тарелку щавеля и поставить её на стол, что те мгновенно и выполнили.

— Чудишь старая... всё чудишь... — тревожно буркнули Ослиные Уши.

— Внимание, Ослиные Уши! — строго произнесла Нога и указала на щавелёк. — Признайтесь честно: узнаете ли вы этот продукт?

Ослиные Уши, угрюмо остерегаясь подвоха, осмотрели содержимое тарелки:

— Да, узнаём... это похоже на щавелёк...

— Замечательно!.. Я рада, что вы его узнали, хотя могу подозревать, что кто-то вам тихонько подсказал ответ... не Филушка?

— Конечно, не Филушка. — ухмыльнулись Ослиные Уши. — Он спит и ни черта не соображает.

— А ежели вы сами знаете, что это щавелёк, то теперь берите его и ешьте!

— Чего?? — опешили от неожиданного предложения Ослиные Уши.

— Ешьте!

Вот, оказывается, в чём заключалась изобретательная каверза Ноги. Она намеревалась

на личном примере Ослиных Ушей доказать, что щавель совсем нехорош и несъедобен. «Хитрющая, весьма хитрющая Нога! — подумали Ослиные Уши, которые влипли в непростую ситуацию. — Как бы нам, милочкам, половчей организовать, чтоб одновременно и съесть щавелёк и не съесть тоже?»

— А он не того?.. — придирчиво засопели Ослиные Уши. — Он не из помойной ямы выкопан?..

— Ага! — саркастически зашипела Нога. — Значиться, вы не желаете кушать щавелёк, и бродите вокруг да около?.. Значиться, правда целиком стоит на моей стороне, когда я вам говорила, что щавелёк несъедобен, а вы надо мной насмехались и намекали на идиотизм... Согласитесь теперь, что это именно вы насочиняли глупостей, попросите у меня прощения, или я не знаю, как дальше с вами поступать и чего вам ещё доказывать.

— Да мы бы с удовольствием поели ваш щавелёк. — Ослиные Уши робко пошаркали куриными лапами. — Слава богу, мы едали всякого и в каких только перипетиях не побывали... и одеколон употребляли с похмелья, и старыми носками занюхивали — мы на жизнь не жалуемся, прожили — как говорится — и слава богу!.. Но вот как раз сегодня у нас настроения нету, соответствующего удовольствию для поедания щавелька. И то, понимаешь ли, нам не так, и это не этак!.. Давай-ка, любимая подруженька, забудем про всё плохое, скушаем гуся какого-нибудь зажаренного, что б отлакировать обмен веществ, и расстанемся друзьями.

— Ага! — продолжала саркастически шипеть Нога. — Вы, оказывается, только выступать горазды с неопределёнными возражениями и пакостными замечаниями, а как дело доходит до того, чтоб ответ держать — вы сразу прячетесь в кусты! ищите, дескать, нас там!..

— Зачем же ты нас унижаешь, Нога? — плаксивым тоном залопотали Ослиные Уши. — Поверь, что когда-нибудь тебе будет стыдно за эти слова, обязательно будет стыдно!.. Мы их тебе припомним потому что.

— И не капельки не унижаю, а подхожу к проблеме адекватно, поскольку вы на это напросились... Вы утверждали, что готовы тоннами жрать щавелёк, а сами даже тарелку не сожрали — вот таким образом правда жизни и рассчиталась с вами по гамбургскому счёту! Спросите с неё квитанцию — сами всё увидите!

— Ты, милочка лесная, переворачиваешь всё с ног на голову, и вот сейчас тебе будет стыдно, обязательно будет!.. Мы ведь про голодный год говорили, когда, кроме щавелька, жрать нечего. А разве сейчас голодный год?..

— Ну, разумеется, вы намерены и дальше утверждать, что я такая вся из себя язва злопамятная, что готова вам шпильки подпускать... — запыхтела Нога. — Хотя, на самом-то деле, я к этому вовсе не готова и не стремлюсь стать готовой... Знаете, Ослиные Уши, вы меня постоянно зачем-то неправильно понимаете. Давайте я попробую разъяснить вам свою позицию поточней.

Ослиные Уши выжидательно ухмыльнулись.

— Значит так. Я хочу сказать, что вы лично не очень виноваты в своих идиотских представлениях о щавельке. Я думаю, что некий отъявленный негодяй, пользуясь особенностями вашего вида, принял вас за ВИСЛОУХИХ УТЫРКОВ, и с дерзким умыслом ввёл в заблуждение по поводу съедобности щавелька. Он — злодей — наболтал вам различных невероятностей, а вы по привычке уши и развесели!! ха-ха!!

Замечание Ноги про ВИСЛОУХИХ УТЫРКОВ прозвучало крайне обидно для Ослиных

Ушей. Они мгновенно выскоблили оскорбительные нюансы из этого замечания (что не представляло сложности, поскольку целиком это замечание состояло из оскорбительных нюансов) и едко ощерились.

— Этот злодей и негодяй, — продолжала разглагольствовать Нога. — либо знал, либо догадался о том, что с вами можно не церемониться, а — напротив — можно всячески обманывать.

— Нет, погоди, милочка, давай уточним: кого именно в данный момент ты величаешь ВИСЛОУХИМИ УТЫРКАМИ с развешанными ушами?

— Я??

— Конечно, ты. Нам не терпится узнать: кого именно ты так величаешь?.. Кто тот разнесчастный счастливец?..

— Ну... кое-кого... — понесла ахинею Нога, не понимая возможности выкарабкаться из досадного положения.

— Нам важно знать, кого конкретно ты имела в виду, произнося этот дрянной манифест?.. Просто и чисто по-человечески хочется узнать: кого?.. Надо немедленно уточнить!

— А, уточнить... да-да, конечно, я вам всё уточню... погодите...

— Соберись с духом, ты же, оказывается, тут у нас самая умная. Давай уточняй!..

— Да с полпинка!!

— Ну!!

— Вам очень интересно знать: кого?

— Да!! кого?? — требовательно заорали Ослиные Уши.

— А вот вас. — выпалила Нога, которую уже достал этот бестолковый и злой разговор.

— Ах ты, милочка этакая, ещё и не стесняешься ругаться почём зря? — заскрежетали Ослиные Уши. — Ты при постороннем человеке величаешь нас дураками без всякого сомнительного извинения, да ты же ещё в душе и смеёшься над нами??

— Прекратите орать! — в свою очередь возмутилась Нога. — Час от часу ваше поведение становится нетерпимей, и мне кажется, вы напрашиваетесь на то, чтоб вам выволочку дать!.. Нашли к чему прицепиться: уши, понимаете ли, у них какие-то такие особенные, а нисколечко не развешанные!.. Сидели бы дома с таким характером и любовались собой.

— Да-с, милочка, у нас характер-с! — высказали старорежимное дворянское ухарство Ослиные Уши. — Почтительнейши просим заметить: характер-с! нрав-с!.. Ты, значит, и выволочку не против нам задать, и пенделями наградить куда попало — и нам кажется, что именно за этим в гости и позвала-с!.. да-с, выволочку-с... а предварительно, значит, надо понимать, что, для поднятия настроения, решила нас при постороннем человеке унижать руганью и оскорблениями, непозволительными среди друзей и мало-мальски воспитанных людей... что-с?.. да, мы глупы настолько, что и звания ВИСЛОУХИХ УТЫРКОИ недостойны, обстоятельства наши гораздо хуже, ненаглядная ты наша... пусть будет так!.. пусть мы будем с развешанными ушами, а ты пусть вволю посмеёшься над нами!.. Тебе всё это зачтётся.

— Заладили свою ерунду: «при постороннем человеке» да «при постороннем человеке»!.. А Филушка не слышит ничего, спит спокойно и не привередничает, как некоторые.

Несомненно, я крепко спал, и тот удивительный сон, пересказ которого я привёл ранее,

тому доказательство. Но, как говорится, масла в огонь было подлито с избытком, и Ослиные Уши не могли остыть и утихомирить свой гнев. Ослиные Уши сжали куриную лапку в хрупкий кулачок и старательно погрозили им Ноге.

— Даже если Филушка и спит-с!.. Так неужели он тем самым даёт тебе право величать нас срамотой?.. Почтительнейши просим отныне узнать и намертво запомнить: мы тебя, дорогая милочка, ненавидим!! Ты для нас — всего-навсего заурядная сволочь!.. Вот так-с.

— Ой ли? — Нога повысила голос до высочайшей издёвки. — Ну и что теперь?.. Обидитесь?..

— Не ойкай, голубушка, теперь тебе точно будет не до ойканья!.. И не нукай, не запрягла!.. Нам теперь всё равно, и мы тебе прямо так и заявляем: мы тебя всю жизнь ненавидели!.. И стаю волков сюда направил не заяц Обшмыга. Вернее, конечно, заяц, но это мы ему подсказали, что ваш дурацкий Филушка припёрся сюда, и что это дело разобрать надо со своей строгостью. Кто такой — этот Филушка?.. Нахера ты его привечаешь в своём доме?.. Что вы тут оба затеяли против нас?.. Тебя, барыня-сударыня, волки должны были сожрать и не подавиться. А мы бы этому страшно радовались!!

— Что вы такое говорите? — опешила Нога. — Как такое может быть?

— А вот так и может!! — подленько захихикали Ослиные Уши. — Потому что ты всегда доводишь нас до слёз, а сама радуешься. Но сегодня отольются кошке мышкены слёзы... гляди, теперь, что мы с тобой сделаем!!

Нездоровый приступ обиды пробудил в Ослиных Ушах совершенное бешенство. Они яростно затопали куриными лапками по столу, зашипели жирно-булькающими проклятиями и изрыгнули из себя лютую фурию. Ослиные Уши схватили со стола кухонный нож, остро прищурившийся для меткости, одним прыжком очутились рядом с Ногой и принялись наносить ей удары ножом один за другим!..

Удар!.. Ещё удар!.. Ещё!.. Ещё!!

Нож урчал смятённой страстью, судорожно проникал в непривычно-лакомую мускулистую плоть, разрывал податливые ткани и незащищённые вены, подкармливая своё возбуждение хлынувшей кровью!..

Ещё удар!.. Ещё!..

Нога — захмелевшая бедняжка — даже не смогла увернуться от ударов, отскочить в сторону, чтобы защитить себя от убийства. Она даже не нашла в себе сил для крика, чтоб позвать на помощь НЕВИДИМЫХ ПОМОЩНИКОВ. Смертельная боль и ядовито-сладкая тупая слабость за считанные секунды уничтожили её, кровь отхлынула от сердца. Нога шумно рухнула под стол мёртвым израненным поленом.

— Довела-таки до цугундера, милочка!! — Ослиные Уши уставились на труп Ноги, трезвея и торопливо обдумывая случившееся.

Содеянное зло ещё не становилось навязчивым мучительным кошмаром, но порождало грубый парадоксальный цинизм, с которым убийца жалеет не жертву, а себя самого.

— Сейчас быстро свалим к себе домой, а если нас начнут расспрашивать о преступлении, то мы скажем, что ничего не знаем и сами недоумеваем!..

Ослиные Уши встали в позу НЕДОУМЕВАЮЩЕГО ОСЛА:

— Нет-нет, граждане следователи, в этом вопросе мы вам не помощники. Мы тепло попрощались с Ногой и домой ушли, а что там дальше было — того ведать не ведаем... ищите, как говорится, ветра в поле!..

Ослиные Уши ни при каких обстоятельствах не желали ссориться с правосудием.

— А что, если мы и до дома добежать не успеем, как нас сцапают?.. И что тогда?

Ослиные Уши вспомнили, что даже в этом лесу существует строгое законодательство, применение которого к пойманным преступникам, ещё никем не отменялось. В случае совершения бесполезного убийства (что, собственно говоря, и содеяли взбешённые Ослиные Уши), законодательство не делает поблажек.

— Значит, нас ожидает скорый суд и казнь? — всполошились Ослиные Уши. — И каким способом нас решатся умертвить... электрическим стулом?? гильотиной??

— «Что висишь, качаясь, тонкая рябина-а?..» — не просыпаясь пропел я, следуя во сне по долгой обледенелой дороге. — «Головой склонилась до самого тына-а...»

Я весьма слабо подозревал о том, что такое «тын», и совсем не мог знать о совершённом жутком убийстве. Я слишком крепко спал, я видел во сне себя и любимый город, видел людей, занятых собой и каким-то важным государственным делом. Слишком занятых, чтоб обращать на меня внимание, чтоб хоть о чём-нибудь предупредить.

— А это, я доложу вам, мои милочки, всенепременно интересно!! — Ослиные Уши зацепились за гнусную мысль, вдруг возникшую в их мозгах, после чего присмотрелись ко мне внимательней. — Очень интересно и хитро!! Почему бы нам и не поступить именно так?..

Распознав в моём бестолково-тоскливом сонном бормотании утешительное знамение, Ослиные Уши наполнились приятным холодком ещё одного злодеяния.

— Кажется, мы придумали, как нам выкрутиться и не попасть в лапы правосудия. — хихикнули Ослиные Уши. — Кажется, нашей проворности нет предела, и очень хорошо, что поэтической совестливости мы не поддаёмся... насрать-то нам на совесть и мораль... А??

Ослиные Уши быстренько оглянулись по сторонам, дабы убедиться в том, что за ними точно никто не подглядывает.

— Немножко жалко, конечно, Филушку, ведь мы успели его полюбить, но — признаемся честно — всё-таки недолюбили, а в этом-то и заключается развязка злодеяния. — Ослиные Уши нагнулись к моей голове, словно желая услышать, что творится у меня внутри, но я лишь заботливо посопел. — Перед нами, в данную минуту, встаёт один вопрос: кого любить больше: себя или Филушку?.. Вопрос не из простых. С одной стороны, нас подталкивает к электрическому стулу навязчивый факт свершившегося убийства, а с другой стороны обнаруживается Филушка — случайно встреченный странник, который и жить-то, быть может, не хочет в бесконечном однообразии странничества, просто до сих пор ему никто этого детально не разъяснил — и на него можно свалить вину за преступление... Мы даже уверены, что эту вину нужно свалить на Филушку, поскольку его изгнание из рая наконец-то подходит к логическому разрешению, а мы получаемся тут ни в чём невиноватые, поскольку не мы всю эту историю затеяли изначально... Ни жизнь, ни смерть, ни мир или война — нами не выдуманы, мы тут ни при чём. Мы просто попали с Филушкой в одну ловушку. Но мы нашли выход из неё, а он — нет!!

Затем Ослиные Уши вложили окровавленный нож в мою ладонь, осторожно сжали пальцы на его рукоятке, и стремительно выбежали на улицу.

— Всё обрыдло!! Ох, как нам всё обрыдло!! — ворчали Ослиные Уши, скрываясь в пелене робкого рассвета.

Через считанные минуты после бегства Ослиных Ушей, в домик завалилась весёлая компания умнейших лесных существ, собранных куклой Лялей. Сама кукла первой влетела в комнату и упоённо затараторила, не замечая сотворившегося злодеяния.

— Филушка, Нога, дорогие мои друзья!.. Вот я и вернулась — как обещала, не одна!! Встречайте нас, знакомьтесь, собирайтесь в уютный философский кружок!.. ух, как я запыхалась... ещё бы не запыхаться, если носишься по лесу, сломя голову, то сюда то туда... Хорошо, что не потратила много времени на уговоры и пересуды. Иногда требовалось всего-то сказать: «Братцы-мудрецы, в домике Ноги нас дожидается Филушка!..» И слышала в ответ счастливые восклицания. Очень многим не терпится вступить в философские пересуды!.. Нога, голубушка, ты меня слышишь?.. Привечай гостей, рассаживай их в кружок и угощай чаем... ух, и запыхалась же я...

Небольшая, но шумная толпа гостей разбрелась по комнате. Низкорослые и высоченные, нескладно сбитые и утончённо-изящные, молчаливые и смешливо-крикливые — если бы я сейчас не крепко спал, я бы внимательно разглядел каждого гостя, со всяким бы познакомился и узнал поближе. Я всегда верил, что мир премудростей намного разнообразней и необычней того, к чему привыкает здравый ум.

Самой последней закатилась на колёсиках гладко выбритая лысая голова, в которой узнавался Толик Шикльгруббер.

— Предоставьте мне вашего изыскателя премудрости! — с юношеским задором потребовала голова Шикльгрубера. — Лично я готова внимать ему как можно долго и безудержно!..

— Где же, где же ваш хвалёный Филушка? Отрывайте его от насиженных палестин и явите в полной своей фактуре! — извилисто улыбался Набекрень. — Я от жизни только полноты счастья хочу, а потому и домогаюсь умствования. Именно сегодня и именно сейчас.

— Все умными стать хотят, нынче времена такие подлые — без ума лучше никуда и не соваться. — завистливо приносивалась к пустым стаканам на столе 中国的长城.

— «Умному попу лишь кукиш покажи, а он и догадается, что в нём за грех!» — принялся припоминать шутки-прибаутки Набекрень, заодно приоткрывая дверцу чулана, в котором находились залежи нераскупоренных бутылок.

— Я вот тоже ума хочу. — досадливо сообщил Тряпичный Человечек. — Ведь если ума нету, а разных недостатков полным-полно, то и всяческих случайных подлостей получишь с лихвой. Сотворишь нечаянно какую-нибудь гадость и даже не заметишь. А карме — минус.

— Жить неумным человеком нехорошо, да и боязно! — практически хором заявили 中国的长城 и Набекрень. — Дурака обидеть легко.

— Да уж, простого человека объегорить запросто. — мягко закричала Вежливая Уточка. — Любую дрянь можно втюхать, особенно если умело похвалить. Допустим, отдельные пронизательные умы к рекламным вывескам не приспособлены и осознают их нечистоту, а масса, между прочим, на всякие обманы отвлекается: пипл, дескать, хаваает!..

— Разучились ценить умного человека за годы войны — вот теперь плоды и пожинаем! — с сожалением диагностировал трагедию прошедших лет Тряпичный Человечек. — Многие талантливые и умные люди за границу сбежали, других поубивало нахрен, и вся страна живёт, словно в глуши, вдали от цивилизованного мира. Ползаем,

словно сослепу, на коленках, вокруг самих себя, возюкаемся в идеологических отбросах, а прорывов-то и нету!.. ни душевных, ни структурных... Ситуация-то зыбка.

— Но, ничего, граждане с гражданочками, всё-таки случаются просветы в любой жизни! — багряно озарившись, вымолвил Гутен-Морген. — Филушка-то вдруг явился к нам с мудрой истиной, не поленился в этакую дальнюю дорогу пуститься. Вот он сейчас начнёт умствовать, помогать нам с пути правды не свернуть да в обочину не свалиться. Так или не так я говорю?

— Так, так! — прокрякала Вежливая Уточка.

— Верно!.. — согласилась кукла Ляля.

Столь же одобрительно и сумбурно-благожелательно запыхтели и другие мудрецы, изготовившись собраться в заветный философский кружок, но факт совершённого злодеяния не мог оставаться незамеченным.

— Мамочки мои, мамочки родные!.. — запричитала голова Шикльгрубера, закатившись на колёсиках под стол и обнаружив окровавленную Ногу. — Ох, мамочки родные, не позвольте нам поверить глазам своим — ибо ужас навеки застынет в памяти!..

— Что такое? — вздрогнула Вежливая Уточка.

— Граждане, да здесь нашу Ногу убили!! Лежит вся в крови, порезанная. Насмерть.

Только сейчас все пришедшие существа затихли, отвлеклись друг от друга и увидели, что пол под столом залит вязко стынувшей лужей крови. А рядом бездыханно лежит зверски замученная Нога. Затем все взоры перевелись на меня — спящего безмятежно и кротко, спящего, словно ангел, вернувшийся домой с работы, после счастливого радения в райских куцах, но почему-то с ножом в руке!.. С окровавленным ножом в руке!..

— Вы все это видите или мне одной мерещится?.. — воскликнула голова Шикльгрубера, сумбурно перекатываясь по комнате. — Тогда скажите: кто же совершил преступление в диком пьяном бреду, если не Филушка?.. Кто набросился с ножом на беззащитную Ногу и в ярости погубил её светлую наивную жизнь?..

— Как это — кто?? — догадливо просипел Гутен-Морген. — Да вот же он!! Филушка и есть!!

Казалось бы, самая элементарная разумная оценка внезапного и никому ненужного убийства вставала на мою защиту, указывала на невиновность. Но факт, остро пахнувший окровавленным ножом, подавлял весь здравый смысл и причитал: кто же ещё прирезал бедняжку Ногу, если не Филушка?.. Странно, что никто из пришедших, в том числе и кукла Ляля, не вспомнили про Ослиные Уши, не захотели разобраться в причине их загадочного отсутствия, выяснить все детали преступления до мельчайших подробностей. В руке моей находился окровавленный нож, и потому всё неистовство обвинения рухнуло на меня... К чему уж тут вспоминать про Ослиные Уши?.. Да если желаете знать, я мог и Ослиные Уши зарезать, после того, как убил Ногу. А затем припрятал где-нибудь неподалёку. Надо только хорошенько поискать их, чтоб окончательно убедиться в моей кровожадности.

— Филушка-то сукой оказался, Ногу зарезал! — содрогнулся от куражливого ужаса Набекрень. — Вот додумался до чего, окаянный!! Ни стыда, ни совести!!

— Просто мерзавец!! — весьма горестно застонал Тряпичный Человечек. — Сам я гости напросился, а затем с ножом набросился, как ни в чём не бывало!.. Это ж откуда такие сволочи приходят?..

— Нет справедливости в мире. — строго отчеканила Пригожая Кувалда. — Я давно себе говорила, что пора взяться за дело и наводить в стране порядок. Да всё лень было. Но

теперь-то я в сторонке не останусь.

— Ох, Нога, голубушка ты наша! — запричитала 中国的长城. — Ты, вроде как получается, гадюку на груди пригрела, страдальца-то наша!.. Ты всегда первому встречному дверь открывала и доверялась всецело. Душа была добрая, вся нараспашку.

— Вот и надоверялась. — кисло поморщился Набекрень. — А в мире случаются невероятные несправедливости и подлости. Ещё похлеще там всяких Абракадабров. Такой выходит для всех нас урок на будущее.

— Надоверялась! — отчаянно соглашалась 中国的长城. — Погибла ни за грош.

— Как же так? — задыхаясь и теребя рюшечки на платье, шептала кукла Ляля. — Я, возможно, неправильно понимаю всё случившееся, и с кем-то путаю Филушку и окровавленный труп... Что здесь произошло, в конце концов, объясните мне??

— Да Филушка уколошил Ногу, чего не ясного. — пожала плечами Бляха-Муха.

— Взял так просто, да и убил. — ёмко объяснил Тряпичный Человечек. — Вот, значит, как повелось теперь на белом свете: философию-то с ножом в руке преподают!.. Чуть чего, чуть не внял преподаванию гуманитарных дисциплин — получай ножом по горлу!.. раз-раз!..

Тряпичный Человек старательно изобразил процесс перерезания горла. Кукла Ляля отрешённо села на табурет и ахнула.

— Да он не один такой, поверьте мне на слово. — высказался без обиняков Тряпичный Человечек. — Все эти мимолётные странники транжируют нашего брата как хотят. Им на свой дурной лад думается: одной Ногой больше, одной Ногой меньше — принципиальная ли разница?.. Захочу, так навывдумываю в своих книжонках ещё пятьсот штук говорящих Ног, а захочу, так все книжки в клочки порву — вот и вся философия современных людишек, понять её не сложно!..

— Вот что получается, если призадуматься... — запнулся в ужасе от собственных мыслей Взварец. — Получается, что скопище странников однажды появится в лесу и нас всех поубивает?..

Совершенно нелепое умозаключение, способное зародиться в крайне специфических мозгах, но, кажется, сейчас в домике именно такие мозги и собрались.

— Получается, что застигнуть нас врасплох — проще пареной репы, поскольку про нашу наивность только ленивый не распространяется всеу. — продолжал в страхе лепетать Взварец. — Получается, что если скопище странников прихватит с собой сотню-другую остро отточенных ножей и завалится в лес, так от нас останутся одни рожки да ножки?..

— Матушки! батюшки! люди добрые!.. — заломила руки к небу 中国的长城. — Мне только что смерть в лицо дыхнула!.. капец!!!

— Убивают!!! — разразился истошным визгом Набекрень, забрался на стол и принялся швырять на пол грохочущие бутылки, тарелки, чашки. — А! А! А!..

— Я живой не сдамся!! — присоединилась к воплям Набекреня голова Шикльгрубера. — Я сама кому хочешь кровь пушу!!

— Раз — и труп! раз — и ещё раз труп! тут если в запал войдёшь, так не остановишься!.. — страстно завыл Гутен-Морген. — Ножей на всех хватит. Карачун — он такой.

— Никогда себе не прощу, что ленилась до сих пор. — Пригожая Кувалда мотала тяжёлой, седеющей на глазах головой. — Сон разума — он ведь при обстоятельствах сытой жизни ещё крепче спит. А я была сыта, и всем довольна.

— Раз — и по горлу! раз — и в брюхо нож засадить! проверить его хорошенько, для

надёжности! раз — и готово! — пронзительным голосом Гутен-Морген обозначил количество предполагаемых трупов. — Одним за другим — так всех нас и порешат... А! А! А!..

— Как же это могло случиться? — шептала потрясённая кукла Ляля. — У меня в голове не укладывается ничего подобного... Зачем Филушка убил Ногу?.. Неужели это кому-то надо?..

— А! А! А!..

— Я просто попробую задержаться на двуличном понятие НАДО!.. — шептала кукла. — Если мы все, не игнорируя ничего своего личного, так или иначе связаны друг с другом, то это НАДО неотъемлемо от нас всех... а если нам всего этого не надо... то есть, если нам надо, чтобы нам не было дано это НАДО, то не свяжет ли эта новая необходимость всех нас единой цепью?.. И куда нас всех потащит, тот, кто встанет во главе цепи??

— Да прекращайте вы все свои интеллигентские заморочки!! бросьте рассуждать!! — злобно заелозил Набекрень. — Вот я вижу перед собой убийцу!! Прошу всех убедиться: нож в его руке!! Меня оторопь берёт, а я всё вижу и вижу!! Мне его НАДО и даром не надо!!

— Точно, мы сами убедились в наличии ножа. — пискливо заскандалили Неодолимые Шаровары. — Разбудите-ка убийцу и полюбуйтесь, как он примется всех нас по кусочкам кромсать! Знаем мы эту струю сладострастной порочности у подобных типов!..

— Режут!! спасайся кто может!! — начал-было завывать Шломанный Моторшик, но поломался в левом боку, больно грохнулся носом об стол и онемел.

— Мы-то, слава Богу, завсегда сами по себе! слава Богу, можем разобраться кой-в-чём, если необходимость будет, а если надо, то и смошенничать не прочь!.. слава Богу, мы ещё не совсем того!! — запричитала Вежливая Уточка, безымянной жестикуляцией демонстрируя, как она «слава Богу, ещё не совсем того». — Мы-то существуем на земле-матушке в ровном умении, и излишков от неба нам не надо!.. А этот-то на нас с ножом полез! темперамент-то его на гротескных нотах пророс и наверняка довольствуется, подлец, своей жизнеустойчивостью!.. нет, Филушка, извини-подвинься с таким темпераментом!..

— Убийство!! Ногу убил Филушка — против фактов не попрёшь!! — хлопотливо ахали лесные мудрецы, суетливо шныряющие глазами по домику.

— Убийство!! — взбалмошно завизжали Набекрень, Бляха-Муха и голова Шикльгубера.

Ненависть, подгоняемая суеверной мнительностью, ударила коротким всепоглощающим залпом, напоилась яростными эмоциями и ринулась в мстительный бой.

— Филушка ты наш, Филушка! — заплакала кукла Ляля. — Душа твоя пропащая.

— Да его повесить надо! — исступлённо завизжал Набекрень. — Кровь за кровь, а смерть за смерть!

— А! А! А! — безумствовал Гутен-Морген. — Дорогие товарищи, от имени и по поручению всех нас, я приговариваю убийцу к смертной казне. Собаке — собачья смерть.

— Повесить! — тихонечко, но веско проговорил профессор Крысюк.

— Тащите-ка его сюда, под крюк в потолке! здесь мы его и повесим!..

Совершенно непонятно, зачем в потолке комнаты торчал прочный железный крюк, но сегодня он пригодился разбушевавшимся лесным мудрецам.

— Жми!.. Давай!.. Налегай!..

— Сюда его тащите, ко мне в любезные объятия! — издевательским паясничанием выказал себя профессор Крысюк и залихватски прихлопнул по собственному брюшку.

— К профессору его тащите, держите крепче! — подталкивала меня Пригожая Кувалда. — Профессоровы объятия он теперь надолго запомнит!..

— Туда его, подлеца! сюда его, подлеца! — ловко крутила петлю из верёвки Вежливая Уточка.

— А! А! А! — неистовствовал Гутен-Морган, привязывая верёвку к крюку в потолке.

— Что, голубчик, не ожидал наступления эры возмездия? — язвительно хохотал профессор Крысюк. — От меня не убежишь, я таких как ты по запаху чую — ибо дерьмо ты, а не человек!..

Я уже проснулся и был готов подарить себя новому дню, но впал в замешательство, не понимая, как можно уяснить поток ненависти и брызги ругани, направленные на меня... происходящее не могло существовать взаправду, но и не казалось продолжением причудливого сна, а тяжело открывалось как бы иным, вовсе даже посторонним для меня сном, коварно отупляющей галлюцинацией... я пытался избежать несправедливой боли, пытался сказать что-то этим плюющим и орущим существам, сказать что-то доброе и ласковое, что-то складываемое из бесхитростных умалений и отчаянных сопротивлений!.. но голову мою уверенно и до обидного легко просунули в петлю, скрутили за спиной руки, ударили для острастки в подбрюшину... я с приторным щенячьим удивлением посмотрел в алчно слезящиеся глаза профессора Крысюка, ойкнул липким дыханием, задохнулся короткой дрожью страха — и через несколько секунд болтался мёртвым на грязной верёвке, пугая тех, кто остался жить, высунутым длинным языком... я никогда не думал, что смерть настолько проста, что совсем немного в ней от сил дисциплинирующего мистического зла... смерть, скорее всего, похожа на заброшенный и утомлённый одиночеством колодец... со смертью можно запросто смириться, важен лишь элемент натиска, неожиданности!.. Меня убили быстро и умело, я так ничего толком и не смог сообразить.

— Bravo, профессор, bravo!..

— Защитник вы наш! bravo, профессор!..

— Ладно уж. — стеснительно улыбался профессор Крысюк.

— Нет, действительно, bravo — это мы вам должное отдаём! Вы и за ноги его крепко попридержали, чтобы не брыкался сильно, а это у вас от больших способностей и таланта! — восторженно поделилась впечатлениями Вежливая Уточка.

Лесные мудрецы с растерянным удовольствием разглядывали моё повешенное тело. Жажда мести удовлетворённо рассеивалась и потихонечку хихикала, неспешно приближаясь к осознанию всей низости совершённого и насмешки судьбы.

— Зря, мы ему не дали перед смертью высказаться... — пробормотал Тряпичный Человечек. — Может, он и сказал бы нам чего умного. Может, мы его и поняли бы. Парень-то, вижу, симпатичный был, и не дурак.

— Это точно, что он дураком не был. — сказала Вежливая Уточка. — И глаза добрые.

— Да, глаза у него добрые, это я успел заметить. — с запоздалой чуткостью согласился профессор Крысюк. — Главное-то и не глаза, конечно, а тот факт, что было в Филушке нечто симпатичное, елейное. Знаете, так бывает, когда наказываешь собачонку, чтоб она сардельки со стола не тырила, а заглядываешь ей в глазки и понимаешь, что нет в ней вины за сардельки. Даже если и стырила — то всё равно не виновата, всё равно нет необходимости её лупить. Получается что-то такое необыкновенно странное, когда внимательно заглядываешь в глаза собачонке. Так и с Филушкой выходит, дорогие мои друзья. Вот сейчас не хотелось бы мне заново ему казнь устраивать. По челюсти захватить —

заехал бы, да и то сперва крепко бы подумал.

— Простите, профессор, но ваше последнее замечание меня настраивает на трагический лад. — сказала кукла Ляля, робко и сострадательно ткнув мизинцем в моё висячее тело, заставляя его слегка покачаться. — Что-то мне перестала нравиться наша акция буйного возмездия... меня начинает знобить крайне неприятно... но о своём здоровье я подумываю поговорить после, хотя связать полученные эффекты и результаты необходимо прямо сейчас... Быть может, мы поторопились с повешением?.. Как вы думаете, друзья?

— Почему поторопились? — удивился профессор Крысюк.

— Потому что мы повесили Филушку, требуя справедливого наказания. А вдруг он не виноват в убийстве Ноги??

— А кто тогда виноват? — с искренним любопытством прищурился профессор.

— Я не знаю. — кукла Ляля развела руками. — Я знаю, что всякий из здесь присутствующих в чём-либо виноват, но мы никого никогда не вешали — во всяком случае с таким энтузиазмом — поскольку были вправе считать, что никто ни в чём способен быть не виноват. Вина Филушки, нам показалось, лежит на поверхности, но возможно, что поверхности в данном преступлении может и не быть. А в глубину мы даже не заглянули, даже не попробовали заглянуть в глубину — от этого мне сейчас вовсе паршиво.

— Но кто-то же должен быть виноват! — с печальной озабоченностью оглянула друзей голова Шикльгубера.

Вина — категория не абсолютная и не нарицательная. В отличии от процесса повешения, процесс обвинения нагоняет скуку. К тому же, тот, кто висит — уже ни на чём не настаивает, а процесс доказательства вины постоянно чего-то требует от вас, и вы постоянно чего-то требуете от себя.

— Представляете, меня сейчас озарение посетило: нету в Филушке вины за убийство!.. Лично я не усматриваю в нём злодейского надрыва! — пристыженно вымолвила 中国的长城 и пощупала мой нос. — Коченеет!..

— Уже? — удивились Неодолимые Шаровары. — Да, поторопились мы с казнью, напрасно Филушку повесили. Как-то всполошено всё получилось, и почему-то никто не смог нас заставить посидеть, призадуматься... Вот мой вам совет на будущее: учитесь сдерживаться, храните эмоции при себе как можно тщательней.

— Зато позабавились не плохо. — попробовал поёрничать Взварец, но тут же получил тычка в бок от соседа. — Ай!.. Да что я такого сказал?.. Просто мне было забавно, и я — как честный человек — этого не скрываю, а уж если вы все теперь против — так значит и я буду против.

— Забавы-то у вас дикие! народец-то вы беспросветно лесной! — взволнованно упрекнул собравшихся Набекрень. — Заорали благим матом, засуетились, завозились: давайте вешать! давайте вешать!.. Ну и повесили, поторопились с выводами, а теперь вот локти кусаем. А ведь вспомните, что я вам ещё давеча говорил?.. А я говорил, что жизнь только тогда справедлива, когда в ней больше мира и больше позитива!..

Никто не мог припомнить, когда Набекрень произносил эти золотые слова, но сейчас все пристыженно соглашались с тяжёлой правдой.

— Вот какие мы поганцы оказались! взяли — и, не разобравшись толком, человека повесили! — усовестила друзей голова Шикльгубера. — И как это по-нашему называется?..

— Свинство. — раскаянно вздохнула Вежливая Уточка.

— А только ли свинство? — строго спросил Гутен-Морген. — Не найдём ли мы более

точного определения своему варварскому поступку?

— Найдём. — вздохнула Вежливая Уточка. — Изуверство, паскудство... да много разных слов...

— Да жопа — тут одно слово, чего ещё говорить! — злобно отхаркнулся Шломаный Моторшик, едва приподнимаясь на ноги. — Вы, словно черти на человека накинулись — мне наблюдать за вами со стороны было крайне противно.

— Давайте вешать! давайте вешать! А! А! А!.. — Набекрень с грустью продолжал вспоминать расточительные минуты беспутства. — Навалились всей оравой на одного, как будто радость такая невероятная — человек вешать... Конечно, он и сам тоже отчасти виноват... хоть бы сказал о чём, пока мы из него изъяны выколачивали и петлю крутили, хоть бы разъяснил нам событийность: не я, мол, в убийстве Ноги виноват! помилосердствуйте, братцы!..

— Да он спал вроде крепко. — буркнул профессор Крысюк. — А когда разъяснять принялся — уже поздно было.

— Поздно... Матюгнулся бы как следует, вдарил кому-нибудь по шее беспринципно — все бы и поняли, что тут несправедное дело творится, что надо оппонента выслушать. Мы же не звери, если с нами по-человечески обращаться. А если не обращаться по-человечески, то конечно же будем вести себя как звери — от природы никуда не денешься!.. Профессор-то кого угодно повесит в два счёта — ему только волю дай. А парня жалко, ведь молодого парня погубили ни за понюшку табаку.

— Хорошая мысль приходит опосля. — вздохнула Бляха-Муха.

— Свинство. — горько улыбнулся Тряпичный Человечек. — К чему бы мы не приложили свои руки — даже пускай из самых лучших побуждений — а в результате получится сплошное свинство. Я предлагаю вам, дорогие друзья, не разглашать этой истории по лесу, спокойно покинуть дом и больше никогда сюда не возвращаться.

— Согласна. — запинаясь забормотала 中国的长城. — Валить надо отсюда поскорей.

Кукла Ляля горестно вознесла руки... Сейчас ей до боли не хватало обыкновенных, заискивающих перед душой и совестью, слёз!! Сияющих заплаканных глаз!!

— Пойдёмте-ка, братцы, отсюда. — голова Шикльгрубера окинула суровым взором помещение и уверенно покатила на колёсиках к выходу.

— Да, братцы, чем быстрее мы пойдём отсюда — тем будет лучше. — с поэтической напевностью сказала кукла Ляля. — Мы теперь должны себя побережь от мотивов, выворачивающих сердце наизнанку, а то ведь недалеко и до всеобщей истерики, до падения в раж самобичевания... грех, содеянный нами — он ясен именно как грех, но не более того... а теперь, однако, пусть мёртвые сами решают, кто из нас более греховен и виноват в их смерти: они — мёртвые — поскольку плохо держались за жизнь, или мы — живые — поскольку не торопимся умирать... Пусть мёртвые хоронят своих мертвецов, а потому нам следует покинуть это место и никому не мешать!..

Все гости торопливо вышли из домика и поплелись прочь, запинаясь об вековечное беспокойство никчёмной мудрости. Разошлись в разные стороны, не прощаясь друг с другом и осознавая, что уже никогда не придут сюда, в гости, никогда не выпьют наваристого чаю, не поболтают о пронизывающей скуке, о беспрестанности сменяющих друг друга дней и ночей, войн и праздников, сумасбродства и праведности... Ушли, подальше от мёртвых, чтоб не мешать себе быть живыми.

И теперь покинутый домик таится в тускло-загадочном лесу, приманивает к себе

блуждающих любопытных мух обшарпанными запахами прошедшей жизни, угрюмо-светлым огоньком окошка и покачивающимся на верёвке коченеющим телом. Моим телом.

Пронзительный ток голоса прапорщика Удушенко ударился в запертую дверь и рухнул на порог, дожидаясь ещё одного решительного, раскрытого настежь выхода. Послышался усталый гудок локомотива. На земле стало чуть холодней и неуютней. Зевнуло восходящее солнце.

Больше книг на сайте - Knigoed.net